

Икбал Сингх

**ПОВЕСТЬ
ОБ АНДАМАНАХ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Икбал Сингх

**ПОВЕСТЬ
ОБ АНДАМАНАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

N. Iqbal Singh
THE ANDAMAN STORY
Vikas Publishing House
New Delhi, 1978

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. В. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Сокращенный перевод с английского
В. Д. БАБАКАЕВА

Ответственные редакторы и авторы послесловия
Л. Б. АЛАЕВ и А. Н. СЕДЛОВСКАЯ

Сингх И.

С 38 Повесть об Андаманах. Сокр. пер. с англ.
В. Д. Бабакаева.—Послелс. Л. Б. Алаева и
А. Н. Седловской.—М.: Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1984.

272 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»)

Книга прогрессивного индийского публициста Икбала Сингха о трагической судьбе почти полностью исчезнувшего аборигенного населения Андаманских и Никобарских островов написана на основе личных впечатлений автора с привлечением большого фактического материала из архивов и литературных источников. В течение долгого времени эти острова служили опорной базой английских колонизаторов в Индийском океане и после жестоко подавленного Великого народного восстания 1857—1859 гг. стали местом, куда отправляли на пожизненную каторгу борцов за свободу и независимость Индии.

С 0508000000-215 108-84
013(02)-84

ББК63.5

© N. Iqbal Singh, 1978.

© Перевод, примечания и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

Очаровательной девушке из племени онге, которую я встретил на Малом Андамане. Пусть племя ее растет!

ПРЕДИСЛОВИЕ

— Если бы у вас было, на счастье, только 250 фунтов стерлингов и больше ничего, и вам предложили выбрать место, где вы захотели бы поселиться до конца своих дней, то какой уголок Земли вы бы предпочли?

Такой вопрос вскоре после второй мировой войны задала английскому писателю Комптону Макензи.

Он ответил:

— Кар-Никобар. (К. Макензи незадолго до этого там побывал.)

И я не удивился этому. Я ответил бы то же самое, но при этом добавил бы, что Кар-Никобар — это пальмовые рощи, вечно шелестящее-опахало.

Однако, возможно, я не ограничил бы свой выбор только островом Кар-Никобар и пошел бы дальше и даже решительно предпочел один из многих других островов из группы Андаманских и Никобарских островов, так как они обладают уникальной красотой и живописным великолепием, причем не только острова, но и окружающее их море.

Это было «*veni, vidi, vici*»¹, только, пожалуй, наоборот — я пришел, увидел и почувствовал себя побежденным. Я был буквально очарован островами, и это состояние продолжалось на протяжении всех четырех лет, которые я там провел. И не только тогда. Я снова вернулся сюда в 1975 году, через пять лет, но чувство это не проходило.

Было бы пустой тратой времени пытаться написать обо всех, кто в свое время оказывался в плену этих непостижимо прекрасных островов. Среди них были и арабы, и китайцы, и европейцы. Одни приходили сюда

---

¹ *Veni, vidi, vici* (лат.) — «пришел, увидел, победил» (здесь и далее примеч. ред.).

как путешественники, другие — как искатели приключений. Но даже среди должностных лиц, которые прибыли на острова после занятия их англичанами, когда закончилось восстание сипаев², было несколько замечательных людей.

Первое место среди тех, кто прибыл в качестве сотрудников британской администрации, должен занять Эдвард Гораций Мэн, сын одного из первых главных комиссаров островов — Генри Мэна. Эдвард Гораций Мэн — «дитя» этих островов. Он принадлежит к тому необычному поколению, которое действительно пыталось отождествлять себя с местными жителями. Мэн много ездил и близко познакомился с островами и их населением. Он долго изучал образ жизни, нравы, обычаи и язык андаманцев и никобарцев. Его исследования носят глубокий характер, а труды о населении этих островов весьма авторитетны. Мэн даже составил словарь никобарского языка, который до настоящего времени остается самым достоверным среди других.

Подполковник Ричард Темпл³ также был Главным комиссаром островов. В 1901 году он провел первую всеобщую перепись населения островов. Без сомнения, его отчет о результатах переписи — самый толковый из написанных до сих пор.

Подполковник М. Л. Феррар ближе всех к нашему времени. Он учился в Сандхерсте⁴ одновременно с У. Черчиллем и в интервью, переданном радиостанцией Порт-Блэра по Всеиндийскому радио в 1969 году, когда ему исполнилось 90 лет, вспоминал этот город и с ностальгией годы, которые провел на Андаманах. Феррар пользовался популярностью среди местных жителей и входил в число немногих, кто мог утверждать, что у них есть друзья среди заключенных, так как любил играть с ними в хоккей в компаунде⁵ при местной тюрьме. Во время своего пребывания на Андаманах

---

² Восстание сипаев — так называют иногда Великое народное восстание против англичан в Индии 1857—1859 гг. Сипай — солдат англо-индийской армии.

³ Ричард Кэрпак Темпл (1850—1931) — крупный английский чиновник в Индии и ученый, в 1894 г. — глава британской администрации на Андаманских и Никобарских островах. Этнограф, антрополог, нумизмат, фольклорист, издатель журнала «Indian Antiquary».

⁴ Сандхерст — военное училище в Англии для привилегированных слоев населения.

⁵ Компаунд — огороженная территория вокруг промышленного предприятия, резиденции, занимаемой европейцами на Востоке.

Феррар собрал коллекцию бабочек и в одной радиопередаче рассказал об этом. Отбросив скромность, Феррар заявил, что считает свою коллекцию лучшей из всех, когда-либо собранных. Феррар добавил, что подарил ее Британскому музею, где ее можно увидеть и сейчас. Когда я спросил одного сотрудника администрации Андаманских и Никобарских островов, прослужившего в ней 41 год при 16 различных главных комиссарах, как английских, так и индийских, кто же, по его мнению, был среди них самым лучшим и наиболее знаменитым, то получил категоричный ответ:

— Феррар!

Андаманы также привлекали искателей приключений и людей, стремившихся уйти от тягот и горестей реальной жизни.

Что бы ни приводило людей на Андаманские и Никобарские острова, хотя они и носят название *Кале мани* (Черные воды), они покидали их полностью очарованными и с надеждой, что снова когда-нибудь сюда вернуться.

Теперь же, пользуясь своим правом, я с большим удовольствием хотел бы выразить глубокую благодарность всем лицам и организациям, которые в той или иной степени помогли мне при написании этой книги.

В число организаций, которым я должен прежде всего выразить благодарность, входят Национальный архив Индии, библиотека Академии песни и танца, библиотека им. Дж. Неру, библиотека Службы Главного комиссара по проведению переписи, исторический отдел министерства обороны, Институт гражданских служб Индии и, наконец, библиотека и архив индийского представительства в Лондоне.

Читатель, вероятно, обратит внимание на то, что я не дал примечаний. Это моя причуда, так как я считаю, что они вызывают раздражение и отвлекают внимание читателя. Поэтому ответственность за это упущение лежит целиком на мне. Однако следует добавить, что все изложенное в книге полностью основано на источниках.

Дели, 1978 год

Н. Икбал Сингх

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Согласно легенде, после того как Рама¹ решил построить мост через море, чтобы вернуть свою супругу Ситу, похищенную правителем Ланки Раваном, сначала он думал использовать для этой цели гряду Андаманских и Никобарских островов. Потом, конечно, он отказался от этой мысли и соорудил мост в более подходящем месте, названном Адамовым мостом². Вероятно, это первое упоминание о двух группах островов, известных сейчас как Андаманские и Никобарские.

Клавдий Птолемей, великий древнегреческий географ, во II веке нанес эти острова на составленные им карты. Птолемей назвал их Островами каннибалов. Следующее упоминание о них обнаружено в трудах И Цзина, китайского путешественника. В 671 году нашей эры он отправился на персидском судне в Индию. На Суматре он изучал буддизм, а затем добрался до берегов Никобарских островов. В 673 году он вернулся в Индию. И Цзин назвал эти острова Андабанами, а их жителей — каннибалами. Очевидно, он основывал свои выводы на слухах.

Известен отчет двух арабских путешественников, который был переведен в XVIII веке аббатом Ренодо, французским священником. Возможно, эти арабы действительно совершили путешествие в 70-х годах IX столетия, хотя это и вызывает сомнение. Вот как они описывали эти острова и их жителей:

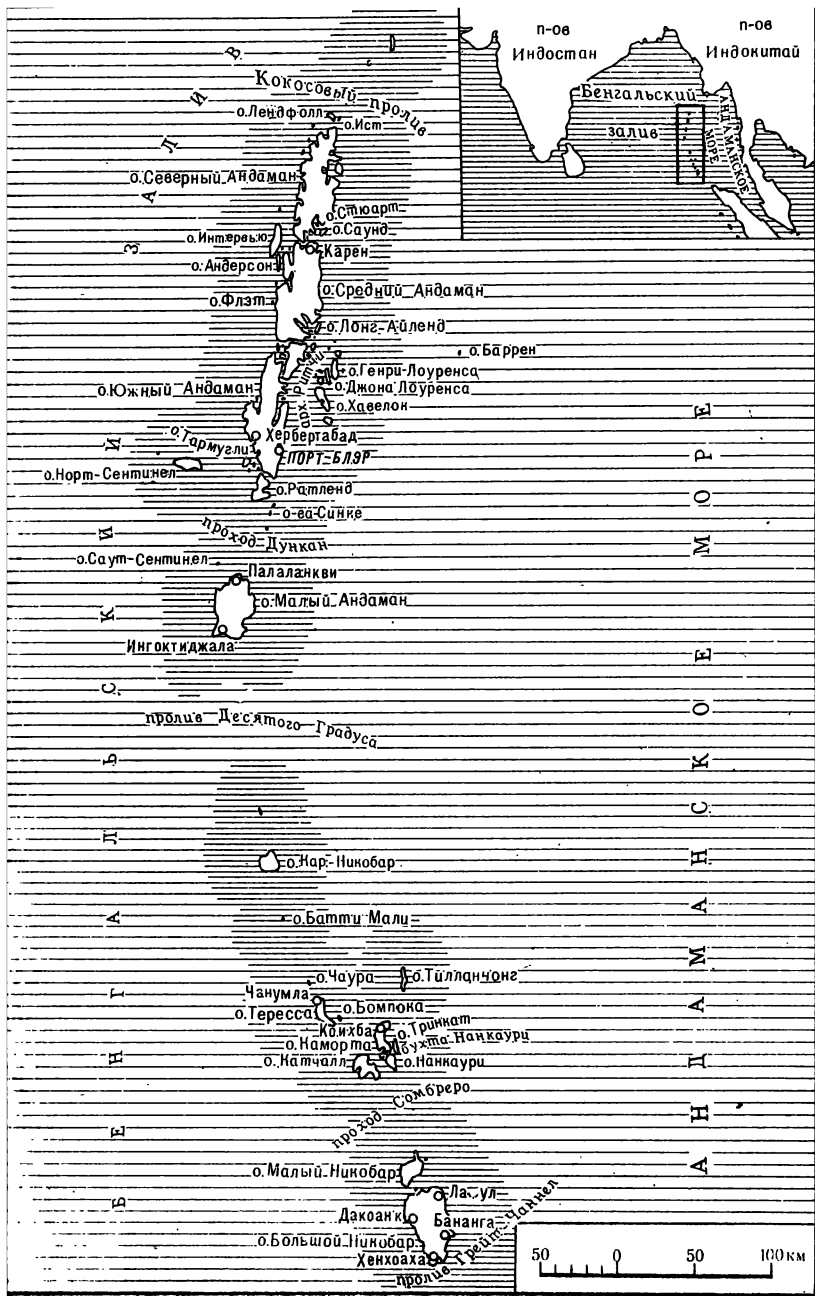
«Люди, которые живут на побережье, едят человеческое мясо совсем сырым. У них темный цвет кожи, курчавые волосы, страшные лица и глаза, огромные ступни длиной до локтя³. Они ходят почти голыми.

---

¹ Рама, Сита, Равана — герои древнеиндийского эпоса «Рама-яна».

² Адамов мост — цепь скал, банок и песчаных отмелей между Индией и Шри Ланкой.

³ Локоть — мера длины, равная 45 см.

Карта-схема Андаманских и Никобарских островов

У них нет лодок, а если бы они их имели, то поедали бы всех проплывающих мимо, которых сумели бы заполучить».

Еще одним путешественником, который проплывал мимо этих островов, но не посетил их, был Марко Поло, житель Венеции. Свои странствия он начал в 1271 году. Марко Поло побывал в Китае и объездил практически всю Азию. В отчете о своих путешествиях он упоминал Андаманы как «очень большой остров». Марко Поло писал, что у островитян нет правителя. Они идолопоклонники и ведут себя как дикари. Они коварны, и хотя у них всего в изобилии, если встречают человека, не похожего на них, то съедают его. У всех жителей этого острова головы похожи на собачьи. В пищу они употребляют и рис, и молоко, и любое мясо. У них также много кокосов, «райских» яблок и разных фруктов. Сам же остров расположен в море столь бурном и глубоком, что суда не могут там бросать якоря и уплывают от него, иначе их занесет в залив, из которого они никогда уже не смогут выбраться.

Странствующий монах Одорик в 1322 году писал, что у жителей Андаманских островов «лица как у собак и они — каннибалы». В начале XV века Андаманы якобы посетил Николо Конти. С 1414 по 1439 год он исходил все места к востоку от Дамаска до Индокитая и повторил тот же миф, заявив, что «жители этих островов разрывают чужеземцев на куски и пожирают их». Миф продолжал существовать вплоть до 1625 года, когда магистр Чезаро Фредериче опубликовал книгу «Восемнадцать лет наблюдений за индийцами», в которой писал, что от Никобар до пролива Пегу простирается цепь неизвестного числа островов, на многих из которых живут дикари, поедающие друг друга. Они называют эти острова Андемаонскими. Между жителями этих островов ведутся войны; и если, к несчастью, какое-либо судно терпело крушение у этих островов, как это случалось со многими, то ни один человек с такого судна не спасался — его или съедали, или убивали. «Жители островов не связаны ни с какими другими народами, не торгуют с ними и существуют только на то, что эти острова дают им».

И только после того как Ост-Индская компания начала проявлять интерес к этим островам, лишь тогда до мира впервые стали доходить достоверные сведения об Андаманских островах и их жителях. В 1788 году лорд

Корнуоллис (в то время генерал-губернатор Индии) направил известного исследователя лейтенанта Арчибалда Блэра на эти острова, чтобы подробнее изучить их.

Согласно одной теории, название «Андаманские» обязано своим происхождением малайцам, которым эти острова были знакомы с незапамятных времен (оттуда они вывозили рабов). Обычно малайцы морем добирались до островов, захватывали аборигенов в плен и продавали в рабство. Эти острова называли Хандуманскими (так они произносят имя Хануман из великого классического произведения Индии «Рамаяна»). В конце концов Хандуманские острова стали называться Андаманскими.

Генри Юл, написавший комментарии к отчетам Марко Поло, высказал предположение, что «Ангаманиан» — название, которое использовал Марко Поло, — по-арабски значит «двойной» и свидетельствует о наличии двух Андаман — Большого и Малого. Некоторые ученые пытаются проследить происхождение слова «Ангаман» от Птолемея, который описывал их как богатые острова. Встречаются также названия «Ангаман», «Агдаман» и, наконец, «Андаман». В I тысячелетии нашей эры китайцам и японцам эти острова были известны как «Янг-таманд» и «Андабан».

Николо Конти, пытаясь объяснить смысл топонима «Андаман», назвал его Островом золота, а в известных Танджурских надписях⁴ 1050 года острова, по-видимому, упоминаются под названием «Тиаиттиву», что значит «острова нечестивых», — возможно, потому, что их считали островами каннибалов. В китайской истории периода династии Тан (с 618 по 907 год) упоминаются земли ракшасов, в число которых, вероятно, входили и Андаманские острова.

В отношении происхождения названия «Никобар» меньше таинственности, так как на протяжении веков Никобарские острова часто называли «Землей голых людей». И Цзин описывал их как «Ложэньго» («Земля голых людей»). Арабские путешественники называли их «Наджабулус». Возможно, искажением этого слова стало современное название «Никобар». В Танджурских надписях они упоминаются как «Наккаварум» («Земля голых людей»). «Некуверан» Марко Поло, «Накава-

⁴ Танджурские надписи — надписи династии Чола на стенах храма Раджараджешвары в г. Танджуре (совр. Танджавур в штате Тамилнад, Индия).

рам» Рашидаддина и «Никоверан» монаха Одорика, несомненно, представляют собой прямых предшественников португальских «Накабар» и «Никубар» XV и XVI веков и современного «Никобар».

О ранней истории Никобарских островов известно очень мало. Если в Танджурских надписях и есть о них упоминание, то оно, вероятно, свидетельствует о том, что Раджендра I⁵, правитель Южной Индии, либо завоевал их, либо по крайней мере посылал на эти острова военную экспедицию, так как нет никакого сомнения в том, что он распространил свою власть над многими странами Юго-Восточной Азии.

До того как был открыт мыс Доброй Надежды, значительных контактов между Европой и Никобарами не существовало. Потом европейские экспедиции на Дальний Восток стали весьма частым явлением, а Никобарские острова лежали на их пути. Португальские первооткрыватели даже пытались распространить христианство, но об этой их деятельности сохранилось мало сведений.

В 1556 году капитан Фредерик достиг берегов одного из Никобарских островов. В 1601 году во время правления королевы Елизаветы I Джеймс Ланкастер, который плыл на корабле Ост-Индской компании на Острова пряностей, посетил эти острова. Его сопровождали испанский миссионер Доминик Фернандес (он ехал из Малакки в Мадрас) и капитан Александр Дампир, совершавший кругосветное путешествие. Судно достигло берегов Большого Никобара. После бунта против капитана судна Рида Александру Дампиру и его нескольким спутникам пришлось высадиться на остров. Они провели на нем несколько дней, прежде чем смогли приобрести каноэ у местных жителей и затем отплыть на Суматру. В своем путевом дневнике «Путешествия» А. Дампир писал о некоем капитане Уэлдоне, который был там приблизительно в то же время на одном из Никобарских островов, возможно Нанкаури. О никобарцах он сообщал, что они жили «без всякого правительства, все равны без какого-либо различия; каждый мужчина правит в своем собственном доме». Он также упоминал о том, что Уэлдон обнаружил на острове двух монахов, посланных туда «для обращения язычников».

В 1695 году Джон Фрэнсис Гоммели, итальянский

⁵ Раджендра I (1012—1044) — правитель династии Чолов, его держава охватывала Южную Индию, часть Шри Ланки и Суматры.

врач, совершавший кругосветное путешествие, также высадился на одном из Никобарских островов. Он писал, что остров платит ежегодную дань определенным числом людей острову Андемон, жители которого едят их.

Это еще одно сообщение, явно основанное на слухах!

Первая организованная попытка обращения «туземцев» в христианскую веру была предпринята в январе 1711 года двумя французами-иезуитами — Форе и Талландиром, высадившимися на Большом Никобаре. В нашем распоряжении их письма («Письма очевидцев»), в которых они свидетельствуют, что прожили там два с половиной года. Вскоре они перебрались на другие острова и завершили свою миссию, проведя десять месяцев на Кар-Никобаре. Однако за этот период они сумели обратить в христианство лишь двух своих слуг.

Спустя несколько лет из Пондишери прибыл отец Шарль де Монталамбер для решения вопроса о возможности создания миссии на Никобарах. Французская Ост-Индская компания также просила его подобрать место для строительства фактории. Шарль де Монталамбер покинул острова после своего годичного пребывания на них (в 1742 году). Затем здесь появились датчане. Датская Ост-Индская компания также захотела создать поселение на Никобарах. Они дали островам новое название — острова Фредерика и учредили торговую факторию. Случилось это в 1756 году. Однако через год все члены экспедиции скончались от лихорадки. В 1769 году представители датской Ост-Индской компании в составе нескольких служащих, сопровождаемых шестью миссионерами и десятком солдат, снова появились на островах. Они обосновались на Нанкаури. Но их постигла та же участь — через два года большинство из них умерло, не выдержав тяжелых климатических условий.

Наступила очередь моравских миссионеров⁶. Двое из них, Генцель и Вангеман, достигнув Нанкаури, к своему ужасу обнаружили, что из четырех монахов-миссионеров, прибывших до них, один уже умер, а остальные серьезно больны. К 1787 году на Никобарах было уже одиннадцать моравских миссионеров. Все, за

⁶ «Моравские братья» — религиозная секта в Чехии, основанная в середине XV в. миссионерами из Моравии.

исключением одного, умерли. В то же время на сцене появился еще один искатель приключений — Уильям Болтс. Он с соответствующей церемонией поднял австрийский флаг и вступил во владение островами от имени императрицы Австрии Марии-Терезы и ее наследников. Ему удалось убедить австрийское правительство торговать с Восточной Индией и создать компанию с участием барона фон Проута из Голландии и двух купцов. Однако и это предприятие потерпело фиаско.

В 1778 году Кар-Никобар посетил швед, доктор И. Ф. Кёниг, который был лечащим врачом миссионеров в Транкебаре и натуралистом при навабе Арката⁷. В своем дневнике он называет «Каре-Некебар весьма привлекательным местом», где много лесов и зеленых полей.

Вмешательство искателя приключений У. Болтса в дела Никобарских островов, которые датчане, несомненно, стали считать своими владениями, привело к недовольству датчан. Поэтому в 1784 году они направили на острова еще одну экспедицию. Она также не имела никакого успеха, главным образом из-за неблагоприятного климата. Тем не менее им удалось содержать в гавани Нанкаури «жалкую малочисленную стражу», как ее позднее охарактеризовал Ричард Темпл. Последний был там с 1793 по 1807 год. В течение этого периода моравские миссионеры сделали две попытки (в 1790 и 1804 годах) вернуться. Воспользовавшись наполеоновскими войнами, которые продолжались в Европе с 1807 по 1814 год, англичане захватили контроль над островами. Однако после окончания войн им пришлось снова вернуть острова датчанам.

Тем не менее поток странствующих миссионеров не прекращаясь даже во время наполеоновских войн — острова посетил итальянский иезуит, прибывший из Рангуна, который вскоре вынужден был уехать в связи с болезнью. Датчане по-прежнему продолжали проявлять настойчивость. В 1827 году на острова прибыл датский миссионер Роузен для создания еще одного поселения. Его постигла та же участь — он вынужден был покинуть их в 1834 году из-за болезни. Однако основанное им небольшое поселение просуществовало еще года два.

---

⁷ Навабы Арката — правители княжества в Южной Индии (на территории современного штата Тамилнад), существовавшего с 1690 г. Попали в зависимость от англичан в середине XVIII в., после 1801 г. были окончательно лишены власти.

Затем настала очередь французских иезуитов Супри и Галабера. Они прибыли на острова в 1836 году и, промучившись там года два, отказались от своей затеи, так и не обратив никого в христианскую веру. После них здесь в 1842 году появились еще два французских миссионера — Шопар и Бюри. Бюри заболел и умер, прожив на островах менее двух месяцев. У Шопара также было подорвано здоровье. Он прожил тут до 25 июня 1845 года и скончался в убогой хижине на острове Терресса. За это время ему удалось обратить в христианство лишь одну женщину, да и та была его служанкой, ухаживавшей за ним во время болезни.

В 1845 году датчане сделали еще одну, последнюю попытку превратить Никобары в свою колонию. На этот раз они избрали своим представителем некоего Буша, который прибыл на борту «Шпигеля», английского судна из Калькутты. От имени датского короля Христиана VIII он поднял датский флаг как на Большом, так и на Малом Никобаре. В помощь Бушу послали Стина Билла с новым планом проведения колонизации этих территорий. В 1848 году датчане окончательно покинули острова, так как поняли, что их попытки по освоению островов не стоят получаемой от них прибыли.

В 1858 году здесь снова появились австрийцы с их собственным планом колонизации, который в конечном счете потерпел провал. В 1868 году Франц Мауэр, прусский офицер, посоветовал своему правительству взять власть над Никобарами. Из этого также ничего не вышло. Наконец, в 1869 году сюда прибыли англичане и оставались на островах вплоть до 1947 года, когда Индия получила независимость. Они покинули острова лишь на тот период второй мировой войны, когда их захватили японцы.

Теперь немного о легендах.

Никобарцы уверяют, что когда-то, давным-давно, здесь произошло великое наводнение. Согласно этой легенде, один никобарец сумел доплыть до большого дерева и вскарабкаться на него. Он просидел на нем, пока не кончились дожди и не спала вода. Спустившись с дерева, человек увидел собаку — она сидела на ветке другого дерева. В ушах у нее запутались большие шипы и колючки. Никобарец спас несчастное животное, взял с собой и сделал своей женой. Они стали жить вместе, и у них родились дети. Такова одна из легенд о происхождении никобарцев. Вот почему до сих пор

никобарцы носят *кисат* — набедренную повязку, едва прикрывающую их наготу, с хвостом словно у собаки. Они так завязывают голову лентой, что их уши торчат как у собаки.

Существует еще одна легенда. Давным-давно бирманский царь отправил дочь в изгнание, узнав о ее противоестественной связи с собакой. Когда принцесса высадилась у берегов Никобарских островов, она была беременной. Еще до рождения ребенка она убила собаку, уничтожив тем самым все доказательства своего позора. Однако она понимала, что следует продолжать род, поэтому впоследствии вышла замуж за сына, рожденного от собаки. Так на островах появились никобарцы.

У аборигенов Андаманских островов свои легенды об их происхождении. Они считают, что появились здесь до великого потопа. Легенда гласит, что однажды на их земле начался великий потоп, который вызвал оседание почвы на большом острове. Остров распался на множество островков. (Сегодня они составляют цепь Андаманских островов.) Разгневалась Майя Томола, родоначальница андаманцев, и разогнала народ. Согласно легенде, многие люди тогда утонули, а многие исчезли без следа, так же как и населявшие их земли огромные и свирепые звери. Конечно, все это произошло из-за Пулугу⁸. Именно Пулугу вызвал этот потоп, который поглотил острова и разъединил людей!

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСТРОВОВ И РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ

В группу Андаманских островов входят 204 крупных и мелких острова. Они лежат в 590 милях от устья реки Хугли (Западная Бенгалия) и в 120 милях от мыса Негре (Бирма). Андаманские острова вытянуты в длину на 219 миль, однако их максимальная ширина в некоторых местах составляет всего 32 мили. Самыми важными в этой группе являются три острова: Северный, Средний и Южный, известные как Большие Андаманы.

Андаманские острова лежат между 10-й и 14-й па-

---

⁸ Пулугу (или Билику) — в андаманской мифологии олицетворение разрушительного северо-восточного муссона.

раллелями северной широты и между 92-м и 94-м меридианами восточной долготы. К югу от Малого Андамана находится коварный пролив Десятого Градуса шириной 90 миль. За ним лежат Никобары. Большие Андаманы — это холмы, перемежающиеся узкими долинами. На островах сохранились густые тропические джунгли. Некоторые из холмов, особенно на восточном побережье, сравнительно высоки. Самый высокий (он находится на Северном Андамане) известен как Садл-Пик. Его высота — 2400 футов. Особенность Андаман — отсутствие рек, однако есть несколько неиссякаемых ручьев.

Ландшафт на Андаманах очень красивый, местами даже захватывающий. С птичьего полета цепь многочисленных холмов выглядит словно приглаженная щеткой, предварительно опущенной в лаванду; море переливается всевозможными оттенками голубого и зеленого, а коралловые гряды в многочисленных заливах, являющихся характерной чертой ландшафта, мерцают всеми цветами радуги. Береговая линия сильно изрезана, представляя, таким образом, множество естественных гаваней, и некоторые из них доступны судам во время прилива.

Группа Никобарских островов насчитывает всего 19 островов, около десятка из них обитаемы. Общая площадь Никобар составляет 635 квадратных миль. Только на долю Большого Никобара приходится 333 квадратные мили. Длина Никобарской цепи от северной оконечности Кар-Никобара до самой южной точки на Большом Никобаре составляет 160 миль. От Малого Андамана до Кар-Никобара — 60 миль, а от мыса Пигмалион, находящегося на самой южной оконечности Большого Никобара, до мыса Ачин в северной части Суматры (Индонезия) — около 91 мили.

Двумя наиболее важными островами Никобарской группы являются Большой Никобар и Кар-Никобар. Длина Большого Никобара — 30 миль, а ширина всего от 7 до 14 миль. На нем есть гряда холмов, тянущаяся вдоль восточного побережья. Самая высокая точка острова находится на севере — это гора Тхулиер высотой 2105 футов. Почти в центре острова проходит еще одна гряда холмов с максимальной высотой в 1333 фута. В западной части острова есть холмы. Между ними и морем лежат большие равнины. Большой Никобар — единственный остров в Андаманской и Никобарской цепи, который может похвастаться тем, что имеет годные

для судоходства реки. В западной части острова это Дагмар и Александра, на юге — Галатея.

Кар-Никобар имеет площадь всего 49 квадратных миль. Поверхность равнинная, только на северо-западе она слегка повышается футов на 200. Почва острова весьма плодородна, здесь растут кокосовые пальмы. Вот что рассказывают жители Кар-Никобара о происхождении этого дерева. Они утверждают, будто бы давным-давно на острове было очень мало воды. Откуда-то появился один смельчак, который буквально из своего локтя пустил воду. Люди, думая, что он настоящий дьявол, отрубили парню голову. На том месте, куда она скатилась, выросло дерево и начало плодоносить. Плоды дерева по форме напоминали отрубленную голову. Все боялись приблизиться к дереву и отведать его плодов. Спелые плоды падали, и рядом вырастали новые деревья. Так образовалась густая кокосовая роща. Однажды, когда в предсмертных муках изнемогал один старик, несколько мудрецов убедили его попробовать этих плодов, ведь все равно ему предстояло умереть. Старик съел кокос и нашел его таким вкусным, что попросил принести еще. Вскоре он совсем поправился и стал выглядеть очень молодо. После этого люди стали выращивать эти деревья и есть кокосовые орехи.

Кроме Большого Никобара и Кар-Никобара острова Тересса, Томпука, Каморта, Нанкаури, Тринкат, Катчалл, Палломилло, Кондал и, конечно, Чаура также заселены. Кстати, Чаура — один из островов, на котором до настоящего времени сохранились шаманы и знахари. Еще одна замечательная особенность этой цепи островов — наличие удобной природной гавани на Нанкаури.

Согласно одной теории, Андаманская и Никобарская группа островов, также известная как Острова залива (ведь они лежат в Бенгальском заливе), некогда являлась частью непрерывной горной гряды, протянувшейся от мыса Негре (Бирма) до мыса Ачин (Суматра); мыс Негре — продолжение Араканского горного хребта, который, в свою очередь, — один из ряда цепей, протянувшихся от восточной части Гималаев.

По мнению А. Д. Хьюма, который в 1873 году с несколькими естествоиспытателями изучал фауну Островов залива, эта теория «соединения» не подкрепляется *prima facie*⁹. Он считал, что «если острова когда-либо

⁹ *Prima facie* (лат.) — «по первому виду», на первый взгляд.

и имели единую, неразрывную связь с Араканским хребтом, то это было, по-видимому, в весьма далеком прошлом, поскольку на островах отсутствуют характерные виды, распространенные в настоящее время в районе Араканского хребта, и представлено значительно большее количество разнообразных и интересных форм по сравнению с авифауной Бирмы».

На Островах залива встречаются оба вида муссонов — северо-восточный и юго-западный. Средняя ежегодная норма осадков составляет 127,35 дюйма. Более трех четвертей площади покрыто густой и весьма пышной тропической растительностью.

ДАРЫ ПРИРОДЫ

Растительность Андаманских островов можно разделить на пять видов. Согласно мнению известного ботаника Ч. Э. Паркинсона (его книга «Лесная флора Андаманских островов» — единственное до сих пор исследование растительности Андаманских островов), этими видами являются: во-первых, мангровый лес, который растет на омываемых морем почвах и в соответствии с формированием береговой линии создает пояса, ширина их может варьироваться от нескольких ярдов до мили и более; во-вторых, литоральный (прибрежный) лес, на который также оказывает влияние море, но он находится за пределами его досягаемости, занимая плоские полосы земли вдоль побережья, ширина их колеблется от нескольких ярдов до десятка чейнов¹⁰; в-третьих, вечнозеленый лес, растущий на низких аллювиальных влажных участках земли в долинах или на влажных суглинистых плодородных холмах; в-четвертых, лиственные леса на холмистых местах и сравнительно скудных и сухих почвах; в-пятых, лес на выгоревших и маломощных почвах на склонах высоких холмов.

Ч. Э. Паркинсон пишет, что, начиная с уреза воды и до самых вершин высоких холмов, острова почти везде покрыты густым лесом. Он добавляет, что буйная и разнообразная лиственная растительность буквально поражает воображение.

---

¹⁰ Чейн (англ.) — мера длины, равная 20,1168 м.

В лесах на Андаманах преобладают вечнозеленые породы деревьев, но обычно они сильно опутаны вьющимися растениями. Иногда здесь можно встретить также и заросли бамбука. Повсюду можно видеть ползучие растения. Много тут строевого леса самых различных пород. Согласно «Имперскому газеттиру» за 1908 год¹¹, этот строевой лес в промышленных целях делился на три категории: «Первая — птерокарпус (*pterocarpus*), мраморное и атласное красное деревья; вторая — терминалия, хлебное дерево; третья — гурджан (*gurjan*), диду (*didu*), ивегий (*ywegui*)».

Наиболее известным из этих пород является птерокарпус. Одно время его даже экспортировали в Европу и Америку. Паркинсон описывал его как хорошо известное дерево с прочными раскидистыми ветвями, образующее с кронами других гигантов этих лесов крышу, или верхний полог, который на этих островах достигает средней высоты 140 футов. (Между прочим, именно древесина птерокарпуса пошла на постройку шхуны «Одинокая леди», на которой в 1968 году Элек Роуз, моряк-одиночка, совершил кругосветное путешествие в рекордный срок.) Птерокарпус уникален еще и потому, что его древесина обладает множеством оттенков — от светло-коричневого до темно-малинового.

Мраморное и атласное деревья также используются для декоративной отделки, особенно мебели. Гурджан применяется главным образом для производства шпал и мощения дорог; из него также добывают масло. Еще одним видом, который, вероятно, нигде больше не встречается, является *барр*. Это своеобразное дерево-урод. Уродство проявляется в появлении на стволе узловатых наростов. Тем самым создается причудливый рисунок древесины. Все, что сегодня изготавливается из барра, — предмет зависти коллекционеров. Паркинсон в своей книге рассматривает до 650 различных видов растений. По его мнению, 540 из них встречаются лишь на этих островах, а для остальных эти острова не являются их родиной.

С. Курц, другой видный ботаник (в 1866 году он также изучал флору Андаманских островов), насчитывает от 1500 до 1800 видов местных явнотрачных растений. Вдоль прибрежной линии, а также в примыкающей к

¹¹ Газеттиры — энциклопедические справочники по округам, княжествам и провинциям Индии; общеиндийские («имперские») газеттиры издавались в 1881, 1885—1887, 1907—1908 гг.

ней полосе отмечается довольно большое разнообразие флоры. За полосой прибрежного белоснежного песка сразу же начинается пышная растительность. Там, где нет береговой полосы, затопляемой во время прилива, в большом изобилии растут толстые мангровые деревья. Когда деревья погружаются в воду, кажется, будто они растут прямо в море. На участках, окаймляющих прибрежную линию, есть деревья с мясистыми листьями и цветами, похожими на веер, кустарники типа гибискуса и кустарник, цветы которого похожи на белую лилию. Кругом можно увидеть заросли ароматного пандануса. Когда панданус цветет, то это действительно удивительное зрелище. Чуть выше прибрежной полосы растут ползучие растения с лопастными листьями и крупными пурпурными цветами или лианы с желтыми цветами. Встречается растение с темно-синими и белыми цветами.

За кустарниками — деревья. Одни из них высокие, другие нет. Есть деревья, цветы которых похожи на гибискус, только они желтые и распускаются по ночам. Другое дерево имеет кольцевидные листья. Плоды этого дерева в верхней части открыты, а внутри — семя темного цвета. К числу интересных экземпляров местной флоры следует отнести также деревья с блестящими листьями. Цветы их довольно крупные, но нежные и бледно-розового цвета. Здесь можно встретить и деревья с ярко-красными и оранжевыми цветами, иногда очень ароматными. Однако ничто не может сравниться с внушающими благоговение великолепными вечнозелеными лесами, которыми покрыто несметное множество холмов. Следует также отметить изобилие орхидей на всех островах. Вдоль всего побережья растет кустарник, известный в ботанике как *Barringtonia speciosa*. Листья у него крупные и блестящие, а цветок в виде султана с кисточкой малинового цвета. Здесь также произрастает в изобилии высокий панданус, плоды которого — основная часть рациона никобарцев. Есть несколько видов невысокого вьющегося бамбука. Есть здесь и коричневое дерево, и перец, и арековая пальма. Вьющиеся растения дают млечный сок. В лесах на юге растут ротанговые пальмы.

Что касается животного мира, то на Андаманах есть кабаны, дикие кошки и игуаны¹². Следует заметить, что

¹² Игуана — семейство ящериц, около 700 видов, распространены в Западном полушарии. Мясо и яйца съедобны. Собственно игуаны (2 вида) длиной около 1,8 м.

кабаны, обитающие на этих островах, похожи на тех, которые есть в Китае. Встречается множество различных видов оленей, но они, образно говоря, — продукт недавнего импорта. На островах они очень быстро размножились. Много здесь также змей, есть и ядовитые, например кобра, королевская кобра (гамадριάд), голубой крайт, морские змеи и два вида ямкоголовых змей. На Андаманах обитает зеленая ящерица (*Phelfuma andamans*). Кроме Андаман этот вид ящерицы обнаружен лишь на Мадагаскаре.

Необитаемый остров Саут-Сентинел — пристанище кокосового краба, который здесь известен как «пальмовый вор». Этот краб темно-синего цвета и живет обычно на кокосовых пальмах. Следует заметить, что на Саут-Сентинеле кокосовых пальм нет. Поэтому «пальмовый вор» приспособился здесь жить на других деревьях.

На Андаманах есть зеленая черепаха — деликатес для гурманов. Кто не слышал о черепаховом супе? Местные жители охотятся не только за вкусным черепашиным мясом, но и за яйцами, которые черепахи откладывают в большом количестве.

На обширных коралловых рифах собирают трепангов. Хотелось бы, конечно, упомянуть и о ласточкиных гнездах — еще одном деликатесе для гурманов.

Лейтенант Арчибальд Блэр, исследователь этих островов, так описал пещеру с ласточкиными гнездами: «Основная пещера находится в южной части скалистого острова Стрейт (в проливе Дилиджент), высота которого не превышает 40 футов. Вход омывается морским приливом и представляет собой отверстие неправильной формы около 6 футов ширины и такой же высоты. По мере продвижения на 30 или 40 футов высота уменьшается до 4 футов, а ширина увеличивается до 20. В пещере темно и тепло, а потолок и стены покрыты гнездами. Огромное количество птиц летает, щебечет, мечется перед глазами. Их пение в сочетании с меланхолическим шумом волн, эхом отдающимся в мрачной пещере, производит довольно необычное впечатление. Вероятно, птицы вынуждены выбирать подобные пещеры, недоступные для змей или других животных. Возможно, тут им легче обороняться от хищных птиц. Гнездо представляет собой четверть сферы диаметром в два с половиной дюйма; прочно прилепленное к скале, оно остается открытым сверху».

Что касается состава ласточкиных гнезд, то лейтенант А. Блэр заметил, что они «липкие... растительная слизь, выступающая из скалы, увлажняется испарениями моря, омывающего нижнюю часть пещер. Растительная слизь, будучи высушенной, придает гнезду плотность, окраску и вкус...»

На Андаманских островах находят также много декоративных раковин и панцири черепах.

На Никобарских островах водится большое количество кабанов, но они неопасны. Имеются домашние свиньи. Они — свидетельство благосостояния островитянина. Одно время на острове Каморта насчитывалось несколько десятков голов одичавших буйволов и других видов крупного рогатого скота, оставленных там миссионерами. На Большом и Малом Никобарах, а также в некоторых других местах этой группы островов, особенно в реках Большого Никобара и на побережье, водится много крокодилов. На Большом и Малом Никобарах, на острове Катчалл можно увидеть обезьян, но на других островах они не встречаются. Эти обезьяны темного цвета, с длинными хвостами и питаются крабами. Поэтому их можно назвать крабедами.

«Население» подводного царства у берегов Никобар весьма похоже на животный мир у Андаманских островов. Правда, последние славятся, как известно, еще и жемчужницами. На Никобарах также встречаются ласточкины гнезда и низкосортные губки.

Еще одна отличительная черта этих островов — обилие летучих мышей (их обнаружено там 16 видов) и крыс (13 видов). Бытует ошибочное мнение, что фауна этих островов весьма бедна. Так, в 1872 году Аллан Октавиан Юм¹³ направил на эти острова естествоиспытателей. За шесть месяцев своего пребывания там они собрали 2 тысячи экземпляров птиц. В феврале 1873 года Юм провел на этих островах месяц. Видимо, он сам желал убедиться в том, как богата орнитофауна островов.

В 1964 году на Андаманских и Никобарских остро-

---

¹³ Аллан Октавиан Юм (1829—1912) — английский колониальный чиновник в Индии в 1849—1882 гг. После выхода в отставку остался в Индии и принял участие в общественной деятельности. В 1885 г. стал одним из инициаторов создания партии Индийский национальный конгресс, был генеральным секретарем партии до 1908 г.

вах побывал Хумайюн Абдулали, известный индийский орнитолог. Он писал, что к этому принудило его абсолютное отсутствие орнитологического материала Андаманских и Никобарских островов, на которых не проводилось никакой работы последние 50 лет. Сам Хумайюн Абдулали собрал 312 экземпляров птиц, 35 из которых были пойманы на Кар-Никобаре и Нанкаури.

Из птиц, наиболее часто встречающихся на островах, особенно интересны два вида голубей — никобарский голубь и пестрый имперский. Никобарский голубь обитает также и на Андаманских островах. Это очень привлекательная птица. Лапки у нее тусклого темно-фиолетового цвета, головка и шея сероватые, а белоснежный, несколько укороченный и толстый хвост под крыльями не виден. Под лучами яркого солнца птица блестит словно драгоценный металл. Пестрый имперский голубь обитает на деревьях и питается фруктами. Он кремовато-белый, а маховые перья и широкий кончик хвоста — черные. Птица встречается как на Никобарах, так и на Андаманах, особенно на двух вулканических островах Андаманской группы — на Баррене и Наркондаме. На Андаманах можно увидеть также и андаманского серого чирка. Он похож на свистящего чирка и водится повсеместно у ручьев.

Одной из самых замечательных и редких птиц, найденных на Большом Никобаре, является *мегапод* (джунглевая курица). Эта удивительная австралийская птица встречается только на Филиппинах и в северо-западной части Калимантана, на ближайшем к Никобарам острове Ломбок. По размеру она не больше домашней курицы. Мегапод откладывает яйца такие же крупные, как гусь, но в кучки из аллювиальной почвы.

Климат островов тропический. Осадков в Порт-Блэре — от 105 до почти 149 дюймов в год. На Никобарах приблизительно столько же. Здесь жарко, но приятно, когда идет дождь и дует морской бриз. Правда, очень большая влажность.

Прибрежные воды богаты рыбой — тунцом, сардинами, анчоусами, барракудой, кефалью, морскими ершами и другими окуневыми, скумбрией, полосатой зубаткой, строматеевыми и другими. Кроме того, здесь водятся акулы и скаты. Имеется также изобилие креветок, но чего много, хотя и не часто встречается на столе после отъезда англичан, так это омаров, крабов и устриц.

А морские ангелы, помацентровые, хирурговые, скорпеновые и многие другие рыбки радужных и ослепительных расцветок — суший клад для любого аквариума.

НАЧАЛО КОЛОНИЗАЦИИ АНГЛИЧАНАМИ АНДАМАНСКИХ ОСТРОВОВ

После того как Ост-Индской компании удалось установить свое господство на Декане, довольно остро встал вопрос о создании порта к востоку от Коромандельского побережья. Так или иначе, но в одно прекрасное время несколько английских чиновников и исследователей обратились к компании с настоятельной просьбой уделить внимание Андаманским островам. В 1783 году капитан Томас Форрест высказал желание посетить эти острова, чтобы установить контакты с местными жителями. Спустя пять лет капитан Бьюккенен, который во время одного из своих плаваний имел возможность увидеть часть побережья Большого Андамана, также поднял перед компанией вопрос об этих островах.

В конце концов Ост-Индская компания, весьма обеспокоенная участвовавшими случаями пиратских нападений и жестоким обращением с потерпевшими крушение экипажами, искавшими убежища в гаванях этих островов, приняла решение направить лейтенанта флота А. Блэра обследовать острова. В его распоряжение было предоставлено два судна — «Элизабет» и «Вайпер». Генерал-губернатор лорд Корнуоллис в письме к лейтенанту Блэру от 19 декабря 1788 года указывал: «Цель вашего обследования — установить, в какой части острова имеются хорошие гавани и которую из них в интересах компании следует выбрать... Основная задача — обследовать порт, в котором корабли флота могли бы вставать на ремонт после боевых действий или отсидеться в случае столкновения с превосходящими силами противника и, сохраняя за собой главенствующее положение в заливе, быстро нанести оттуда удары по любому пункту Коромандельского побережья». Кроме того, лейтенант Блэр должен был также сообщить о рельефе островов, составе почв, растительном и животном мире, о возможности выращивания там овощей, климате, на-

личии рыбы, лесов, воды, глины, извести, камней, морских ракушек, серы, олова. В его обязанности входило также делать зарисовки (с подробными к ним пояснениями) обитающих здесь зверей и птиц.

По отношению к местным жителям инструкции, полученные лейтенантом Блэром, гласили: «Что касается наиболее подходящего способа сношений с людьми, находящимися на низкой ступени цивилизации, то, исходя из имеющихся сведений, многое можно получить на основании изучения аналогичных попыток, сделанных современными мореплавателями при новых открытиях. Опираясь на их опыт, пожалуй, вам было бы целесообразнее на первых порах воздержаться от высадки на берег, если только в этом не окажется крайней необходимости, за исключением таких мест на побережье, которые сочтете подходящими для успешного разрешения задач обследования. С целью избежания, насколько возможно, открытых столкновений с аборигенами, чье нерасположение к каким-либо сношениям подтверждается примером г-на Ритчи, встретившегося с проявлением враждебности во время его посещения островов, вам рекомендуется прибегать не к силе или обману, а к убеждению и подаркам. По возможности следует приглашать аборигенов подняться на борт судна, где ласковое и внимательное обращение с ними поможет устранению недоверия среди местных жителей к вам и более легкому установлению контактов. При этом может быть достигнута и другая полезная цель — получение сведений об их образе жизни, обычаях и языке».

В инструкции лейтенанту Блэру также указывалось, что он теперь находится в распоряжении commodора Корнуоллиса, командующего в Индии эскадрой флота Его Величества, брата генерал-губернатора. Лейтенанта Блэра сопровождал лейтенант Роберт Хайд Коулбрук из бенгальских саперных войск. 20 декабря 1788 года на борту «Элизабет» в сопровождении «Вайпера» Блэр отплыл из Калькутты, взяв курс на остров Интервью, расположенный к востоку от Большого Андамана. Лейтенант Блэр обследовал главную гавань Интервью, а затем поплыл к Южному Андаману. Лишь после того как он увидел Порт-Корнуоллис (сейчас Порт-Блэр), только тогда Блэр понял, что это именно то, что ему нужно.

В докладе лорду Корнуоллису Блэр сообщал: «Едва ли можно представить себе более безопасную и отлич-

ную гавань. Она достаточно большая, чтобы вместить около пятидесяти судов. Там они могут быть прекрасно укрыты от всех ветров и штормов, и, хотя вода во время приливов поднимается здесь футов на семь, нет никакого течения, которое помешало бы судну, стоящему на ремонте. Ее расположение дает возможность судам при любой погоде выйти из нее. Следует также отметить, что у этого острова очень удобные бухты, что дает возможность поддерживать постоянную связь с Калькуттой».

15 марта 1789 года Блэр закончил обследование Порт-Корнуоллиса. Затем лейтенант приступил к изучению остальной части западного побережья Южного Андамана и берегов острова Баратанг, лежащего между Средним и Южным Андаманом. После этого он направился к Баррену. Когда Блэр приблизился к вулкану, он извергал, по словам лейтенанта, огромные клубы дыма и красные раскаленные камни. Некоторые из них были весом от 3 до 4 тонн и разлетались на сотни ярдов от подножия конуса вулкана. Пока суда были вблизи острова, произошло два или три извержения. Несколько красных раскаленных камней скатились со склона. Основание конуса вулкана — самая низкая часть острова и находится лишь чуть выше уровня моря. Вулкан поднимается под углом $32^{\circ}17'$ до высоты почти 1800 футов, что также является высотой других частей острова. При взгляде на его контуры можно предположить, что вулкан возник почти в центре острова или несколько ближе к его северо-западной части, и потребовалось много времени, чтобы он приобрел весьма экстравагантную форму. В заключение Блэр писал, что «на острове места, удаленные от вулкана, покрыты засохшим кустарником и погибшими деревьями».

Баррен был последним из островов Андаманской группы, который посетил Блэр. Он побывал также на острове Принца Уэльского возле Суматры, а также зашел в Ачин, гавань в северной части Суматры. Блэр пробыл на острове Принца Уэльского почти три недели. За это время он пополнял запасы продовольствия и ремонтировал суда. В Калькутту он вернулся в начале июня 1789 года и тут же представил свой доклад о результатах поездки лорду Корнуоллису, генерал-губернатору.

В отчете Блэр упоминал о некоторых инцидентах с

аборигенами в связи с попытками установить с ними контакты. Первый произошел 11 января 1789 года, когда экипаж корабля был у небольшого островка «вблизи Порт-Андамана». Согласно Блэру, «утром нас... посетили местные жители. После некоторого колебания они подплыли ближе к корме и равнодушно приняли от нас несколько ножей и зеркал. Мы показали им бутылки рома, и они выразили большое желание обладать ими: делали знаки, что хотят ими бриться. Один из них очень выразительно протягивал руку к голове, которая была обрита только с одной стороны. И когда бутылку подняли, он протянул раскрытые ладони, чтобы поймать ее, и закричал *ки, ки*, что, вероятно, на их языке значит „дай“. Туземцы были настроены миролюбиво, но держались крайне настороженно и не пытались подняться на борт даже за бутылками. Внешне эти люди похожи на жителей острова Интервью. Они абсолютно голые, а черты лица, цвет кожи и волосы как и у туземцев Африки».

Блэр в докладе сообщал, что он и его спутники также терпели «множество ничем не вызванных оскорблений.. со стороны туземцев», поэтому они «вынуждены были зачастую покидать берег, чтобы избежать конфликта». Далее он писал, что, хотя они делали все, чтобы сохранить дружбу с местным населением, однажды, когда группа пополняла запасы воды, на них неожиданно напали. В результате один матрос был ранен стрелой в шею. Пришлось обороняться ружейным огнем. Так был ранен один абориген. Этот маленький инцидент имел хороший результат — следующие два дня никто не мешал им запасаться питьевой водой.

Еще один инцидент произошел возле острова Петери: «Я встретил два каноэ и передал людям, сидевшим в них, несколько бутылок, чем они были весьма довольны или казались довольными, но, к моему удивлению, один из них неожиданно выпрыгнул из каноэ, отбежал ярдов на двадцать и осыпал нас стрелами. К счастью, они никого не задели, большинство попало в борт лодки. Чтобы наказать негодяя, я взял его каноэ и поднял на борт, а на следующее утро поджег, столкнул на воду, и ветер подогнал его к тому месту, где на нас напали», — сообщал Блэр.

Доклад, представленный лейтенантом Арчибальдом Блэром, произвел на лорда Корнуоллиса глубокое впечатление. «Генерал-губернатор в Совете, рассмотрев

Ваш доклад о действиях при несении Вами службы в Бенгальском заливе, поручил мне сообщить, что Его светлость весьма довольны проведенными Вами обследованиями Андаманских островов» — такими словами была выражена благодарность Блэру за службу.

События развивались быстро. 12 июня 1789 года, спустя несколько дней после представления Блэром доклада, генерал-губернатор провел заседание Совета, на котором присутствовал и лейтенант Блэр. На Совете было решено начать колонизацию Андаманских островов. Главная цель этого мероприятия состояла в создании должным образом укрепленного порта, который служил бы убежищем британскому военному флоту. Особенно он мог бы быть полезен в случае войны или во время кораблекрушений, которые часто терпели суда в этом районе из-за яростных муссонов. Также была выражена надежда, что само присутствие европейцев может положить конец расправам над теми, кто в поисках убежища попадает в руки аборигенов, и сократить до минимума разбойничьи действия пиратов из Малайи. В то время Ост-Индская компания еще не собиралась превращать Андаманы в место ссылки каторжан, но туда, как и в поселения в Пенанге и на Суматре, позднее послали несколько осужденных, которых использовали на расчистке джунглей и на многих других тяжелых работах.

17 сентября 1789 года Блэр вместе с несколькими мастеровыми, рабочими и солдатами отплыл из Калькутты и 28 сентября того же месяца прибыл в Порт-Корнуоллис. Об этом своем плавании он сообщал как об «утомительном и бурном». 25 октября 1789 года был поднят британский флаг над редутом, который к тому времени, по мнению лейтенанта Блэра, стал «оборонеспособным против любого нападения, которое могут предпринять туземцы». Поднятию флага салютовал «Рейнджер» (судно компании, на борту которого прибыли Блэр и его группа), ему вторил тоекратный залп гарнизона.

Свое временное пребывание на острове Чатам Блэр начал с расчистки джунглей, выращивания овощей и посадки фруктовых деревьев. В некоторых местах на острове посеяли траву, построили жилища для 119 человек и даже лазарет. Хотя значительная часть провизанта доставлялась сюда из Пенанга и Калькутты, однажды «Рейнджер» послали на остров Кар-Никобар за

«деревьями, кокосами и овощами». Согласно Блэру, корабль не только вернулся со множеством продуктов, но и доставил двух китайцев-огородников, которым незамедлительно поручили подготовить участок под второй огород.

Дело быстро пошло на лад — поселение развивалось. К февралю 1790 года была построена деревянная верфь. Спустя некоторое время тем, кто ехал в отпуск в Калькутту, разрешили привозить с собой семьи. В марте 1792 года Блэр сообщал, что состояние здоровья людей в поселке настолько хорошее, что даже не чувствуется отсутствия корабельного врача, уехавшего в отпуск. Самое главное — Блэру удалось установить довольно дружественные отношения с аборигенами, хотя на первых порах, правда, еще имели место столкновения.

М. В. Портмен, чиновник по делам андаманцев в конце прошлого века, опубликовавший в 1899 году записки по истории отношений англичан с андаманцами, писал: «Хотя лейтенант Блэр не знал, что в гавани он сталкивается не с одним племенем туземцев — их там было два, они враждовали между собой и не понимали языка друг друга... тем не менее вскоре после его прибытия туда он установил дружественные отношения с племенем джаравов, которое занимало южную половину гавани».

Без сомнения, это было достижением, учитывая, что джаравы — непримиримые враги любой чуждой цивилизации, такими они остаются и в наши дни. Другое племя, *ака-би-да* (тогда оно занимало северную половину острова), сначала не причиняло Блэру никаких неприятностей. Портмен писал, что отношения испортились позднее. Однако, по мнению Блэра, это было вызвано плохим обращением с аборигенами со стороны малайцев — они совершали жестокие налеты, зачастую кончавшиеся тем, что увозили с собой ака-би-да и продавали в рабство.

Хотя успех поселения был очевиден, однако правительство, как сообщал М. В. Портмен, «не смогло этого оценить», и было принято решение перевести поселение в северо-восточную гавань острова Северный Андаман. Сейчас это поселение называется Порт-Корнуоллис. Это оказалось серьезной ошибкой. Все началось 13 апреля 1790 года, когда Блэр довел до сведения правительства, что северо-восточная гавань заслуживает

внимания генерал-губернатора. Вслед за этим гавань посетил коммодор Корнуоллис. Она произвела на него очень хорошее впечатление, и он отдал распоряжение Блэру провести специальное ее обследование. Блэр провел его в марте 1791 года. Получив доклад Блэра о результатах обследования, коммодор писал генерал-губернатору: «Считаю, что северо-восточная гавань значительно лучше подходит для размещения военных кораблей, чем Порт-Корнуоллис. Последний, по моему мнению, слишком ограничен и легкоуязвим, так как окружен высокими холмами. Источник питьевой воды у них общий — дождь. Что касается обороны, то остров расположен вне досягаемости пушечного выстрела с отдаленного берега, я сам в этом убедился, произведя выстрел с острова. И хотя он невелик, на нем много сухого места при низких приливах... Думаю, он вполне пригоден для установки батарей».

Коммодор рекомендовал перевести поселение в эту новую, северо-восточную гавань на Северном Андамане.

Его рекомендация была принята, и в сентябре 1791 года Блэр получил уведомление о переводе поселения в северо-восточную гавань. Окончательные распоряжения были отданы 16 октября 1792 года. Вскоре генерал-губернатор подписал официальный документ, в котором содержались детальные инструкции относительно организации переезда. Для проведения этого плана в жизнь был назначен новый суперинтендант — капитан Александр Кид из бенгальских саперов, бывший в 1790 году генеральным инспектором. Но руководство непосредственной операцией по переводу старого поселения, как и по основанию нового, было поручено лейтенанту Блэру до тех пор, пока его не сменит капитан Кид. В то время лейтенант Блэр находился в Калькутте и приказ об отплытии получил 12 ноября 1792 года. В приказе сообщалось, что новое поселение будет названо Порт-Корнуоллисом, как и старое, и оно должно иметь те же размеры.

В распоряжение Блэра предоставили четыре корабля — «Юнион», «Джуно», «Корнуоллис» и «Сихорс». Лейтенант Блэр отбыл на Андаманы на борту «Юниона». Там находились запасы воды и продовольствия на шесть месяцев, а также 360 будущих поселенцев. Отплытие состоялось 4 декабря 1792 года. В открытом море на суда обрушился сильный шторм, и они потеряли друг друга из виду. «Юнион» прибыл на место нового

поселения 30 декабря 1792 года. Лейтенант Уэльс на «Рейнджере» приплыл раньше «Юниона» и уже приступил к расчистке участка и запасался пресной водой. Из трех кораблей, отделившихся от Блэра во время шторма, «Сихорс» и «Корнуоллис» добрались до места вполне благополучно, но ф «Джуно», который, очевидно, попал в центр циклона, никаких известий не было. Он затонул вместе со своим экипажем, 90 поселенцами и большим запасом провианта.

Работы в новом поселении быстро продвигались вперед. По случайному стечению обстоятельств в новой гавани также оказался свой остров Чатам. На нем сразу же построили бараки, резервуары для питьевой воды, вырыли колодцы и даже возвели три бунгало. Поселенцы установили кузницу и печь для сушки и обжига, посадили огород и заложили питомник. 5 марта 1793 года сюда прибыл капитан Кид для вступления в новую должность. До его прибытия стояла сухая погода, так как сезон муссонов еще не наступил, следовательно, среди поселенцев не свирепствовали массовые заболевания, за исключением единичных случаев различных тропических язв, обостренных цингой. Поэтому в докладах Кида начальству преобладали оптимистические тона относительно будущего поселения. Вскоре сюда прибыли ремесленники и мастера, а также впервые 200 каторжан. Спустя два месяца в поселение приехали 113 сипасв, а в мае 1793 года прибыло еще 72 ремесленника.

Оптимистическое настроение у Кида продержалось недолго — через два месяца после его прибытия умер 21 человек. Причиной смерти были тропическая язва и цинга. Когда настал период муссонов, заболевания приняли массовый характер. К тропической язве и цинге прибавились лихорадка и приступы раздражительности, вызванные, возможно, общим недомоганием поселенцев.

Единственное важное событие 1793 года в жизни поселения — новость о начале войны с Францией. В Порт-Корнуоллисе были приняты оборонительные меры. Капитан Кид облюбовал на острове Чатам холм для постройки форта, который обеспечивал бы защиту судов в гавани и где могли бы укрыться женщины и дети поселения. Кид сделал все для выполнения намеченного плана, а затем отбыл в Калькутту за пополнением гарнизона. Хотя правительство полностью одобри-

ло предложения Кида, однако подкрепления не присылались в течение нескольких месяцев.

Первая партия европейских каторжан, которая оказалась также и последней, прибыла на Андаманы в 1794 году, однако Кид отказался принять ее. Поэтому каторжане вынуждены были вернуться в Бомбей. Со ссылкой на генерал-губернатора решили, что на Андаманские острова не будет сослан ни один каторжанин-европеец, но осужденные индийцы продолжали прибывать; одна из групп в 50 человек была доставлена в ноябре 1794 года.

Однако состояние здоровья жителей поселения продолжало вызывать опасения Совета при генерал-губернаторе. В послании от 14 мая 1794 года генерал-губернатор высказал мнение, что «обстановка в Порт-Корнуоллисе в последний период оказалась весьма неблагоприятной для здоровья поселенцев». Он выразил предположение, что «данное место постепенно, по мере его расчистки станет более благоприятным». Правда, надежды на лучшее будущее не оправдались, потому что во время сезона дождей в следующем году умерло еще 50 человек. Ситуация сложилась серьезная, ее пришлось довести до сведения генерал-губернатора, так как к тому времени корабельный врач Реддих, главный врач поселения, умер, а лейтенант Рамсей вынужден был из-за резко ухудшившегося состояния здоровья уехать в Пенанг.

Теперь генерал-губернатору пришлось смотреть правде в глаза и принимать решения. В конце концов правление Ост-Индской компании зафиксировало в протоколе, что, «учитывая рост заболеваний и смертности в поселении, а также значительные расходы, связанные с организацией снабжения, в настоящий период генерал-губернатор в Совете, руководствуясь соображениями гуманности и экономии, считает благоразумным вывести поселение из этих мест. Поскольку признается целесообразность свертывания поселения, то не следует терять времени, работы должны быть завершены до начала муссона». Далее Совет отметил, что временный уход с Андаманских островов не следует рассматривать как отказ от прав на них и, чтобы на острова не имела права претендовать какая-нибудь иностранная держава (что в данных обстоятельствах маловероятно), необходимо в Порт-Корнуоллисе оставить небольшое судно, экипаж которого сменялся бы каждые шесть месяцев.

Поэтому было решено дать указание морскому совету принять немедленные меры по перевозке каторжан на остров Принца Уэльского и отправке поселенцев и продовольствия в Бенгалию. Затем ему дали указание держать небольшое судно в Порт-Корнуоллисе и менять его экипаж через каждые полгода.

К моменту ликвидации поселения в Порт-Корнуоллисе по списку насчитывалось 270 каторжан, а также 550 поселенцев (мужчин, женщин и детей), включая нескольких европейцев. В мае 1796 года был окончательно «опущен занавес» над поселением в Порт-Корнуоллисе на Северном Андамане. Никаких сведений о том, было ли оставлено какое-либо судно в Порт-Корнуоллисе, нет.

Так завершилась первая британская оккупация Андаманских островов. Однако за время этой оккупации мир кое-что узнал относительно людей, населяющих эти острова с незапамятных времен. Лейтенант Р. Г. Колбрук, сопровождавший Блэра в период первого обследования (1788—1789), в 1794 году в «Джорнел оф Эйшиатик сосайти оф Бенгал» опубликовал статью, в которой, в частности, писал: «Андаманские острова населены расой людей, находящихся, возможно, на самой низкой ступени цивилизации; они ближе к первобытному состоянию, чем любой народ, о котором мы слышали. Цвет их кожи самого черного оттенка, росту они в основном невысокого и кажутся неуклюжими. Конечно у них тонкие и плохо сформированы, а животы вздутые. Они курчавы, словно африканцы, губы у них толстые, а носы плоские. Они ходят совсем голыми, только женщины иногда носят вокруг талии своеобразные повязки в виде султана или бахромы, которые предназначаются только для украшения, ведь они не проявляют никаких признаков стыдливости. Мужчины коварны, хитры и мстительны. Они часто выражают свою антипатию к чужеземцам громкими и угрожающими выкриками и жестами. Иногда, даже, казалось бы, во время дружественных переговоров, получив со знаками благодарности подарки, они могут вскочить, издать воинственный клич и выпустить свои стрелы в тех, кто выказал им знаки внимания. При появлении какого-либо судна или лодки они убегают в лес и прячутся в засаде. Затем посылают одного человека из своей группы, зачастую старейшего, который дружественными знаками пытается уговорить чужестранцев сойти на

землю. Если вновь прибывшие отваживаются высадиться на берег без оружия, аборигены тотчас же выскакивают из укромных мест и нападают на них. В подобных схватках они проявляют большое упорство. Иногда они бросаются в воду и пытаются захватить лодки. Известны случаи, когда аборигены выпускали стрелы, вплотную подойдя к лодкам чужеземцев. Много времени они проводят в поисках пищи. До сих пор они еще не научились обрабатывать почву и живут исключительно за счет собирательства и охоты. По утрам они натирают кожу грязью и валяются в грязи словно буйволы. Делают они это для того, чтобы их не раздражали насекомые. Волосы они мажут красной охрой. Во время отлива женщины собирают моллюсков, а мужчины охотятся в лесах или, стоя в воде, с помощью гарпунов и стрел ловят рыбу. Они искусные рыболовы и занимаются ловлей рыбы также и по ночам при свете факелов. Изредка им удается убить кабана, в противном случае они довольствуются более скудной пищей. Мясо или рыбу они жарят на своеобразной решетке из бамбука, но ни соли, ни каких-либо других приправ не употребляют.

Временами андаманцы бурно веселятся. Они обожают пение и танцы, в которых женщины участвуют наравне с мужчинами. Их напевы в манере речитативов и хорового пения довольно приятны. Андаманцы танцуют в кругу, при этом каждый ритмично хлопает себя по ягодицам. Они приветствуют друг друга поднятием ноги и похлопыванием ладони по нижней части бедра».

Кроме того, Колбрук описал их жилища, каноэ, орудия, используемые в повседневной жизни (луки, стрелы и рыболовные снасти), а также записал наиболее часто употребляемые фразы и слова андаманского языка. В статье к тому же содержатся сведения, касающиеся географии и топографии островов, климата, флоры и фауны.

Не вызывает никакого сомнения, что Коулбрук весьма субъективен. Например, он утверждал, что андаманцы — народ некрасивый. Однако, по словам доктора Ф. Д. Муата, возглавлявшего комиссию по вопросам Андаманских островов в 1858 году, андаманцы хорошо сложены, а мускулатура у них прекрасно развита.

Описания Колбруком андаманцев изобилуют неточностями. Это, без сомнения, доказано более поздними

авторами и антропологами, проводившими детальное и систематическое изучение образа жизни и обычаев андаманских аборигенов. Несомненно, он слишком полагался на слухи или получил свою информацию из вторых рук, но, как указывал М. В. Портмен, «отличительная черта статьи Коулбрука в том, что в ней содержится много информации, благодаря чему она выглядит достоверной и правильной».

УДИВИТЕЛЬНЫЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

За шесть десятилетий после эвакуации англичанами первого поселения на Андаманах острова посещали лишь отдельные путешественники. Сами же малайцы времени зря не теряли и бойко торговали захваченными в плен аборигенами. Они продавали их в рабство в различные страны Юго-Восточной Азии. За этот период возле островов потерпело кораблекрушение несколько судов.

Примерно в 1819 году в поисках трепангов на Андаманы прибыла группа охотников, состоящая из китайцев и бирманцев. Однажды, когда они собирали трепангов возле берега, к ним незаметно подплыла лодка с аборигенами на борту. Хозяева обрушили на охотников град стрел. Это нападение застало китайцев врасплох — в результате четверо из них было ранено. Бирманцы кинулись вдогонку за нападавшими, но большинству аборигенов удалось скрыться. Поймали лишь двоих — старика и мальчика. На корабле старик заболел холерой и вскоре умер. Мальчика охотники отдали в Пенанге в услужение некоему капитану Андерсону из бенгальского пехотного полка, у которого он прожил несколько лет, а позднее у сына капитана. Однако парень пристрастился к алкоголю и в конце концов скончался от горячки.

Лет через двадцать после вышеуказанных событий в Пенанг на жительство перевезли целую семью андаманцев. Дж. Б. Д. Родик, пенсионер из поселения на Пенанге, писал об этом так: «Семья состояла из мужчины, женщины и двух детей, их привезли сюда с Андаманских островов в качестве рабов. Правда, я не могу этого утверждать, но они находились на попечении полиции. Детей отправили учиться в школу для бедняков.

Девочке дали имя Мэри Андаман, а мальчику — Фрайди¹⁴ Андаман. Через несколько лет отец семейства и мальчик умерли от холеры, затем вскоре от оспы умерла мать. Когда девочке исполнилось 14 лет, Г. Г. Митчел, старший клерк местного суда по мелким делам, забрал ее из школы, чтобы она служила у него в качестве *айи* (служанки-туземки). Она прожила в его семье много лет. Затем уехала на Малакку и поступила в услужение к какой-то леди, потом переехала в Сингапур и там открыла школу для девочек-туземок. Жива ли она сейчас, я не знаю».

Дж. Б. Д. Родик писал об этом в 1895 году, и, по его подсчетам, семья андаманцев приехала в Пенанг в период между 1838—1841 годами.

В 1824 году в Порт-Корнуоллис зашли английские суда, чтобы пополнить запасы питьевой воды, прежде чем отправиться в Бирму для участия в первой англо-бирманской войне.

Затем, по имеющимся сведениям, в ноябре 1825 года Малый Андаман посетил Джеймс Эдвард Александер, лейтенант 13-го королевского полка легких драгун. Он сопровождал полковника Макдональда Киннера, чрезвычайного и полномочного посла при дворе в Гегеране.

Ранним утром, когда Александер и старший помощник капитана оставили судно и на катере отправились на поиски питьевой воды, они впервые увидели андаманцев: «На катере было еще шесть матросов-бенгальцев, вооруженных мушкетами, помимо рулевого-малайца. Приближаясь к берегу, на песке мы заметили женщину и ребенка, которые, по-видимому, собирали моллюсков; завидев лодку, они кинулись в джунгли».

Как только Александер и его люди высадились на берег и немного отошли от катера, они неожиданно столкнулись с группой андаманцев, которые, по словам Александера, «прятались в кустах, вооруженные копьями, стрелами и большими луками, и целились в пришельцев». Затем события развивались довольно стремительно. «Матросы, завидев андаманцев, в ужасе побежали к катеру, держа мушкеты на изготовку. С большим трудом нам удалось удержать этих трусов от стрельбы; только рулевой да помощник капитана остались со мной. Мы сделали несколько шагов в сторону андаманцев и жестами стали показывать, что хотим

---

¹⁴ Фрайди (Friday) (англ.) — «пятница».

пить, объясняя таким образом цель нашего появления здесь. Рулевой приветствовал андаманцев различными жестами, принятыми на Востоке, пробовал заговорить с ними на малайском и других языках, но они не отвечали, а продолжали вести себя угрожающе, направляя оружие в ту сторону, куда мы поворачивали. Я протянул им платок. Однако они из кустов не вышли и платка не взяли. Я положил его на землю, и мы повернули назад, чтобы дать им возможность поднять платок, но андаманцы не сдвинулись с места».

Александр насчитал 22 андаманца. Они выглядели сильными, хорошо сложенными и здоровыми людьми. По его словам, внешне они весьма отличались от аборигенов Больших Андаманских островов, которых иные путешественники описывали как низкорослых и тщедушных людей. Все были совершенно голыми, за исключением плотного мужчины шести футов роста. Он стоял позади группы в окружении трех женщин; на голове у него был кусок красной ткани с белыми пятнами. Это были наиболее свирепые и дикие из всех аборигенов, которых Александр когда-либо видел. Волосы у них курчавые и жесткие, носы — плоские, а глаза — небольшие и красные. Их черные тела были обмазаны грязью, а лица разрисованы, по-видимому, красной охрой.

Александр предпринял еще одну попытку установить с местными жителями контакт. Рулевой разделся, чтобы доказать аборигенам, что безоружен. Он подошел к ним шагов на 50 и предложил платки, в то же самое время показывая жестами, что хочет пить; но при его попытке подойти ближе они угрожающе подняли луки. Александр решил не рисковать.

Тем не менее днем Александр вместе со своими людьми еще раз подошел к острову. На берегу они никого не обнаружили, но нашли конической формы хижину высотой около 15 футов. Она была покрыта листьями ротанговой пальмы, спускающимися к земле почти до полутора футов. Открытой оставалась лишь небольшая щель, через которую можно было вползти внутрь. Пол в хижине был устлан листьями, возвышалось несколько спальных мест, представляющих собой решетку из бамбука на четырех столбах. На стенах висели небольшие прокопченные головы кабанов. С крыши свешивался кусок пестрой (красно-белой) одежды, видимо, мадрасского производства. В корзинах конической формы лежали плоды хлебного дерева, орехи, на-

поминающие каштаны, и несколько корней. Александер также заметил их оружие, включая лук длиной от 6 до 7 футов и стрелы длиной от 3 до 4 футов.

В тот день Александер и его группа дважды встречались с андаманцами. Пока бродили по острову в поисках воды, они, по словам Александера, обнаружили группу из 60 или 70 туземцев, ожидающих в засаде их приближения. «Мы пытались уговорить их показать нам еще один водоем. У нас не было никакого намерения досаждать им или причинять какой-либо ущерб. Мы прихватили с собой несколько зеркалец, одежду и различные безделушки, чтобы подарить андаманцам. Однако не успели мы подойти к ним ярдов на 50, как на нас посыпались стрелы, причем несколько попало в цель. Меня ранило в ногу, поэтому несколько дней я хромал. На их действия мы ответили огнем из мушкетов. При этом мы убили и ранили несколько туземцев. Примкнув штыки, мы пошли в атаку, но они, хорошо зная все проходы в джунглях и будучи крайне проворными, быстро скрылись, унося с собой и раненых».

Следующая встреча также оказалась неудачной, поскольку она снова привела к потерям среди андаманцев. Экспедиции удалось обнаружить небольшой водоем. Но прежде чем наполнить бочки водой, люди Александера решили перекусить. Тем временем большая группа аборигенов незаметно подкралась к ним и осыпала стрелами. В результате один солдат был убит, а три серьезно ранены. Быстро сгруппировавшись, матросы ответили огнем, убив и ранив несколько человек; перестрелка продолжалась до захода солнца. Аборигены сделали ряд отчаянных попыток отрезать занятым наполнением бочков саперам путь назад. Потребовалась большая бдительность для их сдерживания. Когда задача была выполнена, саперы дали по аборигенам прощальный залп. Это была последняя стычка людей лейтенанта Александера с андаманцами.

В 1830-х годах острова посетили еще два путешественника. Один из них, Педдингтон, побывал на островах приблизительно в 1830 году. Он высадился на острове Лендфолл, расположенном в северной части Андаманской группы. Возле костра он увидел несколько аборигенов. При более детальном осмотре Педдингтон обнаружил в нем нечто, похожее на сильно обугленное человеческое тело.

Другой путешественник, Джон Малькольм (какое-то

время был даже губернатором Бомбея), в своих «Поездках в Южную Азию» писал, что он прошел через пролив Кокосовый, расположенный к северу от острова Лендфолл. Малькольм лишь упоминал, что прошел мимо этого острова 12 февраля 1836 года, и заканчивал свой рассказ некоторыми уже известными сведениями об андаманцах.

На некоторое время внимание официальных кругов Ост-Индской компании было привлечено к этим островам убийством аборигенами в 1839 году возле Порт-Корнусллиса русского геолога доктора Хелфера. В поисках золота Хелфер прибыл на эти острова в одиночку. Поступок мужественный, но тем не менее безрассудный.

Однако наиболее яркие события в истории островов — это кораблекрушения, которые потерпели суда «Бритон» и «Раннимид» на расстоянии примерно четверти мили друг от друга возле одного из островов, известных как остров Джона Лоуренса. Это случилось в ночь на 11 ноября 1844 года.

То, что кораблекрушения произошли одновременно, — невероятная случайность. Два корабля, отправившиеся из двух различных точек земного шара, разделенных тысячами миль, — «Раннимид» из Англии и «Бритон» из Австралии — потерпели кораблекрушение в одних водах. Люди смогли выжить только потому, что, оказавшись выброшенными на незнакомый остров, населенный неизвестными и не очень дружелюбными аборигенами, помогали друг другу. Они провели на острове 55 дней!

Это удивительная история. Утром 12 августа 1844 года после семилетней службы солдаты 80-го королевского полка промаршировали мимо сиднейских казарм и погрузились на четыре судна — «Ройял Саксон», «Ллойдс», «Энмор» и «Бритон», отправлявшиеся в Калькутту. Некоторые солдаты везли с собой жен и детей.

С самого начала экипажи мучили неблагоприятные ветры и плохая погода. Часть пути суда держались вместе, но в конце концов рассеялись. Случилось так, что «Бритон» (капитан судна Белл) прибыл в Сингапур первым. После выхода из Сингапура его команда насчитывала 34 человека, а всего на борту находился 431 человек, из них 35 — женщины и 43 — дети.

Все началось в субботу, 9 ноября. Когда люди прос-

нулись, то увидели, что небо затянуто облаками. К ночи пошел дождь и поднялся сильный ветер. К полудню следующего дня погода резко ухудшилась — ветер стал переходить в штормовой. Судно получило некоторые повреждения. В понедельник утром, в половине двенадцатого, начался шторм. Судно пострадало еще больше. Однако к полудню ветер стих, все вздохнули с облегчением и принялись исправлять повреждения. Но тут на судно неожиданно опустились тысячи птиц. Их также окончательно вымотал шторм, и они решили отдохнуть, забыв на время об опасностях, которые им сулят встречи с человеком. Солдаты и дети поймали несколько хищных птиц, золотых зимородков и козодоев.

Передышка оказалась слишком короткой. Снова налетел шквальный ветер с дождем, загредел гром, и сверкали молнии, а затем начался еще один шторм, переросший в ураган. Судно стало крениться набок. Оно потеряло два квартербота и разные снасти. Ночью началось что-то невообразимое.

На следующий день шторм усилился, судно продолжало испытывать качку и тяжело крениться. Солдаты помогали членам экипажа и работали у помп. Некоторые из них получили травмы, а один даже сломал ногу. Но бог погоды был неумолим, он продолжал неистовствовать. Огонь развести было невозможно, поэтому каждому, кто находился на судне, выдали по кружке рома и немного сухарей. К вечеру наступила короткая передышка, но она оказалась слишком непродолжительной. Новый приступ шторма, сопровождаемый громом и молниями, к полуночи достиг ужасающей силы.

Согласно записям одного из оставшихся в живых, в полночь «ураган все еще бушевал, судно набрало много воды и с трудом продвигалось вперед. Шквал следовал за шквалом почти без всякого перерыва, гредел гром, и сверкали молнии... Около 12 часов 30 минут судно на что-то наскочило, и в тот же момент море обрушилось на него и швырнуло набок; полуют по левому борту после каюты был затонлен и поднят с палубы; каюта капитана затоплена. Дверь салона заклинило, и она не открывалась. Оба помощника капитана были вынесены водой из своих кают... Судно лежало на боку, а мы цеплялись за все, что попадалось под руки. Каждую минуту мы ожидали, что следующий порыв ветра разнесет судно на куски и окончательно решит нашу

судьбу. Боцман приказал всем карабкаться в наветренную сторону, видимо полагая, что это поможет судно выпрямиться. Вскоре судно было вынесено на гладкую поверхность моря и выпрямилось. К тому времени течь между палубами сильно увеличилась. Прибежал солдат и сообщил: есть опасения, что судно переломится; вода поступает быстро, и нет никаких средств ее остановить. Ночь стояла темная, а палубы были так загромождены, что отыскать насосы оказалось невозможным. Наконец все-таки с великим трудом удалось открыть люк и добраться до насосов. Вскоре судно наскочило на мель. Тем временем ветер продолжал свирепствовать и кидать потоки воды на судно. Стояла кромешная тьма, даже на расстоянии ярда ничего не было видно, только когда сверкала молния, отчетливо просматривались деревья. Невозможно описать этот страшный ураган, продолжавшийся около 50 часов... Судно было полностью разбито, на борту находилось свыше 400 человек и ни одной лодки. Вот в каком положении мы находились, когда к нам пришли на помощь». Утром 12 ноября члены экипажа, к своему восторгу и удивлению, обнаружили, что судно выброшено на заболоченный берег, а в четверти мили от них лежал барк, оказавшийся, как они вскоре узнали, «Раннимидом».

Последний отплыл из Англии 20 июня 1844 года, имея на борту солдат 10-го и 50-го королевских полков. Судном командовал капитан Даути. Здесь также находились четыре офицера, 105 рядовых, 13 женщин и 14 детей. Военными командовал капитан Степлтон из 50-го полка. Доктор Белл был судовым врачом.

«Раннимид» с трудом продвигался вперед из-за слабого попутного ветра и сильного встречного. Это привело к тому, что плавание слишком затянулось. В связи с тем что запасы воды и провианта были почти на исходе, капитан принял решение зайти в Пенанг. 29 октября, после четырех месяцев изнурительного плавания, судно бросило якорь в Пенанге. 3 ноября, пополнив запасы воды и продовольствия, оно направилось к месту назначения. До 8 ноября погода стояла сравнительно хорошая.

Затем на судно обрушился шторм. На следующий день ветер переменился, перешел в порывистый, у барка разорвало несколько парусов. Но худшее было впереди. В воскресенье, 10 ноября, барометр упал еще и поднялся сильный, порывистый ветер со шквалом. Бы-

ли сорваны и унесены в море паруса, мачты и различные снасти. Людям пришлось откачивать воду, просочившуюся в трюм. Однако, согласно заявлению капитана Даути, корабль находился в приличном состоянии и отлично держался на воде. В понедельник, 11 ноября, ураган продолжался с прежней силой. В полдень, по мере усиления урагана, судно из-за повреждений стало неуправляемым и «словно птица скользило по волнам разъяренного моря».

С 4 часов дня ветер неистовствовал, но к 8 часам вечера стих — наступила короткая передышка. К полуночи снова поднялся ужасный ветер. 12 ноября в 1 час 30 минут, по словам капитана Даути, он «почувствовал, как корабль на что-то натолкнулся, и решил, что гибель неизбежна. Но судьба распорядилась по-иному: хотя судно наполнилось водой до нижних бимсов, оно высоко сидело на рифе и находилось в относительно спокойном состоянии. Не зная местонахождения полузатонувшего судна и опасаясь, что волны разобьют его о риф, я приказал по левому борту отдать становой якорь. Море вскоре успокоилось, и все легли спать».

Можете представить себе изумление, в которое пришли люди на «Раннимиде», когда, проснувшись рано утром, увидели среди деревьев еще один барк — «Бритон»! Вскоре между судами была установлена связь. Погода снова стала портиться, а так как «Раннимид» находился в плачевном состоянии, то все мужчины, женщины, дети и экипаж до наступления темноты покинули судно и перебрались на борт «Бритона», где их тепло встретили, хотя хозяева сами находились в жалком положении. Эта радость еще больше усилилась при известии о том, что на борту «Раннимиды» имеется достаточно большой запас провианта.

Майор Банбери из 80-го королевского полка, находившийся на «Бритоне», принял на себя командование солдатами и моряками. Было решено, что все будут подчиняться военному закону на время данного, без сомнения, чрезвычайного положения.

13 ноября капитан Даути, сопровождаемый командами обоих судов, вернулся на «Раннимид», чтобы забрать оттуда как можно больше продовольствия. Это им сделать удалось.

Общее число потерпевших кораблекрушение составило 618 человек. Они оказались перед лицом двух важных проблем, требующих немедленного решения: под-

готовить плавательное средство, способное выдержать морской переход, и отправить его за помощью, а также пополнить запасы воды и продуктов питания.

Как пищу, так и воду удалось раздобыть. Из солдат были созданы команды для прокладки гати через болото на берег. К полудню следующего дня гать была готова. Мужчины наловили креветок и подстрелили несколько голубей. Ураган нанес острову разрушения — на деревьях не осталось ни листочка, повсюду валялись сломанные порывами яростного ветра или вырванные с корнями деревья. Некоторым огромным деревьям было более ста лет.

16 ноября всех семейных солдат послали на берег разбивать палатки для себя и своих семей. Большая часть солдат использовалась на переноске запасов с «Раннимиды». У некоторых офицеров и солдат сильно отекали ноги, и корабельный врач Белл опасался, что из-за перенаселенности на «Бритоне» может вспыхнуть эпидемия, поэтому на берег отправили подразделения 10-го и 50-го полков, в обязанность которых входила организация временного лагеря.

Основная задача теперь заключалась в быстрейшем установлении связи с внешним миром. Единственной лодкой, пережившей яростный ураган, оказался баркас на «Раннимиде». Выделили плотников для приведения его в порядок, и через неделю баркас был готов поднять парус. 25 ноября, через две недели после кораблекрушения, баркас спустили на воду. Капитан Холл и лейтенант Лесли из 80-го полка вместе с боцманом и пятью моряками сели в баркас и, сопровождаемые радостными возгласами, ушли в открытое море. Баркасу дали довольно уместное название — «Хоуп»¹⁵.

За время своего пребывания на острове потерпевшие имели контакты с андаманцами. Так, в день завершения строительства гати солдаты обнаружили тела двух андаманцев, а также обломки потерпевшей крушение европейской лодки. Андаманцев похоронили по всем правилам. На другой день, когда два солдата собирали моллюсков, на берегу появилось несколько андаманцев, которые пытались окружить их. Но они быстро отплыли на каноэ, когда завидели подходившего к солдатам офицера. Вечером еще одно каноэ с несколькими андаманцами на борту хотело приблизиться к «Ранни-

¹⁵ «Хоуп» (Hope) (англ.) — «надежда».

миду». В их сторону сделали несколько выстрелов, и они уплыли. Однако командовавший солдатами офицер выказал недовольство стрельбой по андаманцам: он еще раньше получил указание предпринимать все меры для того, чтобы добиваться расположения местного населения.

Спустя несколько дней группа солдат, занимавшаяся поисками моллюсков, подверглась нападению андаманцев. Это привело к тому, что четыре человека были ранены, а один — тяжело. Для преследования андаманцев направили команду солдат, но ее действия не увенчались успехом, так как аборигены уже успели скрыться в джунглях. В другой раз заметили два каноэ с андаманцами. Навстречу им выслали двух солдат с подарком — курткой. Ее положили на песок. Аборигены взяли куртку и стали топтать ее ногами, а затем пытались напасть на солдат. Но когда увидели, что группа, прикрывающая двух солдат, направила на них ружья, спрятались в кустах.

Мужчины, женщины и дети продолжали стойко бороться с трудностями. Из-за плохой воды участились случаи заболевания дизентерией. Один человек умер, несколько заболело лихорадкой. Остальных мучили приступы головной боли. Скучный рацион, перенесенные испытания и усталость сказались на здоровье людей.

С каждым днем с питанием становилось все труднее. Даже при урезанной норме продовольствия могло хватить только на 36 дней, то есть до 27 декабря. Стало также сложнее с пополнением запасов питания, непосредственно добытых на острове, поскольку даже съедобных морских продуктов удавалось доставать все меньше и меньше. Правда, на острове еще оставалось несколько кабанов, но фруктов и овощей было очень мало.

Воскресный день 15 декабря начался, как обычно, с богослужения. Прошло уже 20 дней после отплытия «Хоуп». Было решено со следующего дня сократить рацион питания наполовину. Утром, около 11 часов, люди почувствовали два сильных подземных толчка. Но едва они затихли, как с наблюдательного поста с дерева, стоящего возле лагеря, раздался громкий крик:

— Парус! Парус!

На «Раннимиде» тут же подняли флаг и произвели выстрел из пушки. Весь лагерь пришел в движение,

каждый пытался, напрягая зрение, рассмотреть парус. Через четверть часа все увидели судно.

За судном «Джордж Суинтон», который пришел с грузом продовольствия, следовал «Хоуп». Все разговоры о сокращении рациона сразу же прекратились. Прибытие судна с продовольствием положило конец тяжелым испытаниям, выпавшим на долю потерпевших кораблекрушение.

Начиная с 28 декабря один за другим стали прибывать суда флота Ее Величества — «Пайлот», «Эйршир», «Элизабет Эйнсейли» и, наконец, «Агнесса Ли».

Последнее подразделение 50-го полка было погружено на «Агнессу Ли». Это произошло 5 января 1845 года. За 55 дней пребывания на этом негостеприимном острове умерло семь взрослых и несколько детей.

ЕЩЕ О КОРАБЛЕКРУШЕНИЯХ

До того как англичане второй раз оккупировали Андаманские острова, в этих водах произошло в 1849 году еще два кораблекрушения. Случилось это с судами «Флаинг фиш» и «Эмили». Бригом «Флаинг фиш» командовал капитан Шоу. На борту судна было два пассажира, Берч и Макнайт, ехавшие на поселение в Австралию. С целью пополнения запасов воды они высадились на острове Коко, расположенном у северной оконечности Андаманских островов. Коко так понравился этим двум эмигрантам, что вместо Австралии они решили поселиться здесь. Капитан Шоу пообещал им привезти коз, кур, гусей и уток, а также растения и семена, которые могли бы расти на Коко.

По прибытии в Моулмейн, конечный пункт назначения, капитан «Флаинг фиш» так ярко и убедительно рассказывал о прелестях острова Коко, что несколько человек поехали вместе с ним туда, чтобы попытаться счастья. В середине июля 1849 года судно «Флаинг фиш» прибыло на остров Коко с переселенцами на борту. Как указывалось в дневнике (его вел один из этих переселенцев), по прибытии на остров они обнаружили, что «Макнайт болен, а Берч якобы ушел на черепашьи лежбища за черепашьими яйцами», но в доме Берча «все выглядело мрачно». В числе тех, кто остал-

ся на острове, оказались «Стюард, его жена и ребенок, Берч и Макнайт, автор этих записок, его жена и трое детей. Мента с сыном и ее сестра». Среди них было также несколько бирманцев, которые приехали на остров для сбора кокосовых орехов. Их пребывание на острове не назовешь благополучным.

Несколько месяцев, которые поселенцы провели там, были сплошным страданием. Вспыхнули различные болезни, не хватало еды, им грозила голодная смерть.

Через несколько месяцев, в октябре 1849 года, капитан Шоу посетил Никобарские острова; он заходил туда за грузом — кокосовыми орехами. Затем он намеревался отправиться в Моулмейн, выгрузить там орехи, навестить поселенцев, за судьбу которых нес своего рода ответственность. Однако судьба распорядилась иначе. Стоило «Флаинг фиш» поднять паруса, как погода резко испортилась. Бриг начал черпать воду, откачивать ее было невозможно, и постепенно трюм наполнился водой. Положение все ухудшалось, и утром 15 октября наступила катастрофа. «Флаинг фиш» дал крен и перевернулся. Капитан Шоу предпринял все меры, чтобы спасти судно, но все было безуспешно. Экипажу и капитану пришлось покинуть судно. На лодке они направились к Наркондаму, довольно негостеприимному месту. Им пришлось туго. Капитан Шоу, которому нездоровилось еще до этого инцидента, серьезно заболел, главным образом из-за отсутствия соответствующего питания.

После восемнадцатидневного пребывания на Наркондаме капитан Шоу с несколькими членами команды отправился на сампане к острову Коко. Путешествие было рискованным. В пути они встретились с большими трудностями, неоднократно сампан был на краю гибели. Все же они добрались до этого острова, но вместо радостной встречи с жителями процветающего поселения капитан нашел лишь шхуну «Си серпент», готовившуюся выйти в море. Шоу со своими людьми погрузились на «Си серпент» и через несколько дней наконец прибыли в Моулмейн.

В отчете, представленном Форситом, капитаном судна «Манчестер», по прибытии в Калькутту, говорилось: «27 ноября, проходя вблизи северной оконечности острова Наркондам, я подобрал лодку с рулевым и четырьмя матросами-индийцами, принадлежащую бригау „Флаинг фиш“ из Моулмейна. Они рассказали, что на

острове находятся еще шесть человек из команды этого судна; я послал за ними лодку и забрал их».

Судно «Эмили» плыло вблизи Андаманских островов. В ночь на 1 сентября 1849 года оно потерпело крушение недалеко от одного из небольших островков, лежащих к западу от Северного Андамана. Его капитан Ф. Андерсон в письме владельцам судна писал: «Ночь была темной, шел дождь, часто налетали сильные ветры. Не было никакой возможности определить координаты судна по местонахождению звезд и Луны. Несчастье произошло 1 сентября в 4 часа утра. Хотя впередсмотрящие на полубаке стояли по одному на каждом мостике, низкий остров им не был виден до тех пор, пока судно не оказалось фактически среди бурунов».

Принятые капитаном и командой меры не увенчались успехом — судно «получило пробойну в носовой части и сразу же заполнилось водой, так что нос совсем ушел под воду». Команда, пытаясь спастись, воспользовалась катером и баркасом. В нем лежало «несколько кусков солонины». Капитан вместе с двенадцатью другими членами команды находился на катере, хотя последний был меньше и дал течь. Потерпевшие «продвигались вдоль берега среди бурунов в поисках прохода, но ночью их попытки не увенчались успехом. Когда кончился прилив, обе лодки оказались на коралловом рифе».

Всю ночь они провели на рифе. К счастью, утром обнаружили небольшой проход. Тут обе лодки поплыли в разные стороны. Люди, находившиеся на катере, баркаса больше не видели.

Следующие четыре дня Андерсон и его товарищи плыли среди мелких островков в поисках удобного места для высадки. Наконец это им удалось. К этому времени у них оставалась лишь пинта воды. На острове они нашли немного воды и уже стали располагаться на ночь, но тут, к великой радости, заметили проходящий мимо бриг. Потерпевшие немедленно спустили на воду катер и кинулись вдогонку. Но их радость была короткой. «Мы подняли парус и плыли за кораблем в течение часа, подошли к нему на расстояние мили, и тут нас заметили и изменили курс, чему мы весьма обрадовались. Но так продолжалось минут десять. Затем, к нашему глубокому разочарованию, мы увидели, как на судне поставили реи поперек корабля, подняли передний

топсель и нижние лисели и оставили нас одних, хотя расстояние от нас до судна было всего около полумили», — писал Андерсон.

Капитан Андерсон решил: с ними поступили так потому, что на судне, возможно, их приняли за пиратов.

Другого выхода у них не было — следовало самим добираться до берегов Бирмы. Дней через десять они наконец высадились на большую землю. К тому времени Андерсон и его товарищи изнемогали от жажды и голода. Они наткнулись на несколько хижин, но последние оказались покинутыми их обитателями. Андерсон и его люди поселились в этих хижинах и приступили к поискам пищи. Вскоре нашли тыквы, огурцы и немного моллюсков.

На третий день они покинули эти места и через некоторое время вошли в небольшую речушку. Пройдя по ней несколько миль, оказались возле какой-то деревни. Свой рассказ капитан Ф. Андерсон заканчивает следующими словами: «Мы высадились на берег и обнаружили, что население деревушки настроено к нам весьма дружелюбно. Аборигены угостили нас рыбой и рисом, разожгли два больших костра, на котором мы высушили свою одежду, поскольку весь день шел проливной дождь. После трехдневного отдыха, оставив здесь свою лодку, так как она слишком протекала и на ней нельзя было снова рискнуть выйти в море, мы попросили жителей деревни за 120 рупий проводить нас до Рангуна. Они объяснили нам, что мы находимся приблизительно в 40 милях к западу от Рангуна. Вместе с ними мы по суше отправились в Рангун. Мы пересекали реки и речушки и через 22 дня после кораблекрушения наконец прибыли в Рангун».

В результате отчета, представленного капитаном Ф. Андерсоном, шхуна «Си серпент» совершила два рейса для спасения имущества с потерпевшей крушение «Эмили». Именно благодаря этому судно смогло забрать капитана Шоу и его команду с острова Коко, покинутого поселенцами.

Капитан Ф. Андерсон и его люди также встретились с аборигенами, когда посетили первый остров в поисках убежища. Вот что пишет по этому поводу капитан Ф. Андерсон: «Мы пробыли на острове недолго, как вдруг на нас напали аборигены, вооруженные луками и стрелами. Одна из стрел пролетела в трех дюймах от юнги Моффата. Мы были безоружны; правда, в ру-

как мы держали большие палки, которые они, видимо, приняли за ружья, поскольку вскоре после нападения скрылись в кустарнике. К тому времени мы (всего около 30 человек) уже вышли на открытый берег, чтобы напугать аборигенов своей численностью».

В начале 1854 года где-то в водах Андаманского моря пропало судно «Леди Ньюджент». На его поиски был направлен «Сесострис» под командованием Дж. И. Неблетта. Это судно, согласно докладу его капитана, проследовало к острову Тересса (Никобарские острова). Там команда увидела нескольких его обитателей, которые приветствовали их и жестами просили приблизиться. «Сесострис» подошел к берегу. Неблетт безуспешно пытался получить от них какие-нибудь сведения о «Леди Ньюджент». Капитан сумел узнать лишь о других судах, ранее потерпевших кораблекрушение у этих островов. Эти сведения привели его в ужас.

Вот сообщение капитана «Сесостриса»: «На острове Тересса... есть смысленный абориген, известный европейцам под именем „Золотой Мохур“. Он говорит по-английски, но очень плохо. Этот человек рассказал мне, что в течение последних двух лет здесь потерпели крушение шесть судов. Их экипажи были убиты жителями Нанкаури и Каморты (оба острова входят в Никобарскую группу островов). Четыре судна попали сюда во время юго-западных муссонов, два других — в период северо-восточных муссонов, причем одним из них командовал англичанин, а другим — араб. На борту английского судна находились француз, араб и местный торговец. На борту второго были две женщины и девочка, видимо мать и двое ее детей. Мать и ее младшая дочь были убиты. Старшая дочь также вскоре погибла. Мохур утверждает, что у женщин на руках и ногах было много золотых украшений».

«Сесострис» обошел остров Тересса за три дня, а встреча с Золотым Мохуром состоялась 25 июля 1854 года. Однако «Сесострису» пришлось отказаться от поисков останков «Леди Ньюджент» и ее команды. Судно вынуждено было вернуться в Калькутту из-за неполадок в машине.

На продолжение дальнейших поисков правительство выделило судно «Плуту» под командованием капитана С. Дж. Буна. «Плуту» подняло якорь и отправилось в путь 7 ноября 1854 года, но после долгих и тщательных поисков оно вынуждено было вернуться, не обна-

ружив никаких следов «Леди Ньюджент». Монтгомери Барт, бывший тогда главным секретарем правительства Бенгалии в форте Сент-Джордж и занимавшийся вопросами морского судоходства, писал, что «его печальный долг — засвидетельствовать отсутствие надежд относительно получения каких-либо сведений о судьбе этого судна», и выразил по этому поводу свое сожаление, ведь «Леди Ньюджент» пользовалась репутацией судна, стоящего высоко в регистре Ллойда¹⁶.

13 января 1855 года появилось сообщение об убийстве андаманцами трех моряков с судна «Файз бакш» из Моулмейна. Четыре моряка получили ранения. Кроме того, время от времени китайские джонки, сбиваясь с курса из-за неисправностей в навигационном оборудовании, заплывали в воды, омывающие Андаманские и Никобарские острова. Никто не знает, сколько человек погибло в течение этих лет.

Однако известно, что Дж. Ч. Хотон, судья из Моулмейна, сообщал комиссару провинций Тенассерим и Мартабан об одном инциденте с джонкой «Фуэнь грэн». Он писал о некоем «Али Моу, сыне А Саина, уроженце Китая, по профессии шкипер», будто бы Али Моу рассказал Хотону, что они подошли к острову, на котором возвышались две горы, и убедились, что сбились с курса. Через пять дней прибыли к другому острову из группы Андаманских островов. Приблизившись к нему, они увидели на берегу человек пять или шесть. Так как у них кончились запасы питьевой воды, они решили, что ее можно достать там, где есть люди, поэтому спустили шлюпку с восемью матросами и направились к острову. Когда люди с берега заметили приближающуюся лодку, они убежали в горы. Двое матросов отправились на поиски воды. Вскоре их увидели бегущими назад к шлюпке — матросов преследовали двадцать аборигенов. Моряки попытались оттолкнуть лодку от берега, но аборигены оказались проворнее. Они перебили всех людей и утащили их тела в джунгли, а лодку разломали.

Далее Хотон отмечал, что, по его мнению, цивилизованное правительство «весьма дискредитирует себя, допуская подобное на море, омывающем принадлежащие ему территории и лежащем на оживленном торговом пути». Это сообщение от марта 1856 года. Несколькоки-

¹⁶ Регистр Ллойда (англ.) — регулярно издаваемый в Англии реестр всех судов мира.

ми днями ранее капитан Генри Гопкинсон, комиссар из Аракана, также представил обстоятельный доклад о мерах, «предлагаемых для защиты британских подданных, которые могут при неблагоприятном стечении обстоятельств потерпеть кораблекрушение у Андаманских островов». Он считал «оккупацию островов единственным эффективным возмездием» и добавлял, что «если это окажется практически неосуществимым, то следует создать британское поселение на одном из этих островов, которое затем можно расширить с учетом складывающихся там обстоятельств».

Капитан Гопкинсон указывал: «Рассматривая карту с учетом прекрасного расположения этих островов, их близости к таким торговым центрам, как Мадрас, Калькутта, Рангун, Моулмейн, Пенанг, Сингапур, протяженности и площади, составляющей около двух тысяч квадратных миль, со множеством удобных гаваней, а также необыкновенного плодородия почвы, кажется удивительным, что условия на них до настоящего времени продолжают оставаться ужасными. Вместо того чтобы стать убежищем несчастным, застигнутым штормом судам, они оказались местом их гибели».

Далее капитан Гопкинсон утверждал, что причины, побудившие Совет создать порт на Андаманских островах в 1788 году, приобрели еще бóльшую силу в 1856 году. Он предлагал основать поселение каторжан и затронул вопрос о месте его размещения. Гопкинсон считал, что поселение следует создать на том месте, где уже в течение шести с половиной лет (с октября — ноября 1789 до середины 1796 года) имелась колония и где, согласно отчету лейтенанта Блэра, климат наиболее благоприятен. (Он явно намекал на первоначальное нахождение Порт-Корнуоллиса на Южном Андамане.) Свое сообщение капитан Гопкинсон заканчивал предложением о том, чтобы в любом проекте о новой оккупации Андаманских островов должен быть пункт, предусматривающий наблюдение за соседней группой Никобарских островов с Андаман.

Рекомендации Гопкинсона оказались неприемлемыми для генерал-губернатора Индии, потому что, во-первых, он не видел необходимости в создании нового поселения каторжан и, во-вторых, считал бесполезным основание только одного безопасного порта для терпящих кораблекрушение у этих берегов. Генерал-губернатор полагал, что осуществление этих задач возможно лишь при пол-

ном контроле за всеми островами и без больших расходов.

Совет Ост-Индской компании, на рассмотрение которого был передан данный вопрос, воздержался от вынесения решения относительно желательности или необходимости создания поселения каторжан на Андаманских островах, но в то же время запросил дополнительную о них информацию. Поэтому было решено принять меры по их изучению и подготовке доклада о местах, пригодных для постройки портов-убежищ на этих островах и для создания поселений каторжан не только на побережье, но и в глубине островов.

Что касается Никобарских островов, Совет компании согласился с точкой зрения, что предполагаемая цель не может быть достигнута полностью без оккупации этих островов. Далее, рассмотрев существовавшие до этого опасения, удержавшие датское правительство от продолжения оккупации этих островов, Совет нашел их «необоснованными или преувеличенными». Даны были рекомендации еще более тщательно изучить, действительно ли вреден для здоровья климат Никобар. Подобная информация нужна была Совету также для того, чтобы на ее основании составить мнение о «целесообразности формального овладения Никобарскими островами». Все эти события произошли осенью 1856 года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНГЛИЧАН НА АНДАМАНСКИЕ ОСТРОВА

Пока правительство Британской Индии колебалось и размышляло о том, что следует предпринять, события, которые произошли в стране, застали англичан врасплох. В 1857 году по стране прокатилось восстание сипаев — сейчас оно считается первой войной за независимость. Тысячи людей были приговорены к пожизненному тюремному заключению по обвинению в «мятеже» против правительства. Генерал-губернатору было предложено снова создать на Андаманских островах поселения каторжан и перевезти туда осужденных участников восстания.

На этот раз вопрос был решен быстро. 20 ноября 1857 года правительство Индии назначило комиссию (впоследствии она получила известность как Комиссия

по Андаманским островам). Ее председателем стал доктор Фредерик Джон Муат, бывший врач в бенгальских войсках. Другие члены комиссии — доктор Дж. Р. Плейфэйр и лейтенант Дж. А. Хиткоут из индийского военно-морского флота. Они получили инструкции изучить побережье островов и подобрать удобное место для поселения каторжан.

23 ноября 1857 года на борту фрегата «Семирамида» члены комиссии отплыли из Калькутты. 1 декабря они прибыли в Моулмейн, где пересели на судно «Плуту».

Для охраны членов комиссии во время обследования Андаманских островов капитан Кэмпбелл, командовавший «Семирамидой», предоставил в их распоряжение отряд моряков, состоявший из офицера и 20 матросов. Кроме того, для облегчения членам комиссии проникновения в густые джунгли Андаманских островов комиссар Моулмейна приказал сопровождать эту группу 12 бирманцам, осужденным на короткий срок, и трем заключенным-пеонам¹⁷.

Утром 8 декабря «Плуту» покинуло Моулмейн и уже 11 декабря бросило якорь в Порт-Корнуоллисе. Обследовав Порт-Корнуоллис, «Плуту» направилось к островам Крэгги, где члены комиссии собирались подняться на вершину Садл-Пика — самую высокую точку во всей группе Андаманских островов. Вскоре, однако, к своему глубокому разочарованию, они поняли, что сделать это практически невозможно. Отсюда они направились к острову Саунд, расположенному у северной оконечности Среднего Андамана, чтобы подыскать там удобное место для нового поселения.

От этой идеи пришлось скоро отказаться, поскольку на острове не оказалось достаточных запасов питьевой воды — он весь был покрыт густым лесом. Комиссия объехала всю группу Андаманских островов и нашла вулкан на острове Баррен действующим. В конце концов утром 19 декабря, согласно отчету, представленному комиссией, они бросили якорь на траверсе острова Чатам в старой гавани, возле первого поселения Блэра. Поскольку опыт первого поселения свидетельствовал о том, что это место по климатическим условиям вредно для здоровья, члены комиссии посвятили целиком четыре дня тщательному изучению входа в гавань, а также побережья.

---

¹⁷ Пеоны — поденщики-чернорабочие.

Доктор Муат и двое его коллег выяснили, что почти каждое дерево, посаженное в период проживания здесь первых поселенцев, сохранилось. Остров небольшой, с холмистой поверхностью и хорошей почвой, покрыт растительностью, среди которой встречаются высокие деревья. При бурении около подножия холмов они обнаружили воду в глиняном слое на глубине 12 футов.

Комиссия нашла, что узкий пролив между островом Чатам и южным берегом, где в настоящее время находится Порт-Блэр, мелководен, со скалистым дном, являющимся продолжением рифа Блэр. В отчете указывалось, что северный берег высокий, отвесный и поднимается почти на 300 футов, а на его южной стороне есть террасы с пригодной для обработки почвой. Горные хребты образованы из песчаника, в котором обнаружено несколько русел водных потоков. Комиссия отмечала изобилие бамбука, тростника, ротанговой пальмы, достаточное количество огромных деревьев для строительства. Здесь было много глины, годной для изготовления кирпича, большие запасы песчаника, необходимого для сооружения пирсов, дамб, мощения дорог. Коралловые рифы в весьма доступных бухтах представляли собой неограниченные запасы прекрасной извести. Богатая растительность и ее большое разнообразие давали основание предполагать наличие плодородных почв. В скалах у побережья острова водилось много устриц и других моллюсков, а сама бухта, открытая на восток, с сильными приливами и отливами, без сомнения, была богата рыбой. У западной кромки бухты берег слегка приподнят, имелась пресная вода. Берег на южной стороне бухты ниже, но там еще больше пресной воды, почва более богатая и плодородная. Комиссия не нашла никаких свидетельств, что пребывание человека в данной местности вредно для здоровья.

По мнению комиссии, остров Чатам — «исключительно здоровое место для проживания, что дает возможность создать постоянное, большое поселение». Вывод, который они сделали, был очевиден; старая гавань — «единственное подходящее место, отвечающее основным требованиям к поселению каторжан, и поэтому его следует использовать для данных целей». Они отдали дань уважения лейтенанту Арчибальду Блэру: «Комиссия не может не воспользоваться возможностью высказать свое восхищение большой проникательностью лейтенанта Блэра, который при выборе этого места показал се-

бя гидрографом». В связи с этим они сделали предложение: «Назвать старую гавань Порт-Блэром, в честь этого выдающегося офицера».

Несомненно, доктор Муат был просто очарован островом Чатам и островами, расположенными за узким проливом, где в настоящее время находится город, названный в честь Блэра. Позднее он написал книгу под названием «Приключения и наблюдения среди андаманцев», в которой дал лирическое описание своего первого впечатления от этих островов. Он писал, что поверхность островов — ряд низких волнообразных холмов, характер, расположение и окраска которых составляют наиболее привлекательное зрелище. У подножия они темно-красные, но постепенно к вершине цвет меняется — становится все более светлым. Растительность, покрывающая холмы, яркая и пышная, такая встречается только в тропиках. Каждый холм кажется заброшенным, но красивым садом, призванным самой природой рассчитывать на собственные силы, с разбросанными вокруг в изобилии и воспрянувшими к жизни семенами растений. Берег изрезан многочисленными бухтами.

В одних бухтах вода кажется темной из-за нависающих над ними холмов, покрытых густыми лесами и отбрасывающих длинные тени. В других — словно зеркало, в ней отражаются лучи восходящего солнца. Зрелище незабываемое. Полоски чистого, серебристого песка, окаймляющего бухты, красиво сочетаются со всевозможными цветами. Поверхность и вершины самых диких утесов украшены пятнами густого, бархатистого мха, через который бегут, мягко журча, чистые ручейки питьевой воды; затем с большим шумом они стремительно падают с обрыва, сверкая блестящими брызгами.

К моменту посещения комиссией Андаманских островов члены ее располагали кое-какими сведениями о коренных жителях, однако, собранные в результате отдельных встреч, они оказались весьма скудными и связанными с различными домыслами и небылицами, что вынудило членов комиссии, согласно отчету, «обратить особое внимание на подготовку мер, направленных на установление дружественных связей с аборигенами, а также на выявление их обычаев и нравов».

Правда, по собственному признанию, комиссии не удалось добиться сколько-нибудь значительных результатов в достижении этой цели. Члены комиссии сообщали: «Первая встреча с аборигенами произошла на

Крэгги. Огибая остров в поисках надежного места для стоянки, мы увидели большую группу местных жителей. На рифе, соединенном с островом, они ловили рыбу. Поодаль на песчаном берегу возле каноэ стояло еще несколько человек, по-видимому женщины. Судно отдало якорь, и мы, члены комиссии, на двух лодках в сопровождении хорошо вооруженных матросов отправились на берег. Люди, находившиеся возле каноэ, бросились в густые джунгли. В каноэ, которое они оставили со всем содержимым, мы положили бусы и зеркала. Затем мы снова сели в лодки и отплыли на некоторое расстояние, чтобы доказать хозяевам острова свои дружественные намерения и желание не проявлять в отношении их каких-либо враждебных действий. Все это время мужчины на рифе (их было человек десять-двенадцать) выказывали признаки явного недовольства появлением белых людей. Они неистово жестикулировали, издавали воинственные крики, потрясали луками и стрелами. Один из них размахивал копьем с металлическим наконечником, ярко сверкавшим в лучах заходящего солнца. Другой, стоящий по пояс в воде, с криком выпустил две стрелы в направлении парохода... Все эти люди были голыми и темнокожими. Сильные, хорошо сложенные, они не проявляли перед нами ни малейших признаков страха».

Далее в отчете комиссии указывалось: «Размахивая белыми платками и выкрикивая слово „паду“ (в словаре, опубликованном Колбруком в „Эйшиэтик ресерч“, оно означает на языке андаманцев „друг“), мы приблизились к ним. Однако все было напрасно. Мы были исполнены желания избежать столкновений с ними, они же, настроенные весьма воинственно, вероятно, считали, что их женщинам угрожает опасность. Тогда мы поплыли в южном направлении, пытаясь отыскать безопасное место для высадки, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Пятеро аборигенов около мили бежали за нами по берегу, а затем исчезли в джунглях... На берегу возле лодок мы оставили часовых. Не прошел наш авангард и сотню ярдов, как на него из джунглей посыпался град стрел. Мы немедленно ответили залпом из мушкетов, при этом никто из аборигенов ранен не был, но они испугались, и в этот вечер мы их больше не видели. На следующее утро, когда судно уходило в море, они вновь появились на берегу и повторили свою пантомиму из враждебных и угрожающих жестов».

После этой первой встречи было еще семь. Четыре раза нападали аборигены, но их отбрасывали, к счастью, без кровопролития. Дважды, завидев группу доктора Муата, они скрывались в джунглях, бросая свои каноэ и горящие костры. Последняя встреча оказалась наименее счастливой. Это произошло на острове Южный риф, лежащем у южной оконечности острова Интервью.

Обогнув остров Интервью, «Плуту» направилось на юг к острову Южный риф, а затем снова повернуло на север. И тут на берегу была замечена большая группа андаманцев, человек 30, спокойно наблюдавших за проходящим мимо судном. Они стояли возле лодок, видимо, в ожидании отлива — андаманцы собирались ловить рыбу у рифа. Члены комиссии на катере направились к берегу. На всякий случай за ними следовал второй катер. В свою очередь, аборигены сели в каноэ и поплыли навстречу катерам. Члены комиссии спрятали оружие и избегали жестов, которые могли бы вызвать у андаманцев тревогу. Когда до них оставалось около сотни ярдов, аборигены подняли луки и стрелы и начали угрожающе жестикулировать, подобно тому как это наблюдалось на восточном побережье. Три каноэ шли отдельно от остальных. Матросы на первом катере прекратили грести, и он, влекомый течением, стал медленно приближаться к каноэ.

На катере подняли белые платки, показали подарки, стали кричать заветное слово *паду*, никто не делал каких-либо враждебных жестов. Переднее каноэ постепенно стало отходить боком, и, когда до аборигенов оставалось около 50 ярдов, они одновременно поднялись во всех каноэ и выпустили довольно точно град стрел по первому катеру. Стрелы попали в лейтенанта Хиткоута, одного матроса и в слугу доктора Муата. Поскольку у аборигенов в запасе было много стрел и они собирались повторить свою атаку, с катера открыли по ним огонь. Двое аборигенов было убито, остальные вплавь пытались добраться до берега, которого они благополучно и достигли. Одному аборигену бросили в воду канат, он ухватился за него и был вытащен на борт. Члены комиссии с большим жаром решали вопрос, что делать с этим человеком — освободить или везти в Калькутту. В конечном счете его решили взять с собой, исходя из интересов человечества, хотя это было сопряжено с тяготами для несчастного.

Это оказалось ошибкой. Появление андаманца в Калькутте привлекло к нему большое внимание. Это был первый абориген, которого увидели там после 1790-х годов (тогда Блэр и Кид привезли с собой андаманца с этих островов). Он так и не научился понимать какой-либо из местных языков, все время тосковал по дому и своему народу. Вскоре андаманец заболел холерой, а затем бронхитом, угрожавшим перейти в воспаление легких. Поэтому было принято решение отправить его на Андаманы. Андаманца высадили на южном берегу острова Интервью, наградив различными подарками. С тех пор его никто никогда не видел.

Однако следует отдать должное доктору Муату, не испытывавшему каких-либо недоброжелательных чувств по отношению к аборигенам, несмотря на встречи, оканчивающиеся далеко не счастливо. В книге, опубликованной в 1863 году, Муат соглашался с мнением лейтенанта Блэра, что имеющая глубокие корни враждебность, с которой аборигены относятся ко всем чужеземцам, приближающимся к их берегам,—свидетельство памяти о тех днях, когда они находились в рабстве, и о страданиях, которые ничто не может стереть, даже время; память об этом вызывает вспышки гнева, лишь кровь врагов может успокоить их.

Отчет комиссии был представлен генерал-губернатору 1 января 1858 года, и через две недели было принято решение создать на Андаманских островах поселение каторжан. В письме от 15 января 1858 года доктору Ф. Дж. Муату и его двум коллегам Ч. Бидон, секретарь правительства Британской Индии, передал сердечную благодарность правительства Индии за разумность, быстроту и эффективность, проявленную при выполнении задания, за деловитость и практические рекомендации, сделанные в представленном отчете, включая присвоение старой гавани названия «Порт-Блэр».

В другом письме, адресованном капитану Генри Мэну, полицейскому инспектору в Моулмейне, его информировали, что достопочтенный генерал-губернатор в Совете принял решение о создании на Андаманских островах поселения каторжан, в которое должны быть отправлены в первую очередь лица, приговоренные к тюремному заключению и ссылке за участие в мятежах и восстаниях и других преступлениях, связанных с ними. В конечном счете в это поселение будут направляться все приговоренные к ссылке, которых по каким-либо со-

ображениям нецелесообразно высылать в другие места. Принято решение приступить к строительству поселения в старой гавани, которая впредь будет называться Порт-Блэр, в честь офицера, открывшего, детально исследовавшего и оценившего ее преимущества 80 лет назад.

В другом письме капитану Генри Мэну давались следующие указания: «По прибытии в Порт-Блэр вы поднимете британский флаг и от имени Ее Величества королевы и Ост-Индской компании вступите в официальное владение группой островов, именуемых Андаманскими, которые состоят из Большого и Малого Андаманов и всех прилегающих к ним островов».

Капитан Мэн был наделен всей судебной и исполнительной властью над Андаманскими островами, а также назначен на них комиссаром. Он отплыл на Андаманские острова на борту «Семирамиды» и 22 января 1858 года в торжественной обстановке поднял там британский флаг. С того дня началась новая глава в истории Андаманских островов. Этот период продолжался, за исключением кратковременной японской оккупации, до 15 августа 1947 года — другого знаменательного события, когда Индия получила независимость и солнце Британской империи зашло над землей и территориями, образующими свободную Индию, в состав которой входят также Андаманские и Никобарские острова.

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АНДАМАНСКИХ ОСТРОВОВ

На протяжении довольно длительного периода аборигенов Андаманских островов считали потомками африканских рабов, попавших сюда в результате кораблекрушения, которое потерпело какое-то португальское судно при их транспортировке. Однако большинство антропологов, изучавших андаманских аборигенов в течение последних нескольких веков, пришли к твердому мнению, что они не потомки африканцев, а негритосы¹⁸. Поэтому теория о крушении португальского судна является несостоятельной.

---

¹⁸ Негритосы — название нескольких низкорослых негроидных этнических групп Юго-Восточной Азии (андаманцы, семанги, аэта).

Представляется, что некогда негритосы также жили в ряде районов Индии, поскольку следы негритосского типа лица обнаружены у представителей племен мунда, обитающих на полуострове Индостан¹⁹. У негритосов, вероятно, одни и те же предки с семангами — жителями Малаккского полуострова, с аэта Филиппин и с некоторыми народами Океании, включая, возможно, вымерших в настоящее время коренных жителей Тасмании.

Существует также предположение, что жители Папуа-Новой Гвинеи и Меланезии тоже негритосы, хотя они, возможно, смешались либо с малайцами, либо с полинезийцами.

Никто не может дать ответа с какой-либо степенью достоверности на вопрос о том, как и когда они попали на Андаманские острова. Основным источником, проливающим некоторый свет на древнее происхождение андаманцев, — пласты хозяйственных отбросов, до недавнего времени находимые на всех островах. О происхождении андаманцев свидетельствуют, конечно, и их легенды.

У андаманцев никогда не было постоянных поселений, они переходили с места на место в поисках пищи, поэтому пласты хозяйственных отбросов, имеющие около 50 футов в диаметре, можно было встретить повсюду. Можно предположить, что на одном месте, как правило, проживало не более 30 человек.

Итальянский антрополог Лидио Киприани, производивший раскопки пластов хозяйственных отбросов в Голпаре в 1952 году на Малом Андамане, пришел к выводу, что андаманцы — потомки древнейшего населения островов.

Сами андаманцы прослеживают свои древние обычаи до великого катаклизма, в результате которого значительная часть занимаемой ими земли погрузилась в воду, разделившую их народ. Согласно их легендам, именно поэтому они говорят на разных языках, при этом представители разных племен часто не понимают друг друга.

Когда впервые англичане прибыли на острова, здесь проживало 12 племен, которые делились на три группы:

---

¹⁹ В данном случае автор неверно называет население ряда районов Индии негритосами. Большинство антропологов относят их к веддоидному типу негро-австралоидной расы.

североандаманскую, южноандаманскую и группу племен онге. Племена дробились на более мелкие родовые подразделения — кланы, причем каждый из них имел своего вождя. Кроме того, аборигены Андаманских островов делились на *ариото* — жителей побережья и *эремтага* — обитателей джунглей или тех, кто жил в районах, расположенных далеко от прибрежной полосы. Обе эти группы постоянно враждовали.

Различие между ариото и эремтага заключалось главным образом в способе добывания пищи. Главный источник пропитания ариото — море, поэтому они были отличными пловцами и ныряльщиками. Ариото умели прекрасно ловить рыбу и стрелять из лука и выглядели более крепкими. Эремтага великолепно ориентировались в джунглях, знали гораздо больше о флоре и фауне, чем ариото, и проявляли большую сноровку в охоте на кабанов.

Ранее существовало мнение, что андаманцы — пигмеи, но это не так. Согласно М. В. Портмену, проведенному довольно тщательное и детальное изучение андаманцев, средний рост мужчины составлял 4 фута 10,5 дюйма, а женщины — 4 фута 6 дюймов. Среди андаманцев встречаются мужчины, чей рост выше 5 футов. Вес взрослого андаманца колеблется от 85 до 100 фунтов.

Доктор Ф. Муат писал, что андаманцы идеально сложены, конечности у них вполне совершенной формы. Они так же изящны, как и любой европеец.

В свою очередь, М. В. Портмен отмечал, что андаманские мужчины и молодые женщины имеют приятную внешность. У некоторых из них хорошо очерченные носы, тонкие губы, небольшой рот, белые зубы, глаза с блеском и даже очень красивые фигуры. Но в то же время он добавлял, что старые люди зачастую с годами становятся безобразными.

Андаманцы вовсе не носят одежды, плохо переносят жажду и голод. Они валяются от усталости, если не поспят сутки, хотя во время празднеств могут танцевать порой по четверо суток.

Половая зрелость у андаманцев наступает в возрасте около 15 лет, но женятся они лет в 25. Среди андаманцев весьма распространены половые сношения до замужества, но, как только молодые вступают в брак, супружеская верность строго соблюдается. Измена жены может грозить смертью ей и, возможно, ее любовни-

ку. Развод здесь практически неизвестен, так же как и кровосмешение. Первое имя ребенок получает еще в утробе матери, второе — после рождения; оно указывает на его пол. Женщинам также дают имена цветов; это делается в период менструации — молодую девушку называют по имени цветка, который распускается в тот период.

Церемония бракосочетания весьма проста, и в ней нет ничего религиозного. Как только старики племени узнают, что молодая пара проявляет друг к другу интерес и хотела бы вступить в брак, невесту переводят во вновь отстроенную хижину. Она сидит там и ждет нареченного, который убегает в джунгли. После некоторой мнимой борьбы и притворного колебания его убеждают вернуться и заставляют сесть на колени к невесте. Теперь дело сделано — отныне они муж и жена. Этот свадебный обряд имеет строгие обязательства, но после смерти одного из супругов другой может вступить в брак снова.

Цвет кожи андаманцев варьируется от почти черного у представителей южноандаманской группы племен до красновато-коричневого у онге. Аналогичная картина наблюдается и с цветом волос — они могут быть черными как сажа, темно- или светло-коричневыми, рыжими или даже золотистыми. Некоторые андаманцы с Большого Андамана отпускают длинные волосы, южные же андаманцы бреют головы наголо, прическа джаравов — пышная копна волос, а онге стригут волосы довольно коротко. Встречаются андаманцы и с небольшой бородкой и усами; их обладатели очень ими гордятся и никогда не сбривают. Кожа у андаманцев гладкая и мягкая, но большинство (за исключением джаравов и онге) татуируют тело или делают на нем надрезы самыми различными способами.

Согласно Портмену, аборигены племен южноандаманской группы делают надрезы на коже с помощью небольших кусочков кварца или стекла. Это зигзагообразные или прямые линии, идущие вверх и вниз по телу или конечностям. Каждый надрез имеет длину около четверти дюйма и носит лишь поверхностный характер. Чтобы создать рисунок из прямых линий, намечают границу надрезов, затем делают сами надрезы с расстоянием между ними около одной восьмой дюйма и уже потом проводят двенадцать или четырнадцать подобных линий, образующих рисунок. При зигзагооб-

разном рисунке наносят лишь две линии, надрезы проводят под тупым углом друг к другу, и таким образом получается нечто, напоминающее орнаментальную кладку с небольшими выступами. Создание того или иного рисунка зависит от индивидуального вкуса. На лице и ушах, под коленками и под мышками надрезы не делаются. Женщины татуируются так же, как и мужчины.

Североандаманская группа племен имеет другую систему татуировки. Там мужчины с помощью наконечника стрелы наносят довольно глубокие и болезненные надрезы по всему телу, которые не стыкуются, а располагаются параллельно друг другу. Их длина около дюйма, а расстояние между ними почти полдюйма. Как правило, делают три линии надрезов: одну — в центре спины от шеи до ягодиц, две другие — по обе стороны от нее от плеч до половины основной линии; расстояние между этими линиями около трех дюймов. Иногда можно увидеть четыре или пять линий с мелкими надрезами. Три или четыре линии (иногда пять) мелких надрезов (на расстоянии друг от друга около двух дюймов) проводятся от ключицы до локтевой области. Мелкие линии на руки и ноги наносятся сверху вниз. Иногда они в виде окружностей. Женщины этой группы наносят татуировку, как правило, только в пожилом возрасте.

Онге не татуируют себя, а обмазывают тело глиной и сверху наносят рисунки из цветной глины или красной охры с черепаховым или свиным жиром.

Андаманцы очень любят охоту и рыбную ловлю. Их основное оружие — гарпун, с которым они охотятся на черепахи и дюгоней²⁰. На охоте в джунглях они используют луки и стрелы. Андаманцы занимаются только собирательством. До тех пор, пока англичане не завезли на острова собак, у них не было домашних животных. Сейчас в их селениях иногда больше собак, чем людей. Андаманцы пищу жарят или пекут в грубых горшках на открытом огне. При этом они не употребляют ни соль, ни сахар, но любят мед.

Горшки, используемые различными группами, отличаются по своей форме: одни — остродонные, другие — круглые.

Похоронные обряды у андаманцев несколько необычны. Мертвого ребенка родители зарывают под полом

²⁰ Дюгонь — водное млекопитающее отряда сирен; длина — 2,5—3,2 м.

своей хижины, а тело взрослого связывают в узел и помещают на платформе, установленной на верхушке дерева. Гирлянды из тростника указывают границы вокруг дерева. Приблизительно месяца три никто не смеет подходить близко к этому месту. Траур родственников и друзей покойного выражается в том, что они обмазывают свои тела серой глиной. В течение всего периода траура, который продолжается около трех месяцев, не устраивается никаких празднеств и танцев. В конце этого периода останки умершего снимают с дерева, кости промывают, раздробляют до приемлемых размеров и используют в качестве украшений. Существует поверье, что они обладают лечебными свойствами — достаточно только дотронуться до них, как боль тут же прекращается и болезнь проходит.

Иногда покойников хоронят в земле. Считается, что таким образом мертвому воздаются большие почести. Но и в этом случае после окончания траура тело откапывают, кости промывают, дробят и используют в качестве украшений и талисманов от всех болезней.

Совсем по-иному относятся к смерти вождя, и церемония его захоронения носит более пышный характер. Корабельный врач Ф. Дэй присутствовал при погребении вождя одного из северных племен, скончавшегося 1 июля 1865 года. Он подробно записал свои наблюдения: в течение двух часов наиболее уважаемые люди племени заворачивали останки вождя в листья и перевязывали их лыком, прежде чем опустить в могилу, которая была глубиной лишь около двух футов и чуть выше уровня воды. Тело в ней поместили в полулежащем положении, причем лицом на восток. Прежде чем забросать могилу землей, каждый член племени прощался с тем, кого он так любил при жизни. Один за другим подходили они к покойному и дули ему в лицо. Затем яму осторожно закопали, всего дюймов на шесть, так, чтобы не переломать мертвецу ребра.

На могилу положили несколько камней, сожгли вязанку хвороста и после этого в изголовье возложили траурные гирлянды. Такие же венки оставили на берегу, в местах, бросающихся в глаза, чтобы всем было видно, где захоронен вождь племени. В изголовье поставили чашу с водой на случай, если душа умершего ночью почувствует жажду и захочет ее утолить. Через четыре месяца ближайший родственник умершего подошел к могиле и вытащил нижнюю челюсть, которая к

тому времени очистилась от тканей; спустя еще месяц были извлечены лопатка и ребро, а через шесть месяцев после похорон — череп. Его повесили на шею самому близкому родственнику умершего, а позже его по очереди носил каждый член племени.

Интересно отметить, что андаманцы никогда не умели, да и сейчас не умеют добывать огонь. Поэтому они тщательно поддерживают его в очагах и принимают все меры к тому, чтобы он не погас. Если такое случается, что считается великим несчастьем, они отправляются за огнем в соседнее селение.

Помимо охоты основное развлечение для андаманцев — танцы. Как правило, они танцуют вечерами, после охоты. Их танцы — довольно любопытное зрелище, но движения во время пляски у них весьма однообразные. Они не пользуются никакими музыкальными инструментами, а ритмично топчутся на одном месте — твердом, хорошо отражающем звуки помосте, который похож на щит крестоносцев. Во время танцев они исполняют главным образом импровизированные песни; один запекает, другие подхватывают. Затем все поют хором. Танцуют они почти каждый вечер, если, конечно, собирается достаточное число танцоров. Танцы продолжаются часами, а иногда и всю ночь, тем более если в веселье принимает участие все племя. Танцуют и мужчины, и женщины.

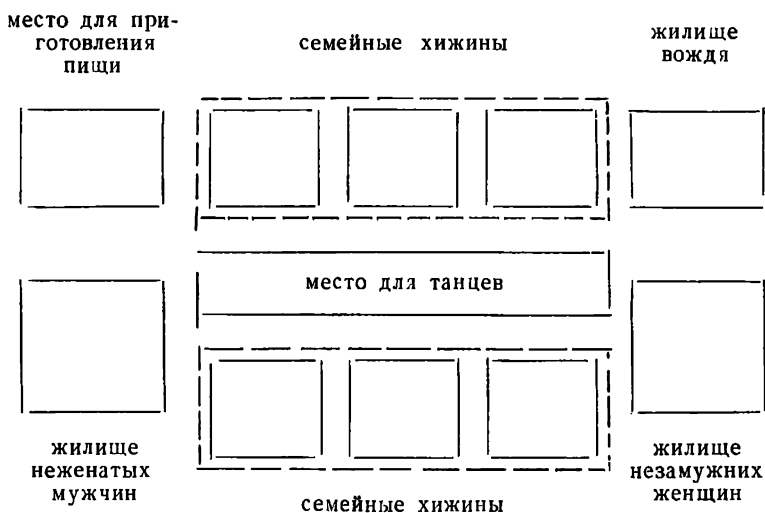
А. Р. Радклифф-Браун, наблюдавший танцы андаманцев лет 50 назад, оставил их яркое описание: «Когда все было готово, мужчина, высказавший желание добровольно начать первую песню, вышел на импровизированный помост и запел. Только он затянул припев, как женщины подхватили его. При этом они все время похлопывали себя по бедрам. Запевала во время пения отбивал такт ногой. Стоило хору запеть, как танцоры начинали танцевать. Когда запекала и хор уставали, пение прекращалось, но, как только оно возобновлялось, возобновлялись и танцы. Певец исполнял свою песню по нескольку раз и мог петь без конца. Когда он выбивался из сил, его сменял другой певец. Таким образом, песни и танцы продолжались непрерывно».

Точно так же они веселятся и в наши дни.

Так как андаманцы — бродячие охотники и собиратели, то жилищ постоянного типа они не строят. Согласно Портмену, их жилище представляет собой лишь циновки из тростника или пальмовых листьев, положен-

ные на четыре кола и несколько поперечных жердей; стен нет. Каждое такое жилище имеет в длину фута четыре, а в ширину — около трех, что вполне достаточно для одной семьи.

Вот примерная планировка типичного андаманского поселения:

Согласно Темплу, религия андаманцев — это «простой анимизм, заключающийся в признании злого духа дерева, моря, болезней и предков. У них нет никаких твердо установившихся обрядов, не делают они и жертвоприношений». Андаманцы верят в Пулугу, который, по мнению того же Ричарда Темпла, является «первопричиной всего. Совсем необязательно добиваться его расположения — следует лишь избегать действий, которые могут раздражать божество».

Андаманцы не верят ни в рай, ни в ад. Вопреки существовавшему некогда мнению, они не каннибалы. Человеческие кости находили только в должным образом подготовленных могилах, но в пластах хозяйственных отходов их следов не обнаружено. Обвинение их в каннибализме, несомненно, основывается только на наблюдениях старых моряков, поскольку андаманцы обычно убивали любых чужестранцев, с которыми им приходилось встречаться. Они сжигали их, так как верили, будто это сулит победу над любым врагом. Затем они танцевали вокруг костра всю ночь. Несомнен-

но, всякий, кто становился свидетелем подобной мрачной сцены, считал андаманцев каннибалами.

В 1883 году Эдвард Гораций Мэн описал, как андаманцы перебирались с одного острова на другой: «У каждого, кто на протяжении последних 15 или 20 лет соприкасался с андаманцами и наблюдал, как они изготавливают каноэ, их мастерство вызывало удивление, а необычная скорость, способность соперничать с быстроходным катером или гичкой²¹ с первоклассной командой — восхищение... Сейчас же на Большом Андамане едва ли найдешь аборигена, способного управлять каноэ со скоростью, едва превышающей половинную скорость обычных гичек, широко используемых в Порт-Блэре».

Вполне возможно, что с момента прибытия туда поселенцев андаманцы потеряли не только свою удачу!

Согласно Э. Г. Мэну, как правило, в августе или сентябре человек восемь недели за две выдалбливают лодку и формируют ее нос. (Носовой помост предназначен для того, чтобы с него охотиться с гарпуном на рыбу или черепах.) Обычно на каноэ идет дерево длиной от 10 до 30 футов. Сначала дерево очищают от коры, а затем с помощью своеобразного струга ему придают форму каноэ. После этого дерево выдалбливается изнутри стругом. Толщина дна каноэ — от полутора до трех дюймов. Андаманцы всегда используют балансир. Он помогает поддерживать равновесие и крепится к каноэ тремя или четырьмя деревянными планками, пропускаемыми через обе стенки. Плывая вдоль берега, аборигены отталкиваются гарпунами, предназначенными для охоты на рыб; на глубоких местах в ход пускают короткие весла с широкой лопастью.

Для ловли рыбы андаманцы никогда не пользуются крючками и лесками. Как свидетельствует Э. Г. Мэн, обычный способ ловли заключается в том, что во время отлива женщины и дети с помощью ручных сеток собирают оставшихся в каменистых впадинах береговой полосы рыбу, устриц или крабов, а во время прилива мужчины, стоя по пояс в воде или сидя в каноэ, стреляют возле берега в рыбу из лука.

Они никогда не ловят черепах путем «переворачивания», а гарпунят их, стоит черепахам подняться на поверхность моря, чтобы подышать. Кабанов и игуан они поражают заостренными стрелами.

²¹ Гичка — небольшая быстроходная лодка.

Кроме собственно андаманцев на Андаманских островах живут еще два племени — джаравы и сентинелы, причем последние обитают только на острове Норт-Сентинел и считаются с этнической точки зрения входящими в одну группу с джаравами. О джаравах известно очень мало, поскольку они относятся весьма воинственно ко всем чужеземцам. М. В. Портмен так объяснял причины такого их поведения: «При нашем прибытии джаравы вели себя спокойно и не проявляли никакой враждебности, они не беспокоили нас до тех пор, пока мы не стали непрерывно досажать им, подстрекая против них прибрежных андаманцев. Вскоре жизнь джаравов стала настолько тяжелой, что в отместку они все чаще нападали на нас. Это наша вина, что джаравы относятся к нам враждебно».

Сентинелы, пожалуй, еще более воинственны.

Любое мелкое посягательство или воровство на их законной территории приводило к экспедициям против джаравов, результатом которых было жестокое наказание. В то же самое время ариоты, их традиционным врагам, англичанами было предоставлено огнестрельное оружие. Как и следовало ожидать, они использовали его для массового убийства джаравов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что джаравы стали относиться к англичанам и другим пришельцам как к людям, которым нельзя доверять, и там, где это возможно, стараются их уничтожить.

ОНГЕ

Онге живут на Малом Андамане, который расположен южнее основной группы Андаманских островов. Площадь Малого Андамана — 448 квадратных миль. Хотя он удален на 31 милю от этой группы островов, онге имеют много общего в языке, особенно в его грамматической структуре, с аборигенами Большого Андамана. Однако словарный состав их языка отличается от языка джаравов и сентинелов.

Онге также верят в легенду о катаклизме и о том, что именно он отделил их от собратьев на других островах Андаманской группы. Нет никаких сомнений в том, что онге в течение нескольких тысячелетий жили на Малом Андамане, так как в результате раскопок от-

ложений хозяйственных отбросов (там были найдены закаменевшие раковины и панцири) доказано, что они аналогичны тем, которые найдены в самом нижнем слое таких же наслоений на Большом Андамане. Все это — позитивное доказательство того, что предки онге в самые древние времена жили на островах. А глиняные изделия, которые появились в следующем слое (никаких признаков их присутствия в самом нижнем слое не было), свидетельствуют о тщательной обработке глины и имеют возраст, возможно, около пяти тысяч лет.

Находки в верхних слоях показали, что это умение утеряно, поскольку и сейчас мы сталкиваемся с тем, что неочищенная глина перемешивается небрежно, в ней даже попадают осколки камней, и она едва ли подвергается обжигу. Благодаря раскопкам хозяйственных отбросов на Малом Андамане стало также известно, что кабаны появились на острове приблизительно в одно время с глиняной посудой. И не было выявлено никаких признаков присутствия на острове других животных, за исключением, конечно, собак, которые завезены сюда сравнительно недавно. Онге продолжают жить по-прежнему, равнодушно взирая на достижения так называемой цивилизации.

Онге строят два вида жилищ — временные укрытия и постоянные хижины (последние сделаны более искусно, чем у андаманцев). Временное убежище совсем простое, оно без стен — от земли поднимается только наклонная крыша. Постоянная хижина также весьма нехитрое сооружение. Каждая хижина имеет круглую форму, крыша покрывается водонепроницаемыми циновками, причем одна находит на другую так, чтобы через них дождь не проникал внутрь. Крыша, подобно огромному зонтику, опирается на подпорки. В центре хижины — очаг. Огонь горит также возле каждого ложа. Это делается главным образом для поддержания тепла. Само ложе представляет собой настил из веток, по краям которого в землю вбивают четыре крепких кола, служащих подпорками. В изголовье кладут деревянный чурбак. Подобные постели возвышаются над землей приблизительно на 20 дюймов. Все настилы внутри хижины располагаются радиально, каждый человек спит головой к центру.

Пищу готовят, как правило, на открытом воздухе, но во время дождя огонь разводят в центре хижины, он значительно больше, чем тот, который горит у ложа.

Онге не знают, что такое уединение: здесь все открыто для взоров каждого.

Онге постоянно поддерживают огонь, поскольку они, так же как и андаманцы, незнакомы с искусством его добывания. Вот почему они так боятся остаться без огня. Если такое случается, онге проявляют большую изобретательность для его восстановления. Когда молния ударяет в какое-либо дерево, они используют тлеющие ветви в качестве источника огня (дерево из-за чрезмерной влажности тлеет в течение многих дней).

Онге занимаются собирательством и охотой и ничего не знают о земледелии. На острове изобилие съедобных плодов и кореньев. Онге обожают плоды хлебного дерева и обычно пекут их в горячей золе до тех пор, пока мякоть и сердцевина не становятся съедобными. Им также нравится панданус, который по вкусу напоминает ананас. (Листья пандануса иногда служат крышей в их временных укрытиях.) Любят они и ямс, некоторые плоды которого размером с футбольный мяч.

Большое место в рационе онге занимают дары моря. Особенно они любят сардины. Рыбу они добывают с помощью гарпуна, лука и стрел. Кроме рыбы онге ловят моллюсков, ракообразных, омаров, лангуст и крабов, даже некоторые виды раков-отшельников. Онге едят также и цикад. Подобно остальным андаманцам, они не употребляют в пищу ни соль, ни сахар.

Любимое лакомство онге — жареная черепаха. Обожают они и свинину. В наши дни с помощью собак они выслеживают и загоняют кабанов, а затем убивают их из лука. Больше всего им нравится сам процесс охоты. Онге не едят ящериц, камышовых котов, летучих мышей, крыс или змей, поскольку, по их мнению, в них находятся души умерших. Вообще эти люди любят сытно поесть.

Оставшиеся продукты питания они складывают в своеобразную сетку, подвешивают и под ней разводят костер из зеленых веток, чтобы таким образом сохранить для следующего раза. Подчас трапеза у них превращается в настоящую оргию. Лидио Киприани в 1952 году несколько раз становился свидетелем подобных пиршеств. Во время этих оргий он наблюдал за группой онге, состоявшей приблизительно из 60 человек, которая в течение нескольких дней съела десять кабанов, опростала дюжину полных меда крупных дере-

вянных сосудов и поглотила несколько корзин с рыбой, которую каждую ночь ловили женщины.

Они с удовольствием едят мясо крабов, а их клешни используют для курения ароматических листьев.

Все онге обожают мед. Когда они находят пчелиный улей, то ставят на дереве отметку, тем самым утверждая свое право собственности. При сборе меда онге помогают друг другу. Мед они собирают весьма интересным способом: взбираются на дерево голыми. И тут им на помощь приходит сама природа. На Малом Андамане повсеместно растет кустарник *тонджог*. Они разжевывают несколько листьев этого растения и натирают полученной массой все тело и даже волосы. Немного этой массы выплевывают на пчел. Подобные меры предосторожности полностью предохраняют их от укусов этих насекомых.

Что касается проблемы воды в джунглях, то онге прекрасно выходят из положения: отрывают стебель лианы и за несколько минут высасывают почти литр жидкости.

Воду онге пьют из раковины кораблика (*Nautilus*)²², или тридакны — гигантского морского моллюска. Кроме того, они используют эти раковины в качестве зеркала — наполняют водой и смотрятся в них. Иногда они, лежа на животе, пьют прямо из источника.

У онге нет ясной концепции религии. Они считают, что после смерти остается душа, и испытывают страх перед ее возвращением. Но у них нет каких-либо церемоний или ритуала, а также тотемов²³. Не верят они в жертвоприношения и в какие-либо умиловления. Онге хоронят умерших под их ложами в собственной хижине, через некоторое время кости извлекают, но лишь затем, чтобы покрасить их охрой и снова захоронить. Костей умерших на шее они не носят.

Они сторонники единобрачия, и развода у них не существует. Нет никаких сведений о случаях полигамии или кровосмешения. Подобно другим жителям Андаман, после вступления в брак верность в супружеской жизни становится для них общепринятой нормой поведения. Правда, до брака молодежь довольно легко

---

²² Кораблик — вид моллюска.

²³ Тотем — животное или растение (реже неодушевленный предмет или явление природы), имя которого носит род. Существовали представления о родстве между родами и тотемами.

идет на случайные связи. Что касается вступления в брак, то он может состояться лишь с согласия всего рода. До начала свадебной церемонии невеста и жених намазывают тела белой глиной. После этого один из старейших членов рода обращается к ним с напутствием и с лучшими пожеланиями. Вся церемония фактически похожа на обряд у андаманцев (старейшие члены рода кладут руки невесты и жениха на шею друг другу, а затем заставляют жениха сесть на колени к невесте).

Интересно отметить, что традиционный способ приветствия также заключается в усаживании на колени!

Кроме свадебной церемонии, которая довольно проста, у них существует еще и другая, но она сложная и проводится лишь тогда, когда девушка достигает половой зрелости. А. Р. Радклифф-Браун, автор книги «Андаманские острова — социальное исследование», опубликованной в 1922 году, писал, что, когда девушка сообщает своим родителям о появлении первой менструации, они плачут над ней. Затем она идет к морю и в течение часа оmyвает свое тело.

После этого девушка возвращается в свою хижину или под навес, специально сооруженный по такому случаю. С нее снимают все украшения — оставляют только пояс из листьев пандануса и передник из листьев *каиньо*. На руки у плеча и на запястья надевают браслеты из листьев пандануса, а лентами из тех же листьев украшают грудь. Эти ленты словно ниспадают с плеч к талии, а свободные концы их прикрывают бедра. Ниже пояса крепятся пучки из листьев *келмо* или *порамо*. Такие же листья кладут на пол. Поджав ноги и скрестив руки, покрытая листьями, девушка сидит в предназначенной для нее хижине. За спиной у нее кусок дерева, что дает ей возможность немного откинуться назад, но не лечь. Если у нее появляются судороги, то она может вытянуть ногу или руку по одной, а не обе сразу. Ест она одной рукой, при этом запрещается касаться пищи пальцами — ей дается небольшой вертел из *каиньо*. Она также не должна разговаривать и спать в течение 24 часов. За ее желаниями следят родители или подруги, которые сидят возле нее и, если надо, будят. Так девушка сидит все время, пока продолжается менструация. Каждое утро она покидает хижину для омовения — час купается в море. Когда менструация заканчивается, девушка возвращается к нормальному об-

разу жизни. После первой менструации на протяжении следующего месяца она должна каждое утро на рассвете купаться в море.

Онге великолепно владеют искусством сооружения каноэ; процесс создания лодки — важное событие в их жизни. Облюбованное для этой цели дерево должно принадлежать к одному из видов стеркулиевых. Выдалбливают ствол специальным инструментом, похожим на топор. Это очень тяжелый труд. Большое внимание уделяют онге отделке балансира, поскольку от последнего зависит устойчивость лодки. Спуск каноэ на воду — торжественная церемония. Поэтому лодку разукрашивают так же тщательно, как и собственные тела.

Луки и стрелы у онге также имеют свои особенности. На изготовление лука идут стволы молодых, но высоких деревьев, а на тетиву — длинные, тонкие полоски коры. Из бамбука они делают стрелы для охоты и стрелы-гарпуны. Онге их тщательно отделяют.

Любимое развлечение онге — танцы. Они исполняют их без музыкального аккомпанеента, нет у них и танцевального помоста. В танцах участвуют и мужчины, и женщины, и даже дети. Держась за руки, они ходят по кругу и поют.

У онге также есть свои легенды. Вот одна из них в изложении А. Р. Радклифф-Брауна: «Сначала не было ночи, и жизнь текла непрерывно и спокойно. Затем один из прародителей, вероятно, в порыве раздражения из-за неудачной рыбной ловли раздавил цикаду, и крик насекомого навлек на мир темноту».

Поэтому нет ничего удивительного в том, добавляет А. Р. Радклифф-Браун, что «онге считают темноту злом, ведь тогда пресекается любая деятельность. Следовательно, она — проявление силы, враждебной обществу».

КАТОРЖАНЕ НА АНДАМАНАХ

---

22 января 1858 года по приказу первого коменданта поселения капитана Генри Мэна над Порт-Блэром торжественно подняли государственный флаг Великобритании, и тем самым Андаманские острова были официально присоединены к британским владениям. Однако вскоре на место Мэна назначили доктора Дж. П. Уокера.

ра, тюремного коменданта, имевшего на этом посту богатый опыт. Он был кандидатурой доктора Муата. 10 марта 1858 года Уокер прибыл в Порт-Блэр на борту фрегата «Семирамис», принадлежавшего Ост-Индской компании. Вместе с ним на борту «Семирамиса» было 200 осужденных, индийский надзиратель, два врача-индейца и стража, состоящая из 50 военнослужащих морской бригады под командованием офицера индийских ВМС.

Свою штаб-квартиру Уокер основал на острове Росс. (Этот остров продолжал оставаться резиденцией местной администрации, включая японскую, до окончания второй мировой войны. Она была перенесена только после того, как союзники вновь заняли острова в 1945 году.)

Здесь уместно напомнить, что не в первый раз осужденных индийцев вывозили за пределы страны. Впервые это случилось еще в 1787 году, когда их отправили на Суматру (тогда она находилась под властью колониального правительства Индии). Осужденных высылали с целью освоения этой местности. Но когда Суматру вернули голландцам, заключенных индийцев перевели в Пенанг и Сингапур.

Основная проблема, с которой с самого начала столкнулось руководство колонии каторжан, заключалась в противоречивости их отношения к аборигенам, поскольку согласно указаниям Совета директоров Ост-Индской компании и правительства колониальной Индии к андаманцам следовало относиться хорошо и не наносить им какого-либо вреда. И в то же время необходимо было защищать осужденных, работавших по расчистке джунглей, от нападения аборигенов.

Андаманцы были исконными жителями этих островов. Они считали их своими владениями. Любое другое лицо являлось узурпатором. Дж. Н. Хомфрей, который позднее занимался вопросами андаманцев, в 1867 году объяснял причины их враждебного отношения к пришельцам тем, что андаманцы — исконные владельцы этой земли и требуют от захватчиков уважения. Англичане оккупировали Порт-Блэр и Порт-Муат, на территории которых они ранее жили, ограничили их свободу и захватили рыболовные угодья. Они вынуждены были отступить перед европейцами, чтобы избежать стычек, во время которых их могли убить. С каждым днем условия их жизни ухудшались.

По прибытии в Порт-Блэр доктор Уокер обнаружил, что не было предпринято каких-либо мер по размещению сопровождающих лиц и его самого, а также по организации питания. Поэтому он попросил капитанов двух судов, «Семирамиса» и «Матлаха», которые в тот период там находились, оказать необходимую помощь. «Семирамис» отправился в Моулмейн закупать провиант для нового поселения.

Сразу же на островах Чатам и Росс начались работы по расчистке джунглей. Доктор Уокер писал, что «джунгли там очень густые. Деревья увиты гигантскими лианами, что делает их еще более непроходимыми, и они доступны лишь местным жителям, знающим каждую тропинку. Джунгли стоят стеной. Часто срубленные деревья невозможно свалить на землю, а выкорчеванный кустарник не так просто вынести из зарослей, поскольку он оплетен лианами».

Однако работа по расчистке джунглей продолжалась успешно. К счастью для Уокера, сезон дождей еще не наступил, и аборигены не показывались. Уокер был полон надежд, но так продолжалось недолго.

Неприятности стали доставлять не аборигены, а каторжане, которые устраивали побег. (К концу 1858 года количество заключенных достигло уже 773 человек.) Первым побег совершил каторжанин Нарайян, приговоренный к пожизненной ссылке за подстрекательство к бунту. За ним послали погоню, поймали и вынесли ему смертный приговор, который тут же был приведен в исполнение. Последовал ряд одиночных, а затем и групповых (одна из групп насчитывала даже до 21 человека) побегов. Большинство бежавших было поймано и казнено. Один из них покончил жизнь самоубийством, другой вернулся назад совершенно больным, проведя в джунглях 12 дней. Он бежал с группой каторжан. Бежавший рассказал, что они неожиданно столкнулись с аборигенами, в результате большинство его товарищей были зверски убиты. С пытавшимися бежать из тюрьмы Уокер справлялся жестоко. Некоторые английские чиновники считали, что даже слишком.

Данные о положении дел с каторжанами, по состоянию на 16 июня 1858 года (через три месяца после вступления Уокера в должность), свидетельствуют сами за себя:

Всего каторжан	773
Умерших в лазарете	61
Совершивших побег и испойманных (вероятно, умерли от голода или убиты аборигенами)	140
Покончивших жизнь самоубийством	1
Повешенных за попытку совершить побег	87

Тем не менее побег продолжались, и к тем, кого удавалось поймать, относились без всякой жалости — в большинстве случаев их ожидало жестокое наказание.

1 апреля 1859 года Уокер узнал, что осужденные пенджабцы (около 200 человек) организовали заговор с целью захвата власти. Они планировали убить Уокера, индийского надзирателя и перебить морскую стражу. Однако среди заговорщиков нашелся предатель. Он рассказал Уокеру о заговоре. Выступление каторжан началось, как и планировалось, в полдень. Один осужденный, по имени Сарвар Шах, направил дуло ружья на Уокера, а другой, Маттра Дас, вырвал его из рук Шаха. Но и у Маттра Даса ружье выхватил Насар Мухаммед и бросился с ним на Уокера. Последнему удалось бежать — его спасли два десятника. После этих событий Уокер стал применять к заключенным еще более жесткие меры.

Уокер всячески избегал встреч с андаманцами. Даже для сбора пальмовых листьев, так необходимых для крыш хижин, он обычно отправлял суда в Бирму. Однако ему все-таки пришлось отрядить бриг «Матлах» за пальмовыми листьями на соседние острова. Тут-то и произошло первое столкновение Уокера с аборигенами. Один из его офицеров был убит. В отместку команда «Матлаха» разрушила 40 хижин андаманцев. Так началась необъявленная война между андаманцами и английской администрацией, которая ни на миг не затухала. Правда, аборигены меньше нападали на тех, кто носил знаки заключенных, например железные кольца вокруг лодыжек, но не щадили десятников, у которых отличительными знаками являлись красный тюрбан, бляха и цветной пояс.

В двух стычках с андаманцами было много убитых. В одной участвовал лейтенант Темплер, а другая стала известна под названием «битва за Абердин». 5 августа 1858 года со шхуны «Шарлотта», находившейся тогда в гавани, был принят сигнал о том, что «замечено несколько аборигенов». По распоряжению Уокера лейтенант Темплер вместе с Роу, старшим помощником

с «Сесостриса», старшиной и восемью матросами отправившись «следить за передвижениями противника».

По поводу этого инцидента Уокер писал, что в каноэ, вблизи мангровых зарослей, заметили одного аборигена. Он явно старался побыстрее уплыть. За ним послали погоню. На берегу заметили еще две лодки. При приближении к берегу на группу обрушился град стрел. Матросы ответили залпом с лодки. В результате абориген был убит.

Затем лейтенант Темплер, оставив в лодке четырех человек под командованием Роу, вместе с пятью матросами бросился к каноэ на берегу и после небольшой перестрелки захватил его. После этого он ворвался в деревню и завладел двумя другими каноэ, найдя на другой стороне мангровых зарослей. Матросы разрушили несколько хижин и только после этого вернулись назад с тремя каноэ и телом убитого аборигена. Оставшиеся на берегу местные жители кричали им вслед. Ни один человек из группы не пострадал, но лейтенант Темплер считал, что несколько аборигенов было ранено, поскольку он видел, как упали пять или шесть человек. В своем рапорте лейтенант Темплер выразил желание разрушить эту деревню и получил на это согласие Уокера.

«Битва за Абердин» произошла 14 мая 1859 года, но благодаря тому, что один из осужденных, Дадхнат Тевари, живший после побега у андаманцев свыше года, заранее предупредил англичан о готовящемся нападении, нанесенный ущерб оказался незначительным. Дадхнат Тевари был сипаем в туземном пехотном полку и приговорен за участие в восстании 1857 года к пожизненной ссылке и труду в кандалах в Пенджабе. Его доставили в Порт-Блэр 6 апреля 1858 года. Спустя 17 дней он бежал вместе с другими осужденными (всего 90 человек) на плотях. Руководил ими некий Ага, заверивший, что в течение 10 дней доставит их в столицу Бирмы. Позднее к ним присоединились другие заключенные. Итак, их стало 130 человек. Когда они пробивались через джунгли, то натолкнулись на отряд аборигенов. Началась массовая резня. В конечном счете лишь одному Дадхнату, притворившемуся мертвым, удалось уцелеть. Когда обман раскрылся, он жестами умолил аборигенов не убивать его.

Его оставили в живых, и он прожил среди андаманцев год и 24 дня. Все это время он соблюдал их обы-

чаи. Согласно его рассказу, он кочевал вместе с ними, поэтому сумел увидеть около четверти территории Большого Андамана. Ходили слухи, что Дадхнат был женат на двух андаманках. Это явно не соответствует действительности, так как андаманцы строго придерживаются моногамии. На самом деле его женой стала андаманка по имени Липайа. Позднее несколько андаманцев подтвердили этот факт. Поскольку он оказал англичанам важную услугу, генерал-губернатор помиловал его — Дадхната освободили и отправили в Калькутту.

Этой «битве» предшествовало появление в апреле вблизи поселения отдельных мелких групп андаманцев (никогда не превышавших 20 человек), но никакого столкновения не произошло, за исключением одного случая — 28 апреля с судна «Шарлотта» на берег сошли моряки, решившие отдохнуть на северном мысу у Порт-Блэра. На них было совершено нападение, и один матрос-европеец получил ранение.

М. В. Портмен писал, что аборигены атаквали Абердин и мыс Атланта. Благодаря своевременному предупреждению, полученному от двух бежавших заключенных, кочевавших с аборигенами, англичане приняли меры к отражению нападения, и разграбление инструментов в значительной степени удалось предотвратить. В Абердин высадили морскую охрану; «Шарлотта» бросила якорь между островом Росс и мысом Атланта; лейтенант Уорден причалил с группой моряков, занял вершину горы Абердин и разместил в своем тылу заключенных с целью их защиты. В это время команда «Шарлотты» остановила аборигенов, продвигавшихся вдоль берега. Лейтенанта Уордена атаквали из джунглей, в результате численного перевеса аборигены вынудили его отступить к лодкам. Отсюда он организовал защиту заключенных, сгрудившихся на пирсе, стреляя через их головы. Орудия с «Шарлотты» также открыли огонь по аборигенам, захватившим примерно на полчаса лагерь заключенных, который они начали грабить. Лейтенант Хеллард с командой из морской пехоты, охраной Уокера и с группой заключенных пробился на вершину горы и потеснил аборигенов. Ни один из заключенных не был ранен, но, как полагают, несколько аборигенов получили ранения.

3 октября 1859 года Уокера сменил капитан Дж. Ч. Хотон. Его прибытие можно сравнить с дуновением свежего ветра. Первое, что он сделал, — постарал-

ся наладить отношения с аборигенами. Его заслуга состоит в том, что он стал первым, кто фактически заложил фундамент для более или менее нормальных отношений с аборигенами, отдав распоряжение не досажать им, за исключением случаев явно выраженного намерения андаманцев напасть на поселение или на людей. Хотон не одобрял посещение мест, где их можно было встретить, и даже воздержался от исследовательских экспедиций, чтобы не вступать с ними в контакт.

Однако столкновения продолжались.

Хотону повезло — ему разрешили иметь заместителя. Это высвободило время для поездок по островам и способствовало установлению контактов непосредственно с андаманцами. Хотон отправил троих аборигенов (Крузо, Джамбоу²⁴ и Фрайди) в Моулмейн. Однако к моменту прибытия в место назначения у всех троих развился сильный кашель, а у Джамбоу появились все симптомы чахотки. В конце концов Джамбоу умер, а двух других возвратили назад и высадили на берег в указанном ими месте. Они сразу же исчезли в джунглях, и никто больше их никогда не видел. Замечено, что если какого-либо аборигена увозили из родных мест или даже перемещали на жительство на другой остров Андаманской группы, то он, как правило, либо заболел, либо умирал.

В связи с большой изоляцией островов от цивилизованного мира он встретился с довольно серьезной проблемой — нехваткой денег. Обстоятельства сложились так, что Хотону пришлось пустить в оборот в качестве денег талоны, подлежащие выкупу. Немного позднее с разрешения правительства Хотон выпустил медные жетоны, подлежащие выкупу в местном казначействе. Такими жетонами он расплачивался с зарабатывающими себе на жизнь каторжанами. Однако эта система не имела успеха, поскольку в обращении одновременно находились как серебряные монеты, так и медные жетоны. В 1870 году медные жетоны были изъяты из обращения. Теперь они такая редкость, что любой нумизмат многое отдал бы, чтобы иметь их в своей коллекции!

Пока Хотон жил на острове, на поселение обрушился первый циклон, поваливший около 12 тысяч гигантских, высотой от одной до двух сотен футов, деревьев. Они были вырваны с корнями и переломлены посередине.

²⁴ Джамбоу (*Jumbo*) (англ.) — «большое неуклюжее животное».

не. На острове Чатам казарма морской стражи, бунгало коменданта и лазарет остались без крыш. На острове Вайпер циклоном был полностью разрушен барак для заключенных (позднее его восстановили); на всех участках заключенные остались без крова — их хижины либо получили большие повреждения, либо были разрушены до основания.

В мае 1862 года капитан Хотон передал свои полномочия подполковнику Р. Ч. Тайтлеру. За заслуги капитана самая высокая вершина в Порт-Блэре была названа его именем и с тех пор известна как гора Хотона. Тайтлер продолжил политику своего предшественника, которая в целом была довольно мягкой. Он сосредоточил свои усилия на расчистке участка возле холма Гарриет (названного так по имени его жены). Всего обработанными оказались 149 акров. Тайтлер также успел построить пирс у острова Росс и приступить к строительству на Чатаме лесопилки с двигателем мощностью 10 лошадиных сил. За время его пребывания здесь отношения с андаманцами несколько улучшились. Аборигены больше не совершали нападений на поселение или на заключенных, если случайно сталкивались с ними в лесу.

Однако 28 января 1863 года мир был неожиданно нарушен. Старшина Смит из морской бригады доложил Тайтлеру, что он в сопровождении значительного числа моряков посетил селение андаманцев, чтобы завязать с ними дружественные отношения. Когда они высадились на берег, их окружила группа андаманцев, состоявшая приблизительно из 30 мужчин и женщин, которые вначале вели себя вполне дружелюбно. Вдруг андаманцы набросились на одного из матросов, Прэтта, и стрелами закололи его. Остальные моряки, открыв по андаманцам беспорядочную стрельбу, кинулись к лодкам и поторопились вернуться в поселок. После этих событий все ждали, что теперь последуют нападения и на заключенных.

Тайтлер поверил донесению и не провел никакого расследования. Более того, он обратился к правительству с просьбой разрешить ему провести облаву с целью захватить виновных андаманцев и отправить на какой-нибудь другой остров. Правительство колониальной Индии, не сомневаясь в правдивости представленных ему фактов, отправило подкрепление в количестве двух рот — саперной и пехотной — и потребовало, чтобы вместо беспорядочной стрельбы по беззащитным абори-

генам незамедлительно были пойманы два или три аборигена.

Тем временем Тайтлер сумел арестовать двух андаманцев, которые, согласно представленному ему рапорту, были ответственны за убийство моряка. Им дали имена Сноуболл и Джамбоу. Тайтлер решил отослать их в Калькутту, однако они туда так и не попали, поскольку при дальнейшем расследовании выяснилось, что причиной убийства послужила попытка моряка изнасиловать андаманскую женщину. В результате Тайтлер получил строгий выговор. В письме правительства от 4 августа 1863 года ему сообщалось: «Вы с готовностью согласились с рапортом старшины Смита, хотя по этому вопросу были заявления, которые давали повод в нем усомниться. Из них явствовало, что нападение на моряков — результат непонятной вспышки гнева и полная неожиданность для самих аборигенов, поскольку в тот момент они находились в непосредственной близости от Смита и даже не пытались дотронуться до него».

Сноуболла, нагруженного подарками, тут же отправили назад к своему племени. Видимо, он присутствовал при убийстве Прэтта, но не принимал в нем участия. По словам очевидцев, Джамбоу участвовал в убийстве, поэтому на несколько месяцев его задержали и лишь 12 октября 1863 года освободили.

После всех этих событий в поселении решили создать специальный «дом для андаманцев», так как, пока Сноуболл и Джамбоу находились здесь, к ним часто приходили аборигены и получали подарки — кокосовые орехи и бананы. Генри Корбин, в то время капеллан Порт-Блэра, присматривал за этим домом.

(В честь Корбина названа небольшая бухта с самым популярным в настоящее время пляжем в Порт-Блэре.) Он установил дружественные отношения с женщиной по имени Топси и с мальчиком. Они приходили повидаться со Сноуболлом и Джамбоу.

На острове Росс построили небольшой дом, его окружили бамбуковым забором. Так в поселении появился специальный уголок для андаманцев. Благодаря личному обаянию Корбина сюда с удовольствием приходили аборигены, в этом доме их иногда проживало до 28 человек.

15 февраля 1864 года Тайтлера на его посту сменил майор Барнет Форд.

Еще в бытность Тайтлера комендантом поселения туда с инспекторской проверкой явился тогдашний главнокомандующий вооруженными силами Индии Роберт Нейпир. Он обнаружил, что из 8035 осужденных, прибывших в Порт-Блэр с момента основания поселения, 2908 человек умерли, а 612 бежали.

Сначала ссыльных размещали в палатках, которые не выдерживали ливневых дождей, частых на Андаманнах. Не спасали они и во время нестерпимой тропической жары. Позднее осужденным построили хижины, но в них едва ли было лучше, так как две стены в них открытые и дождь, неизбежно сопровождаемый довольно сильными порывами ветра, легко проникал внутрь. Гражданский врач рассказал Нейпиру, что во время сезона дождей осужденные часто промокают до нитки. Он увидел, что в лазаретах грязно, а одежда у заключенных старая и рваная; лишь немногие из них спали на койках. Поэтому нет ничего удивительного, что они умирали словно мухи. Он также обнаружил, что многие осужденные находились в депрессивном состоянии.

Нейпир заявлял, что причинами большой смертности стали депрессия, вытекающая из самого факта ссылки, воздействие тяжелого климата, малярия, плохое качество и недостаточное количество пищи, нехватка одежды.

Он одобрил систему поощрений, согласно которой заключенные, считающиеся пригодными для исполнения специальных обязанностей и показавшие хорошее поведение, могут назначаться санитарями, надсмотрщиками, механиками, лодочниками и т. п. Им устанавливалась повышенная заработная плата, достигающая четырех-пяти рупий в месяц.

При существовании подобной системы осужденные получали условное освобождение до шести месяцев, а также домашнюю птицу, коров, овец и коз от суперинтенданта, что давало им возможность как-то утвердаться в жизни. Однако в правила этой системы были включены оговорки, согласно одной из которых предусматривалось, что если в конце шестимесячного периода будет обнаружено, что кто-либо из подобных лиц «не приносит для поселения прибыли, то его могут возвратить назад на каторжные работы».

Нейпир обнаружил лишь несколько заключенных,

закованных в кандалы; их наказали за попытку к бегству. В целом он нашел поведение осужденных «весьма удовлетворительным». Он также стал ратовать за браки между заключенными. Нейпир понимал, что преступников следует изолировать от общества, и этот акт, по его мнению, для любого человека — уже мера наказания, но для индусов (в меньшей степени для индийских мусульман) он становится самым страшным. Несчастные прощаются навсегда со всеми родственниками и знакомыми, теряют собственность, что ставит их в далеко не равное положение по сравнению с европейцами, направляющимися в поселение каторжан.

Большинство рекомендаций, сделанных Нейпиром, было принято и претворено в жизнь; среди них имелась одна, предусматривающая «предоставление каждому осужденному площади, равной по крайней мере 500 квадратным футам».

Однако эти рекомендации были осуществлены только после вступления в должность майора Форда. Что касается андаманцев, то с ними продолжали проводить политику «разделяй и властвуй». Форд охарактеризовал создавшееся положение следующим образом: «Мы никогда не сможем, как я полагаю, сделать что-то существенное для приобщения к цивилизации взрослых андаманцев». Форд считал более эффективным приобщить к цивилизации детское население Андаман. Для этой цели он предлагал построить на острове Росс школу для детей андаманцев, а во главе ее поставить армейского воспитателя. После окончания школы выпускников можно было бы отправлять в Бирму или Индию для продолжения образования.

Между Корбином и Фордом возникли разногласия. В результате Корбин получил отставку. Теперь за «домом андаманцев» следил Дж. Н. Хомфрей. Он занимал эту должность почти десять лет. За это время Хомфрей выучил андаманский язык и подружился с местным населением. Аборигены стали даже помогать ловить беглецов и приводили их в поселение.

В 1867 году Форд, как и Хотон, столкнулся с нехваткой серебра и медных жетонов и был вынужден прибегнуть к выпуску подлежащих выкупу символических карточек. В тот же год поселение с целью инспекции посетил майор Х. Нельсон Дэвис, секретарь Главного комиссара Бирмы. Еще в 1864 году административный контроль над Андаманскими и Никобарскими острова-

ми был передан Главному комиссару в Бирме, а до того времени непосредственное руководство островами осуществляло правительство колониальной Индии. Дэвис написал отчет, который был составлен с явным предубеждением против Форда. Особенно критически отнесся Дэвис к системе заработков заключенных, которой Нейпир так гордился. Однако некоторые рекомендации Дэвиса все-таки были приняты, среди них такая, в которой говорилось о необходимости улучшения питания, по крайней мере о предоставлении заключенным более калорийной пищи, а также предложение не направлять в поселение каторжан, достигших сорокапятилетнего возраста.

В марте 1868 года Форда сменил полковник Генри Мэн, тот самый, который первым в 1858 году поднял над поселением британский флаг (в то время он еще был капитаном). Полковник Мэн много лет прослужил губернатором в британских колониях на Малаккском полуострове. Именно в то время, когда он находился на посту губернатора, было принято решение передать британские колонии на Малаккском полуострове в ведение министерства колоний. Как только Мэн поселился в Порт-Блэре, он официально ввел такую же дисциплину, как и в тех британских колониях, где проходил службу. В 1869 году, во время его пребывания у власти, поселение в Порт-Блэре снова передали под административный контроль правительства Индии. В следующем году приняли еще одно решение, согласно которому с юридической точки зрения поселение подчинялось юрисдикции верховного суда Калькутты; это положение продолжало действовать до 1947 года.

ЖИТЕЛИ НИКОБАРСКИХ ОСТРОВОВ

---

16 апреля 1869 года Генри Мэн официально присоединил Никобарские острова к Англии после так называемой «дружеской договоренности» с правительством Дании, которое до этого момента осуществляло символическую власть над ними, хотя датчане фактически покинули острова еще в 1848 году.

До прихода англичан на острова сюда из многих европейских государств прибывали десятки миссионеров для «обращения дикарей». Однако это им сделать не

удалось в основном потому, что, как выразился Генри Мэн, они не располагали достаточными средствами и зачастую даже жизненно необходимыми вещами, а также не знали известных профилактических и элементарных гигиенических средств, о чем свидетельствует случай с моравскими братьями, которые выбрали весьма неудачное место для поселения. Наиболее удачной была деятельность христианского священника индийца Ведапана Соломона из Мадраса и его любимого ученика епископа Джона Ричардсона. Именно они обратили никобарцев в христианство. Сегодня на большинстве Никобарских островов, и в частности на Кар-Никобаре, преобладает христианская вера.

После того как датчане, по выражению Генри Мэна, «бросили острова на произвол судьбы», те лишь числились за ними в течение следующих тридцати лет. Суда, заходившие на острова, подвергались грабежу, а членам экипажей грозила смерть. Двадцать шесть судов были уничтожены никобарцами. Так, в 1866 году, когда бриг «Фатех ислам» подошел к берегам Большого Никобара, 21 человек из его команды были убиты.

Кар-Никобар — наиболее важный из группы Никобарских островов, но, как ни странно, на никобарском языке он не имеет названия. Никобарцы называют его Манам («Место») или Куон манам («Небольшое место», или «Земля»). Жители других Никобарских островов зовут его Пу.

Непохоже, что никобарцы — первоначальные обитатели этих островов. Очевидно, они — иммигранты. Сейчас существует мнение, что никобарцы, видимо, еще до нашей эры приплыли сюда с Малаккского полуострова, на территории которого сегодня живут китайцы, индийцы и малайцы.

В облике никобарцев явно прослеживаются монголоидные черты. У никобарцев до сих пор сохранилось много интересных обычаев и обрядов, в частности *кувада*. В каждой никобарской деревне есть специальная хижина, куда должны отправиться муж с женой за несколько дней до рождения ребенка. Если же дом, где живет будущая мать, находится далеко от этой хижины, то семье надлежит перебраться в *эль-панам* — ритуально чистый дом. Но как только начинаются роды, женщину переводят в специальную хижину, иначе *эль-панам* также станет «нечистым». Муж женщины, ожидающей ребенка, не должен выполнять тяжелой работы, так же

как и его жена. Они оба не носят узкой одежды, не могут завязывать узлов, ибо существует поверье, что дух будущего ребенка будет тоже завязан узлами и роды окажутся трудными.

После рождения ребенка муж остается возле жены, по-прежнему он не должен выполнять тяжелой работы, долго находиться на солнце и даже купаться в море. Делается это ради ребенка, так как считается, что действия отца отражаются на здоровье новорожденного. При рождении первого ребенка этот период длится месяц и к отцу относятся как к больному. За ним, так же как и за его женой, ухаживают родственники и друзья — готовят для них пищу и кормят их.

Как сообщает Гораций Мэн, при рождении следующих детей для мужа этот период сокращается до одного-двух дней. После родов муж и жена больше не живут под одной крышей. Муж ходит под зонтом и старается избегать джунглей, ибо «дьявол находится там, может его увидеть и наслать болезнь на новорожденного». Первое имя ребенок получает от отца сразу же после рождения. Второе имя малышу дает близкий друг семьи.

Никобарцы — большие любители праздников, так что появление в семье ребенка, естественно, отмечается. Кроме этого проводится церемония отпугивания злых духов. После того как ребенок получил первое имя, женщины, громко крича, собираются вокруг сосуда, в который все бросают небольшие куски пищи. Так новорожденному желают долгих лет жизни. Затем пищу, собранную в сосуд, выбрасывают в море. Это, по мнению никобарцев, должно умиротворить злых духов.

Никобарцы соблюдают моногамию. Правда, встречаются и случаи полигамии, но они касаются в основном вождей и богатых островитян. Девушка пользуется полной свободой при выборе мужа, не делается никакого исключения и для девушек, у которых до замужества были возлюбленные. Церемонии бракосочетания, как таковой, не существует, но манера ухаживания довольно интересна. Боден Клосс, описывая этот обычай, сообщает, что обычно юноша ночью разыскивает свою девушку, которая спит вместе с другими. На попытки обнять или приласкать ее она сильно бьет его и царапает, так что часто лицо и грудь молодого человека оказываются в крови. Так продолжается несколько ночей, и если юноша терпелив, то девушка сдастся, и на-

ступает брачная ночь. Так совершается бракосочетание.

Поженившись, супруги обычно сохраняют верность друг другу. По обоюдному согласию брак может быть расторгнут. При этом дети остаются жить с родственниками.

Жилища никобарцев круглой формы, с высокой остроконечной крышей, сооружаются на сваях. Такая конструкция вызвана, очевидно, сильными муссонами, атакующими остров десять месяцев в году. В доме всего одна комната, пол дощатый, перегородки отсутствуют, вход по приставной лестнице через люк в полу.

Несмотря на то что семья живет в одной комнате, в доме удивительно чисто. Пища готовится в отдельной небольшой хижине, расположенной неподалеку от дома. Домашнее имущество обитателей хранится в сундуках в комнате или же на платформах под потолком.

Первое, что производит впечатление на проникшего в дом через отверстие в полу, — это так называемые *кареау* — отпугиватели духов. Их называют еще и дьяволами. Они различной величины, порой в человеческий рост, и часто изображают людей с копьями. В наши дни кареау украшают европейскими шляпами, а в рот вставляют трубку или сигарету. Встречаются также изображения мифических животных, похожих на рыб или крокодилов, птиц и кабанов. Иногда возле дома можно обнаружить фигуру специального отпугивателя духов, который считается «очень-очень плохим дьяволом».

С проникновением на Кар-Никобар христианства здесь осталось не так уж много «дьяволов», но в деревенских домах на островах Катчалл, Нанкаури, Тереса и Тринкат их множество. Никобарцы очень неохотно расстаются с подобными дьяволами.

Никобарцы суеверны и считают, что любая неудача — результат колдовства или деятельности злого духа. Чтобы отворотить беду, необходимо изгнать последнего. Иногда это делается путем «малого изгнания»: врачеватель-*менлуана* путем несложных манипуляций производит изгнание духа. В большинстве же случаев совершается «большое изгнание», для чего устраивается праздник семейного доброго духа. Считается, что это — единственный способ отделаться от злого духа. И здесь тоже не обходится без менлуаны.

На такой церемонии присутствуют все члены семьи и их ближайшие друзья. Мужчины усаживаются поудобнее, курят и пьют, а женщины, собрав **немного** еды, ста-

рые вещи, вышедшее из строя оружие, сломанные предметы утвари, разбивают их, ломают и с громкими криками выкидывают из дома. Жарится жирная свинья. Одну половину ее отдают духам предков, а другую едят присутствующие. Тут-то и появляется женщина. Она в состоянии аффекта после выпитого спиртного. Женщина громко воет, а присутствующие, чьи лица раскрашены красной краской, тела натерты маслом, поют и бросаются из стороны в сторону, словно пытаются поймать *иви* — злого духа, который несет семье беду. Наконец, считается, что иви пойман. Его «помещают» в маленькую разукрашенную лодку, отвозят далеко в море и там оставляют. Все возвращаются в хижину, снова едят, пьют, поют и танцуют. Подобные церемонии сегодня на Кар-Никобаре — редкость, а на Чауре их можно наблюдать часто.

Никобарцы придерживаются анимистических верований. Под влиянием христианских миссионеров у них появились некоторые представления о Всевышнем. Епископ Джон Ричардсон писал, что у никобарцев нет религии, они верят только в злых духов и причиняемое ими зло. По их мнению, все болезни и несчастья, с которыми они сталкиваются в этом мире, вызваны злыми духами. Поэтому, если случается беда или болезнь, злых духов нужно постоянно улаживать кусочками курицы, свинины и т. д.

Никобарцы обожают пиршества, которые, очевидно, являются предшественниками современных так называемых «голландских» вечеринок, когда их участники устраивают складчину: каждый приносит что-нибудь с собой к столу. Ричард Темпл писал, что за неделю до подобного пира хозяин посылал своих друзей или младших членов семьи, украшенных ожерельями из цветов, к тем, кого желал пригласить к себе в дом. Приглашаемый угощал посыльных бетелем, самодельными сигарами и забродившим пальмовым соком — *тодди*, а если была возможность, то и жареным поросенком. Затем он получал приглашение, при этом приглашающий просил, чтобы гость принес с собой что-нибудь из еды. Если гость мог это сделать, он принимал приглашение, если нет, то отклонял его. Накануне праздника вечером к гостям с напоминанием направлялся еще один посыльный.

В назначенное время, обычно вечером, собирались гости и приносили с собой корзины с провизией. В них

были жареная или вареная свинина, парзанная толстыми кусками, ямс различных видов, печеная папайя, *ку-вен*, или пудинг из плодов хлебного дерева. Все продукты нанизывались на веревки, каждый гость получал такую связку. Приглашаемые также приносили один или два бамбука, наполненные тодди, листья бетеля, аккуратно сложенные и привязанные к тонким бамбуковым палочкам, китайский табак, свернутые сухие листья которого вставляются в бамбуковые мундштуки. Продуктов, принесенных одним гостем, могло хватить на десять-пятнадцать человек. По такому случаю хозяин забивал одну или двух свиней. Сначала гостей угощали тодди (его подавали в небольших бамбуковых сосудах или в скорлупе кокосовых орехов), а затем всевозможными блюдами на плетеных тростниковых тарелках. Вожди и старики обычно сидели в середине комнаты. Во время застолья много курили и жевали бетель. Затем старики запевали веселые песни, к ним присоединяла свои голоса и молодежь. Таким образом, подобный пир обходился хозяину недорого, но тот, в свою очередь, должен быть готов оказать такую же помощь своим друзьям, если его пригласят в гости.

Главным богатством и в то же время источником питания никобарцев является кокосовая пальма. Она служит для множества целей. Листьями пальмы кроют крыши жилищ, из них также делают факелы и паруса. Из мякоти кокосового ореха выжимают масло, а после того как съедена сердцевина и выпито кокосовое молоко (никобарцы редко пьют воду), скорлупа его используется в качестве посуды. Считается, что кокосовые пальмы отпугивают злых духов. Когда кто-нибудь умирает, рубят несколько деревьев. Тело умершего обмывают кокосовым молоком, а в могилу кладут несколько орехов. Листья кокосовой пальмы также раскладывают вокруг хижин, чтобы отпугивать злых духов.

Половинки зрелого кокосового ореха устанавливают вплотную друг к другу, а затем одну из них поджигают. Когда она сгорает, от нее зажигают следующую и так далее. Подобными «светильниками» пользуются не только в домах, но и на улице. На освещение идет также и кокосовое масло. Его добавляют даже в корм свиньям. До недавнего времени кокосовые орехи являлись своеобразными денежными знаками, товарным эквивалентом. Известно, что когда британское правительство решило приобрести восемь с половиной акров земли под

постройку здания, то за землю пришлось заплатить десять тысяч кокосовых орехов.

Для приготовления пищи никобарцы широко используют плоды пандануса (род растений семейства пандановых). Его плоды иногда длиной в один фут, имеют около 30 дюймов в окружности и порой весят до 50 фунтов. Плод пандануса состоит из грозди волокнистых плодов, напоминающих персик или сливу, верхушки которых при сборе срезают. Гроздь отделяют от основного стержня, складывают в горшок на бамбуковую сетку, под которую наливают немного воды. Плоды закрывают листьями и томят на огне несколько часов. Полученную кашеобразную массу соскребают с сетки раковиной на доску. Длинные волокна, содержащиеся в этой каше, удаляются путем протягивания через нее натянутой двумя руками нитки, которая и собирает волокна. В результате получается чистая крутая каша желтоватого цвета. Всю ночь, пока не кончатся гроздь пандануса, готовят эту кашу. Утром ее съедают. Остатки заворачивают в листья и откладывают про запас. Плодами пандануса также откармливают свиней.

Никобарцы едят и рыбу. Они ее ловят сетками-ловушками, в которых находится приманка. Как только они замечают, что рыба готова наброситься на приманку, сетку быстро поднимают из воды. Они также охотятся на рыбу с копьем, часто ночью при свете факела из кокосовых листьев.

Они любят лакомиться свининой, но это не повседневная пища, ее приберегают, так же как и домашнюю птицу, для торжественных случаев. Никобарцы занимаются также выращиванием различных фруктов, большинство которых, очевидно, было когда-то завезено сюда с материка. Островитяне постоянно жуют листья бетеля и много курят. Как известно, их любимый напиток — тодди. На Чауре также едят мясо собак.

Никобарцы — искусные строители каноэ. Эти лодки легки и быстры. Выдалбливают их из цельного куска дерева. У каноэ обязательно есть балансир, за исключением тех, которые предназначены для гонок. Такие каноэ специально украшают. Кстати, никобарцы никогда не устраивают гонок ради первенства, а просто из любви к этому виду спорта. Они увлекаются и другими видами спорта, например борьбой.

Жители Никобарских островов предпочитают патриархальный уклад и в основном живут большими нераз-

деленными семьями. Имущество здесь переходит по наследству от отца к сыну, включая хижины, пальмовые деревья, огороды и, конечно, свиней. Размеры имущества определяются количеством принадлежащих никобарцу кокосовых деревьев и свиней. Они так заботятся о кабанах, что иногда можно увидеть женщин, кормящих грудью поросят.

Похоронная церемония у никобарцев довольно сложная. Сначала о смерти извещают всех родных и знакомых покойного. К телу умершего собираются все родственники, а те, кто не сумел прийти вовремя, может появиться в деревне лишь на первый поминальный пир, устраиваемый родственниками умершего через несколько дней после похорон. Прибывшие на похороны обычно приносят подарки, чтобы как-то задобрить злого духа, родственники же должны обязательно делать подарки.

Покойнику закрывают глаза, чтобы дух ничего не мог видеть, а тело омывают горячей водой, иногда до пяти раз, в зависимости от того, сколько времени останется до похорон. Темпл перечислил восемь обязательных процедур, которые необходимо совершить до погребения: во-первых, необходимо убрать из дома всю пищу, так как здесь разрешается есть только после того, как закончится церемония очищения жилища (до этого можно лишь пить горячую воду и курить табак); во-вторых, сжечь вещи покойного — своеобразное приношение духам и пепел положить на его могилу; в-третьих, в головах покойного оставить немного еды для духов («остатки» пищи, после того как покойника унесут, отдаются собакам и свиньям); в-четвертых, изготовить похоронные носилки из сломанного каноэ, принадлежащего покойному или кому-либо из его родственников; в-пятых, приготовить могилу глубиной пять футов и установить в ней по два угловых шеста в головах и ногах; в-шестых, развести огонь из щепок, оставшихся от похоронных носилок, и кокосовых поленьев, чтобы «остановить» духов на земле перед входом в дом; в-седьмых, установить вокруг могилы священные предметы, уложенные в сломанные корзины, принадлежавшие покойному; в-восьмых, разбросать по кустам свиные клыки, кареау и рисунки с их изображением.

Для того чтобы еще больше умиротворить духов, покойного хоронят в лучшей одежде и украшениях, которые ему или ей принадлежали при жизни.

Похороны проводятся в такое время дня, чтобы тени присутствующих при погребении не падали на могилу, ибо в них прячутся духи. Поэтому погребение обычно производится после захода солнца, на рассвете или в полночь.

Тело покойника кладут посередине хижины поперек входа и быстро с ним прощаются, затем выносят по лестнице головой вперед. Некоторые прощающиеся делают вид, что хотят сойти в могилу вместе с усопшим. Жрец (женщина) заклинает злого духа оставаться в могиле до окончания поминок и не пугать живых. Покойника опускают в могилу и привязывают особым способом, чтобы *монгванга* (дух, похищающий мертвых) не смог его украсть. Духов «отгоняют» факелами от могилы, которую быстро засыпают землей. После похорон семья покойного возвращается в хижину. Через сутки хижину очищают — ее тщательно метут, а затем моют пол. Присутствовавшие на похоронах совершают очистительное омовение, затем жрец обмахивает их факелом, «прогоняя» злых духов.

После похорон все члены семьи стараются как-то изменить свою внешность — они бреют головы и брови, получают новые имена, чтобы любым способом обмануть злого духа. Затем вместе с присутствовавшими на похоронах они садятся к столу за молчаливую трапезу. При этом каждый объявляет какой-нибудь продукт для себя запретным, сначала до первых поминок, называемых *энтойн*, и назначаемых через три-семь дней после похорон, а потом и до вторых — *ланеатла*, происходящих через два-три года. Остатки еды оставляют на могиле.

Когда устраивается *ланеатла*, скелет выкапывают, тщательно очищают и снова захоранивают, иногда в общинной пещере-склепе, если таковая имеется. Эти действия также сопровождаются специальной церемонией, стоящей весьма дорого. Фактически этот ритуал самый важный. Называется он *ка-ал-авн* — «праздник свиного мяса».

Примерно за десять месяцев или за год до праздника все жители деревни собираются, чтобы назначить его дату. О ней оповещают жителей других деревень и просят оказать посильную помощь в его организации и, конечно, получают согласие. Затем основной обязанностью всех жителей деревни становится приготовление *но-копах* — «пищи для кладбища». Для этого сначала

изготавливают резные столбы высотой 50—60 футов. Их устанавливают либо на деревенской площади, либо перед домом того, кто хочет помянуть покойного особо. К столбам прибивают перекладыны, к которым привязывают ямс, листья бетеля, кокосовые и арековые орехи, плоды пандануса, самодельные сигары и другие предметы. У подножия столбов ставят ящики с новой одеждой и украшениями, бутылками с тодди и глиняные горшки с Чауры. Столбы также украшают флагами. Когда наступает день но-копах, свиней убивать не разрешается. Вся деревня прихорашивается — ремонтируются хижины, особенно кухни, подметаются площадки возле домов и кладбище. В большом количестве собирают продукты.

За неделю до праздника готовят специальные памятники. Их делают из ровных круглых поленьев длиной 3 фута 9 дюймов в диаметре с двумя отверстиями наверху, в которых помещают любые предметы, начиная с супового половника и кончая железным крестообразным наконечником для копий. К ним привязывают всевозможные игрушки и диковинки, чтобы придать церемонии праздничный вид. Мужчины сооружают три временные бамбуковые клетки, каждая примерно на дюжину кабанов. Одну клетку помещают возле хижины, а другие поблизости. Украшают также и каноэ. Их наполняют продуктами и подтаскивают к самому дому.

Первая, предварительная, церемония — *вани-патти*. Ее устраивают за день до праздника. Снаружи и внутри дом украшают листьями кокосовых пальм, цветами и флагами, декорируют и бамбуковые клетки для свиней. Церемония начинается с заклания кабана. Он предназначен духам в качестве жертвоприношения, повсюду разбрызгивают его кровь. Возле дома танцуют и поют. Вечером жители устраивают своеобразные шествия: распевая песни, тащат за собой кабанов. Они держат их в клетках для показа и для другого праздника, а для еды предназначаются те, которых принесли, и те, которые вне клеток. Перед закланием люди вокруг них танцуют.

Вторая церемония праздника, не менее важная, чем первая, — *кириам хетпат* — «танцы при ярком свете». Мужчины надевают новые яркие набедренные повязки и ожерелья из серебряных монет. Женщины украшают себя такими же ожерельями. При этом на руки и ноги они надевают браслеты, а на голову — повязку из се-

ребриных монет. Их одежда состоит из двух полотен материи, красного и синего, сшитых вместе.

Почетные гости приводят с собой 10—12 кабанов и дарят их хозяевам. Потом все поют и танцуют. Сначала мужчины, а когда они устают, их сменяют женщины, и так поочередно всю ночь.

С наступлением утра веселье не смолкает. Тут на деревенскую площадь выносят клетки с платформами наверху. На последней восседают мужчина, женщина и мальчик, а в клетках — большие клыкастые кабапы. Люди на платформе держат в руках бананы, орехи и бетель. Всем гостям раздают новые красные набедренные повязки. Затем платформы, как паланкины, с кабанами в клетках торжественно несут от дома к дому. При этом все поют и танцуют. После этого кабанов, находящихся в клетках, и тех, которых водили за собой, отпускают, за исключением нескольких, предназначенных на жаркое. Столбы с но-копах срубают и привязанную к ним пищу раскидывают в джунглях. Каноз и другие предметы ломают и также разбрасывают.

После этого хозяева отдают несколько кабанов гостям, те убивают необходимое им количество и делят между собой мясо. То, что остается от трапезы, а также незабитых кабанов они забирают с собой и держат до следующего праздника.

Веселье продолжается до тех пор, пока не наступает его кульминационный момент — церемония вскрытия могилы. Женщины, дети, друзья умершего и гости остаются у входа на кладбище, а члены семей поминаемых идут к могилам родственников и вскрывают их: вынимают кости и бросают их либо в пещеру-склеп, либо в густые кусты, также в данном случае выполняющие роль хранилища. Черепа уважаемых людей или глав семейств возвращаются в могилы после кропления их кровью домашней птицы и поросят.

Затем могилы вновь закапывают и ставят на них новые памятники, а те, кто вскрывал могилы, отправляются купаться в море. До наступления темноты едят и танцуют, а ночуют в специальном ритуально «нечистом» доме. Дня через три-четыре проводится еще одна церемония — из домов убирают кокосовые листья, но перед этим снова все поют и танцуют. Приглашенные из других деревень устраивают отдельные выступления, за это их угощают и преподносят им подарки. Челюсти съеденных кабанов собирают, привязывают к длинной

палке и выставляют на деревенской площади, чтобы все могли оценить богатство и размах церемонии.

Для никобарцев Чаура — второй по значению после Кар-Никобара остров. Но примечателен он не своими размерами или числом населения (его площадь равняется всего 3 квадратным милям, а население к приходу на Чауру англичан не превышало 700 человек). Остров по форме напоминает широкополую испанскую шляпу, поэтому португальские мореплаватели называли его островом Сомбреро. На юге Чаура поднимается из моря почти на 350 футов.

Согласно легенде жителей Кар-Никобара, кроме их острова, ничего вокруг не существовало. Как-то раз они с удивлением заметили далеко в море два больших каное под парусами. Издалека они показались им большими птицами с белыми крыльями. Никобарцы подумали, что все это им снится. Они не могли себе даже представить, что где-то помимо них существует другой мир.

Однажды они построили маленькое каное, наполнили его ямсом и пустили в море. Прошло несколько месяцев, и каное приплыло назад. Вместо ямса в нем лежали маленькие горшочки. Никто не знал, что с ними делать. Кто-то догадался наполнить горшочек водой, и он не протек, поставили его на огонь, и вскоре вода закипела. Никобарцы положили в воду немного ямса, а когда он сварился, они попробовали его, и это блюдо всем очень понравилось. Никобарцы терялись в догадках: откуда взялись эти горшочки? Снова они спустили на воду маленькое каное, но на этот раз решили сами следовать за ним на большой лодке. Они плыли весь день и всю ночь и наконец увидели остров. Никобарцы приблизились к нему. Навстречу им вышло большое каное с людьми. Так никобарцы впервые познакомились с островом Чаура и ее большими каное, вмещавшими 20 человек. Тут они также увидели и большие горшки.

С тех пор жители двух островов подружились, но еще до недавнего времени все горшки на Кар-Никобар доставлялись с Чауры. Существовало поверье, что если съесть пищу из горшка, изготовленного не на Чауре, то за этим последует несчастье или даже смерть. Плутующие жители Чауры всячески поддерживали этот слух и заверяли каждого, кто пытался сделать горшок, будто его ожидает смерть. Поэтому, несмотря на то что на Чауре глины нет, она до недавнего времени держала

монополию на торговлю глиняными горшками. Их изготовляют только женщины, ни один мужчина этим делом не занимается.

Когда жители Чауры делают новое каноэ, они должны соблюдать некоторые запреты: не есть летучих мышей, так как их крылья могут ослепить человека, не колоть дрова, так как каноэ может расколоться.

Хотя на производство каноэ жители Чауры держали монополию, однако на их острове годных для этого деревьев не росло. Их привозили сюда с других островов. Часто жители Чауры выступали как посредники или комиссионеры: покупали большие каноэ на других островах и продавали их карникобарцам по более высокой цене.

На Чауре много колдунов. К ним обычно возят никобарских мальчиков, которые должны пройти там специальный обряд инициации, после чего они становятся взрослыми мужчинами. Перед поездкой тело мальчика кропили кровью цыпленка, такая же процедура повторялась по прибытии на Чауру. Возвращение домой торжественно отмечалось — устраивался праздник с гонками на каноэ. К телу мальчика на какое-то время привязывали куски свинины, на голове разбивали яйца, руки и ноги обматывали серебряной проволокой, а на шею вешали ожерелье из семян пандануса.

Хотя большинство обычаев подобного рода на Кар-Никобаре ушло в прошлое, Чаура все еще славится своими колдунами. Однажды Чауру посетил Виджай Шанкар Сахей — антрополог из университета в Ранчи. Он присутствовал на одном ритуале, который совершал колдун, или, как его называют здесь, *камассунс*. Главный колдун, по мнению Сахея, обладает наибольшей сверхъестественной силой. Он произносит *кумпанг* — специальный ритуал, который «прибавляет» колдунам чудодейственных сил. На Чауре колдуны довольно влиятельны; они лечат больных; производят магические действия, способствующие сохранению жизни и здоровья островитян; изгоняют из селений злых духов; занимаются предсказанием будущего и дают советы, как избежать несчастья.

Сахей писал, что во время церемонии одежда на колдуне в высшей степени оригинальна: красное одеяние, черная шляпа с белой лентой, ожерелье и браслеты из шариков и старинных монет, на шее — гирлянда из банановых листьев и серебряная лента, на ногах —

браслеты, а на талии — серебряные цепочки. Тело и лицо колдуна натерты кокосовым маслом и куркумой. Иногда в руках у него шпага, вероятно в прошлом принадлежавшая какому-то неизвестному путешественнику.

Прежде чем отправиться к больному, колдун чернит лицо и кропит тело кровью кабана или курицы. Он укладывает больного под дом, затем собирает немного крови кабана или курицы в кокосовую скорлупу и смешивает с сухими измельченными листьями. После осмотра колдун берет немного кокосового масла с куркумой и мазет им грудь, спину и плечи больного. Затем, пробормотав несколько слов, он убивает курицу и кропит ее кровью тело пациента, себя и окружающих. После этого больного кропят кровью, смешанной с листьями. Тут знахарь давит рукой на живот больного и бормочет какие-то слова, похожие на *ооф...ооф... ооф!* Больной кричит, так как ему больно. Все это продолжается приблизительно минуты три, после чего пациента доставляют на берег моря для омовения.

У колдуна всегда при себе набор ритуальных предметов. Они разные в зависимости от того, в какой ситуации он их использует (при лечении беременных женщин, во время приема родов, при похоронных церемониях, при разбивке сада, при строительстве дома, а также при изгнании злых духов и так далее). Но одежда колдуна всегда остается одинаковой, неизменен и набор лекарственных средств; кокосовое масло, куркума, кровь курицы или кабана, а также листья специального растения.

Похоронный ритуал на Чауре несколько отличается от подобной церемонии на Кар-Никобаре. На Чауре мертвеца, завернутого в материю и покрытого листьями, кладут в каноэ (здесь оно играет роль похоронных дрог) и оставляют его на кладбище приблизительно на высоте 6 футов от земли на четырех подставках. Кладбище обычно находится в небольшой роще неподалеку от деревни.

Покойника, завернутого в ткань, оставляют в комнате и накрывают покрывалом. В это время готовят гроб длиной приблизительно 7 футов и шириной 4 фута. К нему крепят шесть длинных тонких тростниковых веревок (по три веревки с каждой стороны). Длина каждой веревки — около 60 ярдов. Когда все готово, гроб устанавливают на наклонном помосте и в него кладут тело. Две женщины ложатся на помост и обни-

мают покойного. Затем гроб выносят на эль-панам и устанавливают на земле. Общественную площадь заполняют тысячи людей, старых и молодых, включая гостей, прибывших из других деревень. Приблизительно около ста мужчин из северных деревень и столько же из южных, ухватившись за длинные веревки с каждой стороны, поднимают и опускают тело, словно соревнуясь между собой. Несколько раз веревки рвутся. Роют могилу. Наконец она готова. Часов в шесть вечера тело погребают.

Среди жителей Кар-Никобара распространен еще один обычай. В тот момент, когда мертвеца опускают в могилу, происходит символическая драка между сторонниками захоронения и теми, кто настаивает на кремации. Случается, что некоторые получают ранения, иногда даже смертельные. Тогда погибших бросают в могилу вместе с животными, которые принадлежали покойному при жизни.

Самый крупный остров в группе Никобарских островов — Большой Никобар. Однако население его до последнего времени было весьма незначительным. (Сейчас здесь в основном селятся бывшие военнослужащие.) На побережье жили главным образом никобарцы, а в центре острова — шомпены, аборигены Большого Никобара. Шомпены обитают в джунглях, в глубине острова, и до сих пор весьма пугливы. В прошлом они ненавидели пришельцев, считая, что остров принадлежит исключительно им, а никобарцев, коль скоро они прибыли сюда позже, называли иноземцами. Вот почему иногда на «иноземцев» нападали.

Мы не располагаем вполне достоверными сведениями о происхождении шомпенов. Антропологически они сильно отличаются от остального населения Никобар²⁵. Шомпены живут в маленьких хижинах. Как правило, они построены на сваях, ведь там редкий день не идет дождь. Боковые стены в них отсутствуют, а крыши изготавливаются из тростника. В старину мужчины ходили почти голыми. В настоящее время они носят набедренную повязку, а женщины — юбки. Пища шомпенов, так же как и никобарцев, состоит из кокосовых орехов, бананов, различного рода клубней и растений семейства панданусовых. На острове также в изобилии водятся кабаны, поэтому шомпены любят на них охотиться.

²⁵ У шомпенов ярче выражены австралоидные черты и в минимальной степени монголоидные.

Кроме Кар-Никобара, Чауры и Большого Никобара другими важными островами среди Никобарских островов, которые в достаточной степени заселены, являются Катчалл, Тересса, Тринкат, Каморта и Нанкаури.

ПОСЕЛЕНИЕ КАТОРЖАН НА НИКОБАРСКИХ ОСТРОВАХ

Английское правительство решило основать поселение каторжан на каком-нибудь из Никобарских островов. В июне 1869 года доставкой на Каморту 262 заключенных было положено начало поступлению сюда каторжан. На Каморте свирепствовала опасная форма малярии, и это, вероятно, послужило причиной того, что спустя 19 лет поселение прекратило существование.

Среднее количество заключенных в поселении составляло от 172 до 308 человек, но число полицейских никогда не превышало 30 человек. Там находилось небольшое армейское подразделение, включавшее 60—65 мадрасских сипаев. В дополнение к этому на острове проживало несколько правительственных чиновников, коммерсантов, занимавшихся торговлей кокосовыми орехами. Позднее здесь появились дети освобожденных заключенных. Однако в целом население никогда не превышало 400 человек.

Пять лет на якоре в гавани простояло пассажирское судно «Бленхайм» из Восточной Индии. На нем жили должностные лица до тех пор, пока для них специально не были построены дома. В официальную иерархию входили помощник старшего полицейского офицера, обычно относящегося к администрации в Порт-Блэре, офицер, командовавший мадрасскими сипаями, и военный врач.

Единственным интересным событием за те недолгие годы, пока на Каморте находилось поселение каторжан, был приезд в 1875 году сюда большого числа европейских астрономов для наблюдения за полным солнечным затмением, которое ожидалось 6 апреля. К сожалению, из-за облачной погоды они так и не смогли ничего увидеть.

В поселении вспыхнула эпидемия малярии, поэтому правительство Индии решило его закрыть. Последняя

партия поселенцев покинула Каморту 21 декабря 1888 года. Нескольким продавцам кокосовых орехов разрешили остаться. Единственным представителем правительства Индии стал переводчик, владеющий китайским языком. Он должен был регистрировать прибытие и отбытие судов, выдавать разрешение на торговлю и, конечно, поднимать каждое утро британский флаг.

В 1884 году китайцами была предпринята попытка колонизировать Никобарские острова. Пятнадцать китайцев прибыли сюда из британской колонии на Малаккском полуострове. Однако их действия не имели успеха, и вскоре китайцам пришлось вернуться назад.

После того как поселение на Каморте прекратило свое существование, Никобарские острова были на какое-то время забыты. Они продолжали находиться под британским суверенитетом, однако на Кар-Никобаре, наиболее важном острове, оставался лишь один представитель властей, зарплата которого составляла всего 60 шиллингов в месяц! В своем подчинении он имел одного работника, который получал 8 шиллингов в месяц. Позднее сюда прибыли еще 4 полицейских, которые сменили этого работника.

Много лет спустя название «Нанкаури» появилось в заголовках газет. Произошло это в ходе первой мировой войны, когда представителем от правительства здесь была женщина, известная под именем Рани. Благодаря ее находчивости немецкое судно «Эмден» вынуждено было покинуть гавань. В ее распоряжении не было ни одного солдата и даже ни одного ружья, но, когда эта храбрая женщина увидела вражеское военное судно, она, вместо того чтобы испугаться и бежать, подняла государственный флаг Англии. Капитан Мюллер, командир «Эмдена», завидев флаг, решил, что в джунглях спрятана артиллерийская батарея, и отплыл. За верную службу британской короне Рани была награждена британским правительством.

НИКОБАРСКАЯ ЛЕГЕНДА

У никобарцев есть много интересных народных преданий. Вот одно из них.

Жил-был когда-то человек по имени Аранг. Жена подарила ему трех сыновей и трех дочерей. Построил

себе Аранг добротный дом, в котором было много всякого добра. Однажды вместе с сыном отправился Аранг в море ловить рыбу. Неожиданно поднялся сильный ветер и начался шторм. Один из противовесов каноэ сломался, и Аранг с сыном оказались в воде. Отец утонул, а сыну удалось вскарабкаться на перевернутое каноэ и удержаться на нем.

— Боже, что делать? — в отчаянии кричал он. — Отец утонул, что мне делать?!

Вдруг послышался сильный всплеск воды и на поверхности моря показался кит.

— Почему ты плачешь? — поинтересовался кит.

— Утонул мой отец, а мне одному до дома не добраться. Я погибаю! Что делать?

— Садись ко мне на спину, я помогу тебе, — сказал кит.

— Что ты! Я боюсь! — взмолился парень.

Тем не менее с великим трудом он перебрался с перевернутого каноэ на спину кита, и они быстро поплыли. Кит был начальником моря. Все его здесь боялись. Летучие рыбы в испуге разлетались в разные стороны, черепахи кидались от него в глубину, акулы сворачивали в сторону, морская змея глубже закапывалась на дне в песок, дюгонь в страхе крепче прижимал к себе своего детеныша, дельфины мгновенно исчезали с его пути.

Наконец кит приплыл к большому каменному дому с куполообразной крышей. Стены дома были сделаны из красного коралла, а ступени — из тридакны²⁶. В доме кита жила его дочь, и звали ее Гири.

— Тебе нравится этот юноша? — спросил кит.

— Да. Пусть остается, — ответила Гири.

Так Шоан стал слугой дочери кита. У Гири тело было человеческое, но вместо ног — хвост. Груды у нее были цвета жемчуга, спина отливала золотом, глаза похожи на звезды, а волосы — на водоросли.

— Что ты умеешь делать? — поинтересовалась Гири.

— Я умею собирать кокосовые орехи в джунглях, — ответил юноша.

— У меня нет кокосовых пальм. Что еще ты умеешь?

— Строить лодки.

---

²⁶ Тридакна (*Tridacna*) — род крупных двустворчатых моллюсков. Обитает в прибрежной зоне тропических морей.

— Они мне не нужны. А еще что?

— Могу бить рыбу острогой.

— Никогда, пожалуйста, этого не делай. Мы рыб любим, ведь мой отец их начальник. Ну хорошо, тогда будешь расчесывать мне волосы.

Шоан так и делал. Много времени проводили они вместе, часто смеялись и шутили и вскоре поженились. Однажды Шоан спросил Гири:

— Как же так получилось, жена моя, что у тебя нет зеркала?

— Ты прав, зеркала у меня нет. Тогда достань мне его.

— В деревне у меня есть зеркало, но я не знаю туда дороги.

— Не беспокойся, я тебе покажу дорогу. Садись мне на спину, и я привезу тебя к твоему дому. Но ты же знаешь, что я не могу ходить по земле, и поэтому прошу тебя, поскорее возвращайся.

— Конечно, моя дорогая. Остановись у края кораллового рифа и отдохни на том большом камне, а я скоро вернусь.— Шоан отправился в свою деревню, подошел к родительскому дому и постучал в дверь.

— Кто там? — спросила мать.

— Это я, Шоан, — ответил он.

— Неправда. Шоан вместе с отцом утонул в море.

— Ну посмотри же на меня! Это я, Шоан, твой сын, — настаивал молодой человек.

Тем временем возле дома собрались все жители деревни. Они никак не могли поверить в его возвращение и задавали Шоану много вопросов. Тот рассказал им про то, как кит спас его, и о своей женитьбе на Гири. В ответ жители деревни только недоверчиво смеялись. Обиделся Шоан, рассердился. Схватив зеркало, он кинулся назад к морю. Но люди деревни не дали ему уйти — они догнали и закололи его копьями. Так погиб Шоан.

Гири же так и осталась у коралловых рифов. Там без конца поет она свою песню и зовет Шоана. По ночам, когда луна поднимается высоко, рыбаки часто слышат странные звуки, похожие на пение и плач женщины. Они не могут понять, откуда эти звуки, ведь они ничего не знают о Гири, а несчастная женщина не может вернуться домой одна, вот и поет и зовет в ночи:

— Вернись, Шоан! Вернись!

Капитан Генри Мэн, инженер по профессии, в 1858 году в Моулмейне занимал должность главного инженера. Он также распоряжался тамошними заключенными. Когда в Порт-Блэре организовали поселение каторжан, он был назначен его первым начальником, но исполнял эту должность очень недолго. Лет через десять, в марте 1868 года, уже в чине полковника, он снова стал начальником поселения в Порт-Блэре. Позднее Мэн дослужился до звания фельдмаршала.

Мэн считался приверженцем идеи Стэмфорда Раффлза²⁷ о том, что каторжан нужно отучать «от их плохих привычек». Поэтому он ввел ту же систему наказаний, что и в поселениях британской колонии на Малаккском полуострове. Правда, эта система неоднократно менялась, тем не менее она сохранилась в основном до 1945 года, когда каторжные работы были полностью отменены. Генри Мэн оставил свою должность в марте 1871 года, на его место заступил 15 июля 1872 года генерал-майор Дональд М. Стюарт, который начал службу в качестве младшего лейтенанта в бенгальской армии и находился на ней во время восстания сипаев. Позднее, в период афганской войны, он командовал армией в Кандагаре и закончил свою карьеру верховным главнокомандующим в Индии в чине фельдмаршала. Именно в бытность его начальником поселения эта должность стала называться «Главный комиссар», хотя по каким-то непонятным причинам в официальной переписке она так не обозначается.

Лорд Мэйо, тогдашний вице-король и генерал-губернатор Индии, проявлял большой интерес к поселениям каторжан и поэтому решил посетить Андаманские острова. Там 8 февраля 1872 года его убил заключенный по имени Шер Али Хан.

Величайшим желанием лорда Мэйо было построить госпиталь для заключенных, страдающих туберкулезом. Кто-то ему сказал, что самым подходящим для этого местом является холм Харриет-Хилл. Когда он прибыл в Хоуптаун, было еще достаточно светло, по-

²⁷ Сэр Томас Стэмфорд Раффлз (1781—1826) — основатель Сингапура, английский губернатор Явы (1811—1816) и Суматры (1818—1823).

этому он решил воспользоваться этим и подняться на Харриет-Хилл.

Поднявшись на вершину холма, он воскликнул:

— Как красиво! Я никогда еще не видел ничего подобного!

Мэйо пришел в восторг от всего увиденного и заявил, что, по его мнению, тут «можно поселить миллион человек». Сумерки сгущались, и лорд Мэйо в окружении сопровождавших его лиц спустился с горы. Едва они достигли пристани, расположенной у подножия холма Харриет, как на вице-короля неожиданно набросился Шер Али Хан. В своей книге о лорде Мэйо, входящей в серию «Правители Индии», У. У. Хантер так описал происшедшее:

«Склянки только что пробили семь часов вечера. Катер легко покачивался на волнах возле трапа. На краю пирса весело болтала группа матросов. Резко стемнело, и черная полоса джунглей, казалось, доходила до самой кромки воды. Сопровождавшая вице-короля свита прошествовала мимо больших каменных глыб слева от пирса и двинулась по причалу. Впереди шли два человека, в руках они держали факелы. Вице-король на мгновение задержался перед тем, как спуститься по ступенькам трапа в катер. В следующий момент те, кто был сзади, услышали звук, похожий на „шум убежавшего животного“ где-то около камней. Кто-то при свете факелов разглядел поднимающуюся и опустившуюся руку с ножом. Личный секретарь, шедший впереди, обернувшись на шум, увидел человека, вцепившегося, как тигр, в спину вице-короля. Через секунду на убийцу навалилась дюжина людей, офицер-англичанин пытался растащить их, одновременно эфесом сабли отталкивая охрану, которая убила бы напавшего на месте. В суматохе погасли факелы. Вице-король, упавший с причала, стоял по колено в воде. Обеими руками он отбросил с лица мокрые волосы, словно приходя в себя. Его личный секретарь оказался возле него и стал помогать вице-королю выйти на берег.

— Берни, — спокойным голосом сказал вице-король, — кажется, они ранили меня.

Затем, уже громче, так, что было слышно на причале, заметил:

— Все в порядке, наверное, они не очень сильно меня задели.

Через минуту вице-король сидел на грубой тележке,

освещенный зажженными факелами. Его осмотрели и увидели большую глубокую рану на спине. Обильно текшую кровь пытались остановить, прижимая к ране носовые платки. Секунду или две вице-король сидел выпрямившись, а затем тяжело повалился навзничь.

— Поднимите мне голову, — слабым голосом попросил он.

Это были его последние слова».

Как сообщает С. Юсуф Хуссейн, автор книги «Письменные зарисовки Андаманских и Никобарских островов», убийца Шер Али Хан, хорошо сложенный и сильный горец с северо-западной границы, был осужден за убийство. На Андаманах рассказывали, как однажды, скованный по ногам, Шер Али Хан вывернул фонарный столб. Говорили, что будто бы он напал на английского часового, проявив при этом недюжинную силу. Юсуф Хуссейн сообщал, что Шер Али Хану удалось заслужить репутацию молчаливого и послушного заключенного. Впоследствии ему было разрешено как парикмахеру свободное передвижение.

Суд под председательством Главного комиссара приговорил Шер Али Хана к смертной казни через повешение. Верховный суд Бенгалии этот приговор утвердил.

В день казни в Вайпере, поднимаясь на эшафот, Шер Али Хан повернулся к присутствовавшим заключенным и громко сказал:

— Братья, я убил вашего врага, и вы — свидетели, что я умираю мусульманином.

Считают, что в данном случае это было обычное преступление, но ведь его совершил человек, принадлежавший к мусульманской секте ваххабитов²⁸. Он убил вице-короля под воздействием идей ваххабитов. Главной задачей секты было создать в Индии исламский штат и безжалостно уничтожить каждого, кто мешал

---

²⁸ Ваххабиты — приверженцы религиозно-политического течения в исламе, возникшего в Аравии, основатель — Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703—1787). Ратуя за «чистоту» ислама, ваххабиты проповедовали простоту нравов, боролись за объединение Аравии. Ваххабизм — официальная идеология Саудовской Аравии. В Индию ваххабизм проник в начале XIX в. и стал знаменем борьбы за независимость. Центром секты стал г. Ситана к северу от Пешавара (в современном Пакистане), но подпольная организация ваххабитов существовала повсюду, где жили мусульмане. Центр ваххабитов был разгромлен в 1863 г., однако отдельные представители секты продолжали борьбу.

этому. Основным препятствием к достижению цели оставались англичане, вот почему ваххабиты хотели прежде всего расправиться с вице-королем.

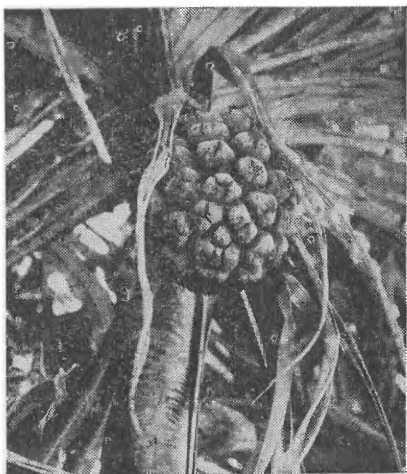
Так как вице-король проявлял особый интерес к торговому поселению в Порт-Блэре, на Андаманские острова был направлен для составления отчета о действующей там системе наказаний Дж. Скарлет Кэмпбелл, тогдашний министр внутренних дел индийского правительства. Кэмпбелл должен был работать в тесном контакте с генерал-майором Стюартом, Главным комиссаром. Поселение также было передано под юрисдикцию департамента внутренних дел, а не политического департамента правительства Индии, в распоряжении которого оно до этого находилось.

Кэмпбелл рекомендовал разделить заключенных на четыре категории, и каждой предписывалось жить на основании соответствующих инструкций.

Так на Андаман-
нах с помощью
лука и стрел
ловят рыбу

Плоды пандануса

Венками из ярких
цветов украшают
себя женщины-
шомпены на Боль-
шом Никобаре

Юная никобарка

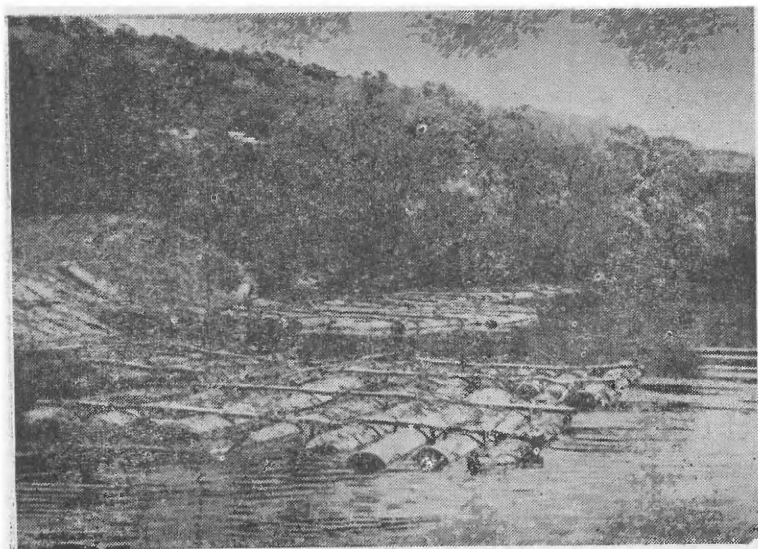

Четвертая категория — самая низкая и самая строгая. Лица, входящие в нее, подвергаются строжайшей тюремной дисциплине и лишены каких-либо льгот. Их следует использовать на самых тяжелых работах вне тюрьмы или же в тюремных мастерских; вновь прибывшие к месту назначения заключенные причисляются к четвертой категории и остаются в ней в течение года и лишь при условии хорошего поведения переводятся в третью категорию.

Что касается третьей категории заключенных, то они используются группами на тяжелых работах в течение дня, а ночью содержатся в бараках, получают тюремный рацион и одежду и не имеют права на льготы. Через пять лет при условии безупречного поведения заключенные третьей категории могут быть переведены во вторую.

В отношении второй категории заключенных инструкция гласила: они содержатся и работают так же, как и заключенные третьей категории; получают тюремный рацион и одежду, а также от восьми анн до рупии ежемесячно для приобретения овощей, табака и тому подобного с разрешения начальника тюрьмы; могут использо-

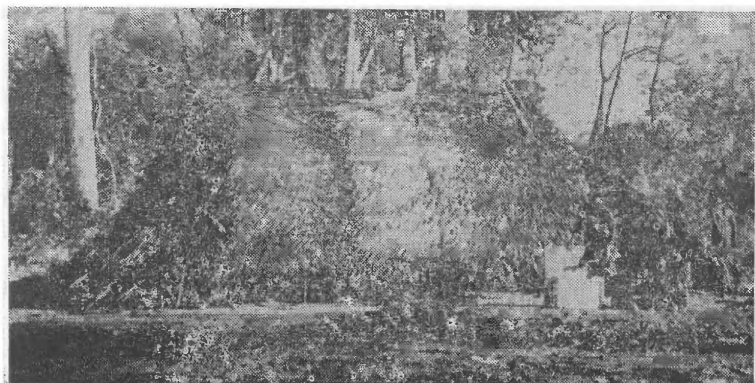
Сплав леса

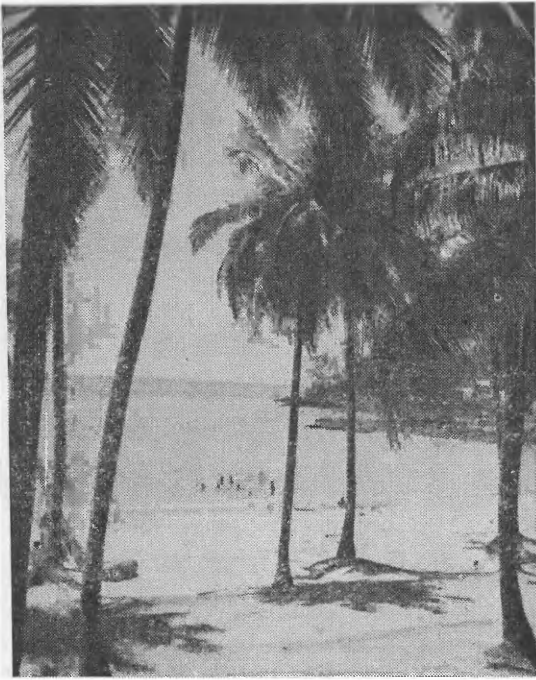
Джарава возле своей хижины

ваться на работе в конторах или наниматься к любому свободному жителю на условиях, установленных начальником поселения; через пять лет при условии удовлетворительного поведения они могут быть переведены в разряд осужденных первой категории.

Заклученные первой категории имели право прожи-

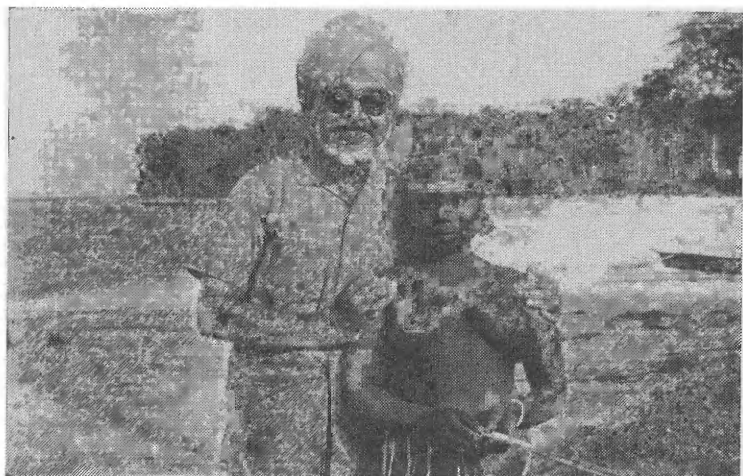
Традиционная андаманская хижина

вать в бараках или в другом месте с разрешения начальника поселения, получать сухой паек, а также от одной до двух рупий в месяц. Однако одежду заключенные первой категории приобретали себе самостоятельно. В некоторых случаях начальник поселения заменял сухой паек деньгами.

Дж. С. Кэмпбелл не стремился к тому, чтобы каждый заключенный первой категории жил на собственные средства. Он считал, что только те, кто доказал способность содержать себя и тех, кто находился на их иждивении по болезни или старости, имели на это право. Он также считал, что все самостоятельно проживающие заключенные обязаны платить правительству налог. Полковник Форд, один из начальников поселения и тюрьмы, придерживался того же мнения. Среди предложений Кэмпбелла было и такое — разрешать жениться только каторжанам, относящимся к первой категории.

Женщин-заключенных подразделяли лишь на две ка-

Автор вместе с «мисс Андаманы»

Саудагар пережил японскую оккупацию

Андаманский
вождь на Стрей-
Айленде

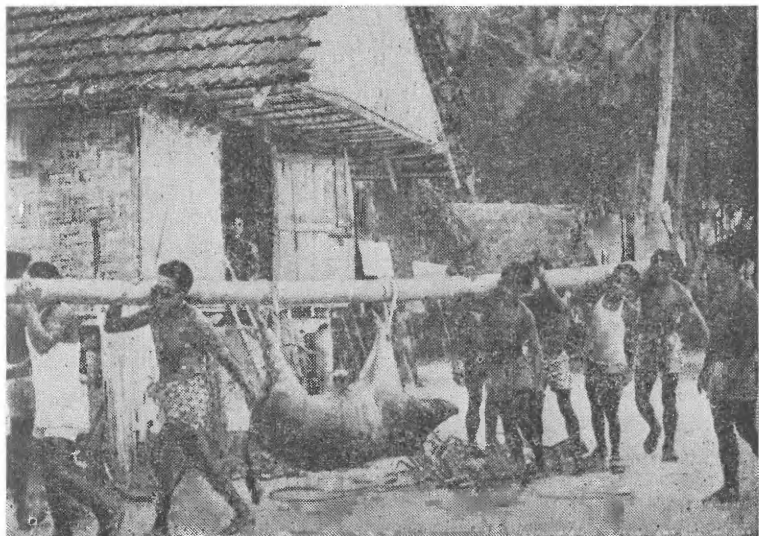
Никобарские кареау

тегории. Вторая — низшая, в ней заключенные пребывали три года, а затем переходили в первую. Через два года при условии безупречного поведения им разрешалось выйти замуж.

Дж. С. Кэмпбелл также предупреждал, что в поселении вероятно появление заключенных-европейцев. Он считал, что на них должны распространяться те же правила, что и на всех остальных, но хорошее поведение в тюрьме до прибытия на Андаманы могло быть засчитано для получения льгот. Однако сведений о том, что на Андаманские острова когда-либо были доставлены заключенные-европейцы, нет.

Кроме того, допускалось, что заключенные первой категории могут приобретать личное имущество или арендовать землю, но отрицалась возможность прибегать к гражданскому суду для защиты своих прав. Дж. С. Кэмпбелл считал, что осужденные на пожизненную каторгу не имели права переписки с Индией, а осужденные на определенный срок могли отправлять и получать лишь одно письмо в три месяца.

Он предложил также новое положение, которого до сих пор на островах не существовало: если человек со-

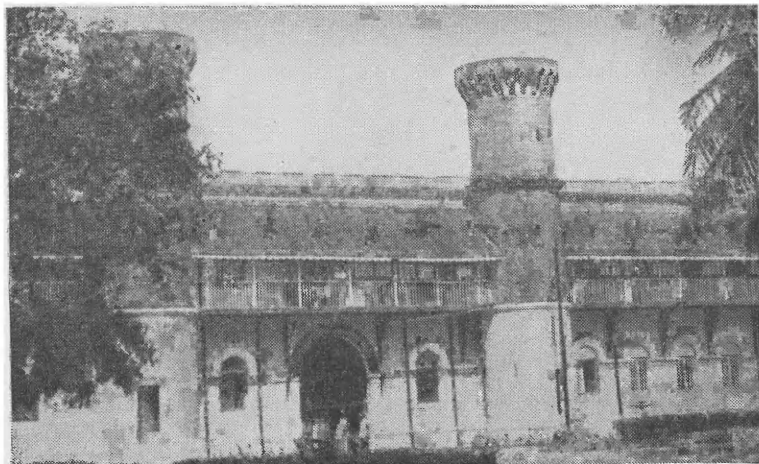
Никобарцы готовятся к празднику

слан на пожизненную каторгу, он должен стать для своей семьи мертвым. Кэмпбелл предложил ввести закон, на основании которого любой подобный осужденный был бы мертв в гражданском смысле, а его имущество передано по наследству.

Очевидно, Д. Стюарт лично с Кэмпбеллом не встречался. Он не являлся сторонником введения строжайшей тюремной дисциплины. Он считал, что усиление дисциплины было бы тратой времени и сил: стоит ли делать жизнь осужденного еще более тяжелой, чем она есть?

По его мнению, пожалуй, лучше следовать примеру правительства Австралии, предоставлявшему сравнительные свободы тем заключенным, которые ее заслужили примерным поведением в течение нескольких лет. Заключенных, способных вести себя благоразумно, следует поощрять, тогда они будут сами стремиться достичь независимого положения и тем самым наслаждаться результатами своего труда.

Не все рекомендации Кэмпбелла приняли, некоторые из них были изменены и дополнены, но генерал-губернатор вполне четко дал понять, что главной и первоочередной задачей при создании поселения является обеспечение положения, при котором вынесенный осуж-

Главные ворота тюрьмы (1936 г.)

Так украшают себя онге в праздничные дни

денному приговор исполнялся бы соответствующим образом при хорошо налаженной системе дисциплинарных взысканий. Поэтому использование труда заключенных с выгодой для развития ресурсов острова должно считаться второстепенным и подчиненным основной цели. Очевидно, в политическом мышлении в верхах произошли изменения со времени визита Роберта Нейпира в 1864 году, потому что последний категорически высказывался за «умеренный характер существующего управления».

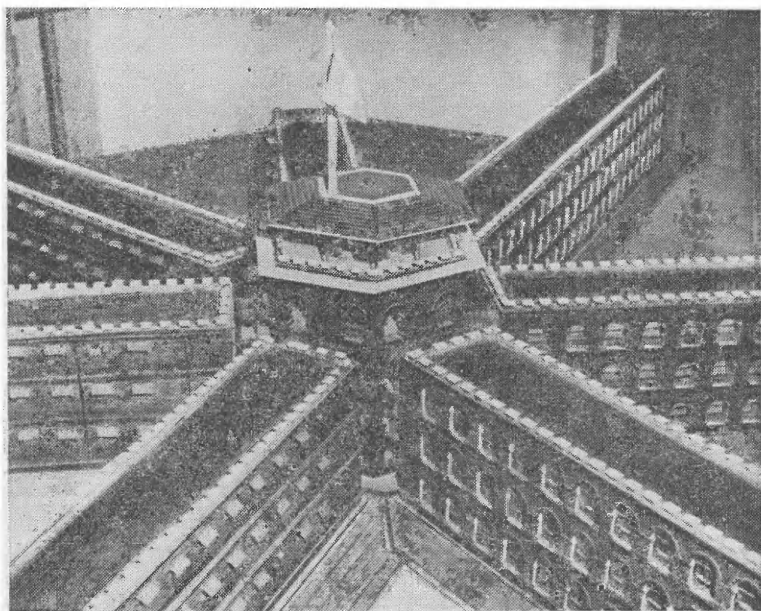
Знакомясь с отчетом Дж. С. Кэмпбелла, один из сотрудников секретариата законодательного ведомства правительства Индии заметил:

— Удивительно, но я не нашел определения понятия «высылка» в существующем в Индии законе. «Высылка» в Уголовном кодексе стоит на втором месте после смертной казни, но никакой регламентации обращения с осужденным на месте ссылки не имеется.

Еще один чиновник сделал любопытное замечание:

— В руки правительства попало много писем, которые писали заключенные своим друзьям в Индию. Во всех них без исключения сообщается о Порт-Блэре как о наиболее благоприятном местожительстве, единствен-

Вид сверху на тюрьму в поселении

ным недостатком которого является отдаленность от родного дома и всего, что с ним связано. Каторжане в самых высоких выражениях отзывались о месте заключения, и, надо полагать, не без причины.

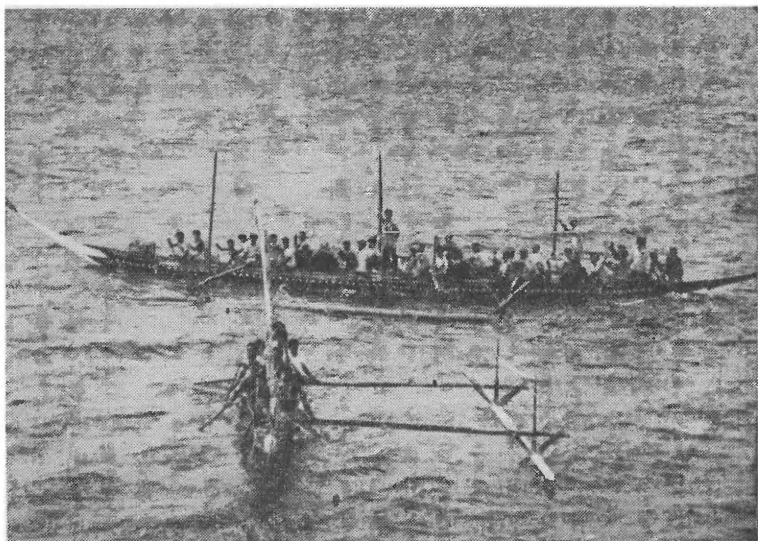
Не успели высохнуть чернила, которыми был написан отчет с частично принятыми рекомендациями Дж. С. Кэмпбелла, как в марте 1874 года на Андаманские острова с очередной инспекцией отправился генерал-майор Генри Норман (позднее фельдмаршал и один из немногих англичан, отказавшихся от должности вице-короля Индии).

Норман засвидетельствовал, что на 1 июня 1874 года поселение каторжан на Андаманских островах насчитывало 7820 мужчин и 895 женщин, приговоренных к пожизненному заключению. Помимо них здесь было 888 осужденных на различные сроки, 500 женатых пар с 578 детьми и 1167 ссыльных с правом передвижения, из которых 476 — женщины.

В течение некоторого времени шли споры относительно-

Группа девушек из племени джарава

Никобарские каноэ

но того, отправлять ли на Андаманы заключенных с ограниченным сроком наказания. Их стали присылать сюда, но затем поступление прекратилось, так как пребывание здесь последних действовало возбуждающе на осужденных на пожизненную каторгу.

Тем не менее в результате споров все-таки победила точка зрения Д. Стюарта, что в Порт-Блэр можно на-

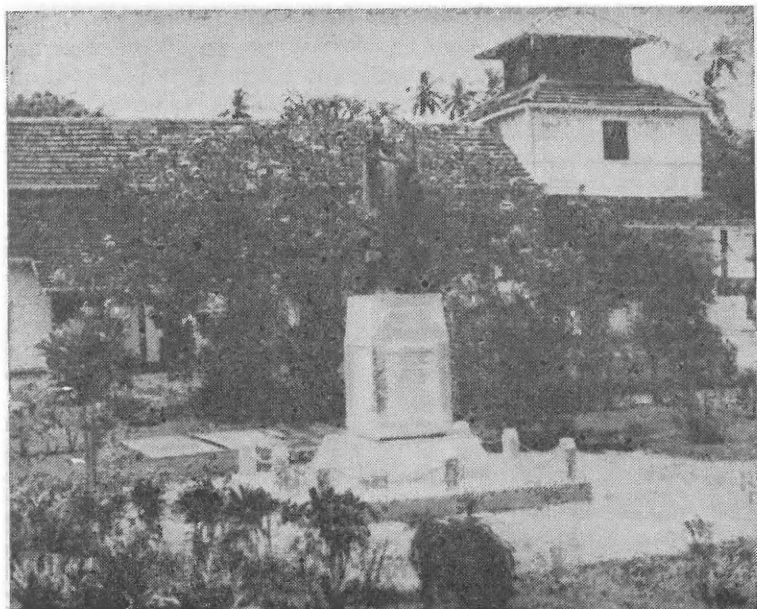
Вид на Порт-Блэр с моря

правлять и осужденных с ограниченным сроком наказания.

В результате рекомендаций, представленных Генри Норманом, заключенные мужского пола подразделялись на три категории вместо четырех, предложенных Дж. С. Кэмпбеллом.

В третью категорию заключенных входили все вновь прибывшие. Днем их рекомендовалось использовать группами на тяжелых работах, а ночью содержать в бараках. Их следовало кормить и выдавать им одежду, но они не имели права ни на какие льготы. Первые шесть месяцев после прибытия заключенные должны были носить двойные кандалы на ногах и одинарные на руках в течение следующих шести месяцев по специальному распоряжению начальника поселения. Через четыре года при условии удовлетворительного поведения они могли быть переведены во вторую категорию.

Пребывание во второй категории заключенных предусматривало две ступени, в каждой из которых он

Церковь в Кар-Никобаре

Местные жители со Стрейт-Айленда возле хижины должен провести три года. Будучи на нижней ступени, заключенный получал ежемесячно 12 анн и работал в бараках или тюрьме, а также в мастерских. Перейдя на верхнюю ступень, он зарабатывал ежемесячно до одной рупии, к тому же обязан был дополнительно нести службу в местной полиции или выполнять незначительные обязанности на правительственной службе в качестве денщика или слуги у свободных жителей.

Счастливая семья онге

Заклученные второй категории получали сухой паек и снабжались тюремной или форменной одеждой по усмотрению начальника поселения.

Помимо месячного содержания заключенные второй категории, работавшие в мастерских или же по найму, за свою работу получали дополнительное вознаграждение. После трех лет пребывания на каждой ступени заключенные могли быть переведены в первую категорию при условии безупречного поведения.

Заклученные первой категории проживали в бараках или с разрешения начальника поселения в иных местах. Они получали сухой паек и денежное содержание в размере от одной до двух рупий в месяц. В отдельных случаях начальник поселения мог заменить паек деньгами. Они выполняли работы, на которые назначались, а также могли жить самостоятельно, если на это давал свое согласие начальник поселения. В таких случаях им выдавался вид на жительство с указанием условий проживания.

Осужденные, не проживающие в бараках, должны были присутствовать на перекличках в указанное начальником поселения время, но не реже одного раза в месяц. Заклученные на срок не могли работать по найму, проживать на собственные средства и вне барачных. Осужденные на пожизненную каторгу и относящиеся к этой категории могли получить разрешение на проезд жены, детей или жениться.

Генри Норман не предлагал каких-либо изменений в классификации заключенных-женщин, но считал, что по некоторым причинам, таким, как «благосостояние» и «положение с моралью в поселении», было бы важно, чтобы как можно большее количество мужчин и женщин состояли в браке. Заклученным, имеющим вид на жительство, разрешалось выписывать к себе жен или мужей.

26 мая 1875 года генерал-майора Д. М. Стюарта на его посту сменил генерал-майор А. К. Бадуэлл. Вскоре выяснилось, что многие андаманцы больны сифилисом, которым их заразили заключенные. Кроме того, в 1877 году среди андаманцев вспыхнули эпидемии трахомы, гриппа и кори. В результате умерло огромное число андаманцев. Только от кори погибло более половины андаманцев Большого Андамана.

В последующие годы никаких существенных событий в поселении каторжан не произошло. 27 февраля

1878 года Главным комиссаром стал А. Томас Каделл. Он находился на этой должности с одним или двумя небольшими перерывами почти девять лет.

В 1885 году Александер Макензи, министр внутренних дел Индии, прибыл на острова с инспекцией. Он остался доволен теми улучшениями, которые здесь произошли, в частности тем, что предпринимались меры по снижению смертности среди заключенных.

Спустя четыре года после посещения А. Макензи островов сюда прибыла новая комиссия в составе Чарльза Джеймса Лейолла, министра внутренних дел Индии, и главного хирурга А. С. Летбриджа из бенгальской медицинской службы. Они посетили Порт-Блэр в январе 1890 года. В своем отчете они отмечали:

«Все заключенные без исключения — те, кому предстояло отправиться на Андаманы, и те, кому в этом было отказано, — выражали желание быть высланными на острова, а не отбывать заключение в индийских тюрьмах. Один бежавший и пойманный заключенный-сикх, хотя и знал, что в Порт-Блэре его ждут наказания кнутом и каторжный труд в кандалах, очень настаивал на скорейшей его отправке на Андаманы».

Отсюда вывод, который сделала комиссия: «В настоящее время пребывание в индийской тюрьме — гораздо более жестокое наказание, чем ссылка на Андаманы». Поэтому оба члена комиссии выразили пожелание, чтобы жизнь заключенного на Андаманах стала более трудной и пребывание здесь было бы действительно устрашающим наказанием.

Снова возник вопрос об осужденных на определенный срок. Местные власти и администрация поддержали рекомендацию комиссии, с ней согласилось и правительство Индии. Также оно согласилось с рекомендацией, чтобы «поселение расконвоированных заключенных в Порт-Блэре расширилось» и с предложением начальника поселения, «чтобы, как правило, постоянные жители жили отдельно и никто, если это не является необходимостью, с ними не проживал». Женщины-каторжанки полностью исключались.

Чтобы сделать начальный период заключения более трудным, вводился предварительный период раздельного заключения в камерах сроком на шесть месяцев. Вот откуда появилось понятие «одиночная тюрьма». Начальником поселения были также приняты рекомендации в отношении заключенных третьей категории: они

должны находиться в ней в течение пяти лет, включая предварительный период сроком два года, и лишь после этого их можно перевести во вторую категорию.

Были пересмотрены также положения о денежных переводах, направляемых заключенными своим родственникам на материке, и дела, касающиеся наследства после их смерти. Проживающие на собственные средства могли с разрешения районного чиновника посылать не более 100 рупий. На пересылку любой суммы, превышающей установленную, требовалось разрешение начальника поселения. Генерал-губернатор решил, что «право наследования имущества за пределами поселения в будущем исключается».

Лейолл и Летбридж категорически высказались за то, что проживающим на собственные средства заключенным необходимы семьи, поэтому они рекомендовали, а генерал-губернатор подтвердил эту рекомендацию, чтобы в будущем женщин, осужденных на срок со ссылкой от семи лет и более, направляли на Андаманы.

Оба члена комиссии также предложили, чтобы вместо существовавшей ранее системы денежного вознаграждения была введена новая — система марок, выдаваемых старшим заключенным лицам, работающим в мастерских, и другим, занятым в различных службах, с тем чтобы они стали заключенными, проживающими на собственные средства, не через десять лет, как было установлено, а раньше. А. Томас Каделл не сразу согласился с этим, но все-таки ввел марочную систему.

Находясь на Андаманах, оба члена комиссии посетили тюрьму на Вайпере. В своем отчете они дали описание вайперской тюрьмы и ее окрестностей, включая и камеры смертников, которые находились вне ее и примыкали к помещению караула. Они писали, что напротив камер смертников — виселица. Платформа находится на уровне земли, что облегчает узнику переход на нее. В своем рвении джентльмены не заметили, насколько смехотворным кажется это их замечание, ибо для человека, идущего на казнь, все безразлично.

Работу администрации поселения члены комиссии оценили так: «Общее впечатление, полученное после краткого пребывания в Порт-Блэре, относительно системы, порядка, деятельности и охраны, осуществляемых администрацией, самое благоприятное».

Поскольку полковник Н. М. Хорсворд занимал пост начальника поселения и Главного комиссара менее двух

лет, то подполковнику Ричарду Темплу пришлось выполнять большинство рекомендаций, сделанных комиссией Лейолла и Летбриджа. Темпл вступил в должность 3 августа 1894 года. Главный комиссар и начальник поселения в то время имел штат, состоявший из заместителя начальника, нескольких помощников и надсмотрщиков — все англичане, а также нескольких индийских помощников-надсмотрщиков. В Порт-Блэре был расквартирован также военный гарнизон, состоявший из 140 английских и 300 индийских солдат, а также нескольких английских волонтеров. Полицейские отряды представляли собой военный батальон численностью 643 человека.

Каторжное поселение располагалось на площади 473 квадратные мили и состояло, как описывал Темпл, из пастбищных и пахотных земель, болот, лесов, больших бухт и малых заливов, холмов высотой до 1500 футов, и нескольких деревень для заключенных, получивших вид на жительство с проживанием на собственные средства, бывших заключенных и свободных жителей. Там размещались помещения для осужденных, мастерские и тюрьма. Он полагал, что главные принципы, на которых была основана вся система, не претерпели никаких существенных изменений вопреки критике. Темпл писал, что осужденный на пожизненную каторгу поступал на шесть месяцев в тюрьму строгого режима. После этого на 18 месяцев он переводился в общую тюрьму. Там ему приходилось работать много и тяжело, но дисциплина не была такой уж жесткой. В течение следующих трех лет каторжанин жил в бараке, запираемом на ночь, и ходил на работу под конвоем. За свою работу он не получал никакой платы, и за ним внимательно следили. В течение последующих пяти лет он считался каторжным рабочим, но его могли назначить на низшую должность надсмотрщика и перевести на более легкую работу. Он также получал немного денег на личные нужды, которые хранились в специальной банковской кассе. Через десять лет он мог получить вид на жительство. В этом статусе он сам зарабатывал себе на жизнь, проживая в деревне, мог пахать, сеять, выращивать скот, жениться или выписать свою семью. Но он не являлся свободным, не имел гражданских прав, не мог без разрешения покинуть поселение и не трудиться. После 20—25 лет, проведенных в поселении при безупречном поведении, он получал полную свободу.

У женщин-заключенных был несколько облегченный режим. Они содержались в женской тюрьме, если не направлялись для работы на дому или не были замужем. Женщины могли выходить замуж или работать прислугой лишь после пятилетнего пребывания в поселении, а замужние покидать его вместе со своими мужьями через 15 лет. Супружеские пары дожидались окончания срока каждого и покидали поселение вместе. Незамужние женщины должны были оставаться в поселении не менее чем на 20 лет. В тюрьме они переходили из одной категории в другую и могли занимать те же должности, что и мужчины.

Женщины, осужденные на определенный срок, жили приблизительно в таком же режиме, как и мужчины, осужденные на пожизненную каторгу, но им трудно было существовать на собственные средства. Темпл так характеризовал основную цель, которая преследовалась пребыванием заключенного в поселении:

«Главное здесь — длительное практическое обучение дальнейшей полезной деятельности, самостоятельности, сдержанности, умению приносить пользу обществу. Неправимые оставались тут до смерти, исправляющиеся — до тех пор, пока не исправлялись, и только те, кто всем своим поведением доказывал, что изменился к лучшему, возвращались к своим очагам...»

Насколько успешно действовала эта система, можно понять из высказывания Темпла, утверждавшего, что среди молодых девушек он обнаружил «стремление к проституции», и объяснявшего ее большим количественным перевесом мужского населения и тем, что матери этих девушек — заключенные и поэтому вряд ли могли воспитать своих дочерей в духе высокой морали.

Он также отмечал, что молодые люди здесь более образованны, чем их сверстники на материке, поскольку обучение для всех проживающих на льготном режиме — обязательное: для девочек до 10 лет, а для мальчиков до 14 лет. Такое положение сохранилось тут и до наших дней, поскольку образование на Андаманских и Никобарских островах сейчас хотя и не обязательное, но бесплатное. Непрамотного на островах найти трудно.

Строительство тюрьмы, в которой были только камеры-одиночки, началось в 1896 году и велось 14 лет. Она расположена у Абердина и стоит на мысу, омываемом водами залива Сесострис. Напротив тюрьмы — остров Росс, на котором размещалась администрация по-

селения. В своем первоначальном виде тюрьма напоминала семизубцовую красно-коричневую кирпичную шестерню, осью которой являлась центральная башня. Каждое крыло имело три этажа, башня — четыре.

На башне находился колокол, отбивавший часы, а в чрезвычайных обстоятельствах он служил набатом. В башне на каждом этаже сидело по охраннику. Двигаясь по кругу, он легко мог наблюдать за всеми семью коридорами, в которые выходили решетчатые железные двери камер-одиночек. Всего в одиночной тюрьме было 698 камер размером 13×9 футов каждая с одним вентиляционным окном 3×1,5 фута, приподнятым почти на 10 футов от пола. Узник не мог видеть ничего, кроме неба, и не имел никакой возможности установить связь с другими заключенными. Чтобы еще больше затруднить эту связь, окна одного крыла выходили на глухую стену другого.

В наши дни то устрашающее впечатление, которое производила тюрьма с одиночными камерами, исчезло. Вскоре после получения Индией независимости четыре крыла здания тюрьмы решено было снести, для того чтобы на их месте построить больницу. Три крыла все-таки уцелели. В одном из них размещается сегодня местная тюрьма. (Здесь 105 камер, мужских и женских.) Два других крыла используются для различных нужд. Башня, словно предвидя бесславный конец, во время землетрясения 1941 года развалилась. Взамен ее построена новая деревянная башня без колокола.

В 1901 году Боден Клосс посетил острова и в своей книге «На Андаманах и Никобарах» о той части острова Росс, где размещалась администрация поселения, писал, что на вершине холма возвышалось ласкающее взор здание резиденции Главного комиссара; церковь и казармы для европейских войск (напоминающие по архитектуре Виндзорский дворец), оба здания построены из камня, добываемого на материке. Ниже — столовая, в которой имелась прекрасная библиотека и великолепные образцы резьбы по дереву, выполненные заключенными-бирманцами. Затем шли дома с коричневыми крышами чиновников поселения; все утопало в тропической зелени, над которой возвышались стройные пальмы. Возле моря расположились здание казначейства, склады комиссариата и другие правительственные здания. Место, прекрасное само по себе, содержалось в образцовом состоянии благодаря труду каторжан.

По мнению Бодена Клосса, начальству совсем неплохо жилось на этом отдаленном острове. Там была травяная площадка для игры в крокет и бетонированная теннисная. Здесь же часто играли оркестры, музыкантами в которых были заключенные. По субботам яхт-клуб организовывал всевозможные лодочные гонки на приз. Общество любителей ружейной стрельбы насчитывало около тридцати человек, которые часто проводили соревнования, а у Абердина играли в гольф и хоккей на траве.

Тем не менее Боден Клосс не преминул отметить, что на первый взгляд остров показался ему просто очаровательным, но после посещения вайперской тюрьмы его восторг несколько поостыл.

Темпла на его посту сменил Ф. И. Тьюсон, который в течение месяца исполнял его обязанности. Затем сюда прибыл новый Главный комиссар и начальник поселения — У. Р. Мерк. Он был первым чиновником индийской гражданской службы, занявшим этот пост.

Существующую здесь карательную систему Мерк назвал «насмешкой» и заявил, что она обеспечивает весьма легкую жизнь наиопаснейшим преступникам. О перевоспитании заключенного и желании дать ему «длительное обучение для дальнейшей полезной деятельности» Мерк писал, что эта проблема, на его взгляд, требует в Индии иного подхода, чем в Англии. Основная часть заключенных на Андаманах с местной точки зрения — уважаемые граждане. После освобождения они окажутся на тех местах в своих семьях и обществе, которые занимали до осуждения, без ущерба для отношений и авторитета среди соседей, а также и без потери имущества, что всегда приносит тюремное заключение в Англии. Они не более отверженные, чем мы все.

Поэтому Мерк пришел к выводу о «прекращении высылки», потому что «она — причина огромных дополнительных расходов, наказание не достигает своей цели и перевоспитывает не лучше, чем тюремное заключение, и, следовательно, демонстрирует слабость уголовной администрации Индии».

Правительство Индии не согласилось с рекомендацией Мерка, но передало вопрос на рассмотрение провинциальных правительств с просьбой сообщить их мнение. Все провинциальные правительства высказались за продолжение высылки в основном потому, что на материке тюрьмы были переполнены.

Официально свою политику на Андаманах англичане называли «завоеванием расположения аборигенов». Она заключалась в «строгом проведении такой линии поведения», которая располагала бы в пользу англичан, и «в абсолютном запрете любой агрессии против аборигенов и обращения с ними с позиции силы». Последнюю применять следовало лишь в том случае, «если сложится такая ситуация, когда будет абсолютно необходимо отразить их нападение». Кто же должен был практически определять «абсолютную необходимость» применения силы?

Чтобы как-то умиротворить аборигенов, было решено создать специальные «дома для андаманцев». В 1863 году в основном благодаря Корбину — в то время капеллану Порт-Блэра — удалось уговорить 28 андаманцев поселиться в хижинах на острове Росс. Эти хижины и стали известны под названием «дома для андаманцев». На их содержание даже выделили незначительную сумму. Надсмотрщиком «домов для андаманцев» назначили расконвоированного заключенного (что оказалось большой ошибкой!). Корбин открыто признавал, что его главная задача — приобщить андаманцев к цивилизации. Он пытался обучить их английскому языку и, по его словам, каждый день заставлял убирать территорию тюрьмы вместе с заключенными индейцами.

Подполковник Р. Тайтлер в письме к Корбину от 20 июня 1863 года откровенно излагал цели создания «домов для андаманцев»: «Во-первых, аборигены должны видеть преимущества удобств цивилизации по сравнению с их убогим существованием. Во-вторых, хотя это и не является непосредственно очевидным, мы в действительности закладываем основу цивилизации для людей, живущих в совершенно варварском состоянии, обмане и убийствах и прочей дикости. Мы держим этих людей в своем распоряжении как заложников, что, без сомнения, обеспечивает лучшее обращение негостеприимных аборигенов с нашими поселенцами. Их уход может повредить нам и свести на нет все доброе, что было достигнуто, и на восстановление тех огромных преимуществ, которыми мы обладаем и пользуемся сейчас, уйдут многие годы».

В своего рода преамбуле к этому письму Тайтлер

описывает аборигенов как «дикарское, предательское и неуправляемое племя людей, лишенных культуры во всех смыслах этого слова».

Корбин не только основал «дома для андаманцев», но и совершил несколько поездок по островам, пытаясь склонить андаманцев жить в этих домах.

Однако, несмотря на внешне дружественные отношения, все время существовала взаимная подозрительность. Свидетельством тому стало «дело о кинжале». Во время одной из поездок в район холма Харриет Корбин дал свой кинжал одному из андаманцев по имени Джо и приказал разрезать кабана на две части, одну часть отдать племени, к которому принадлежал Джо, а другую — соседнему. Пока кабан жарился, Корбин препирался с Джо. Он требовал, чтобы абориген вернул ему кинжал, но Джо делал вид, что не понимает, о каком кинжале идет речь.

Никакие уговоры и угрозы не смогли заставить аборигена отдать оружие. Вся группа благополучно вернулась на Росс с кабаном и прочими припасами, необходимыми для праздника, лишь Джо прибыл в кандалах.

На следующее утро другой обитатель «дома для андаманцев» — женщина по имени Топси заверила Корбина, что кинжал будет ему возвращен. Так и случилось. Тогда в присутствии всех участников экспедиции Джо расковали, дабы преподать аборигенам урок. Потом Корбин вспоминал, как он потрясал кинжалом перед носом Джо, чтобы тот понял, что причиной его заключения была эта кража, а возвращение краденого принесло ему свободу.

Однако о Корбине нельзя сказать, что он не симпатизировал андаманцам. По-своему он любил их и, руководя «домами для андаманцев», имел возможность изучать психологию своих жильцов. Корбин заметил, что между андаманцами «не существует споров или недовольства друг другом». Если кто-либо из них обращался с какой-то просьбой к товарищу, она немедленно исполнялась. По его словам, «андаманские женщины очень скромны, но в то же время держатся довольно свободно и непринужденно. Они доверчивы и просты, могут обнять вас, сесть на колени, склонить голову вам на плечо, что иноземцу может показаться неприличным».

В июле 1863 года Корбин обратил внимание на довольно любопытный факт: оказывается, андаманцы чув-

ствовали себя лучше и здоровее в своих болотистых поселениях, в открытых всем ветрам ненадежных постройках, чем на Россе, где к их услугам были хорошие, надежные дома, поднятые примерно на три фута над землей, не говоря уже об одежде, одеялах, простой обильной пище. При этом они были освобождены от необходимости трудиться.

Он заметил, что аборигены легко простужаются и их часто мучают приступы головной боли. В ответ на обвинение, будто андаманцев держат в «доме для андаманцев» против их воли, Корбин писал, что простым опровержением подобного утверждения может служить «огромное стремление аборигенов жить в поселении». М. Портмен, через несколько лет сменивший Корбина на посту управляющего «домом для андаманцев», не согласился, однако, со словами своего предшественника, который писал, что андаманцев, несомненно, удерживали в «доме для андаманцев» против их воли и давление на них было незаконным актом.

Корбин и Тайтлер резко расходились во мнениях, следует ли использовать андаманцев для поимки сбежавших заключенных. Вот что по этому поводу писал Корбин: «Полковник Тайтлер очень хочет, чтобы я отыскал какой-нибудь способ уговорить наших андаманских друзей помогать нам в поимке бежавших заключенных. Возможно, это и было бы актом милосердия, если бы не соображения о том, что аборигенам не следует находиться среди людей, нарушающих порядок, подстрекающих к кровопролитию и другим насильственным действиям. Результат участия даже в единственном подобном акте может окончательно повредить нашим усилиям умиротворения и приобщения этих людей к современной цивилизации. Может случиться так, что, доверив людям с такими буйными и безответственными наклонностями функции полицейского контроля над примерно такими же, как они сами, мы будем способствовать взрыву самых худших страстей и поощрять наклонности, которые вряд ли сумеем подавить. Злоупотребить доверием миролюбивых и не желающих никому зла аборигенов, означало бы поставить под угрозу саму природу их миролюбия».

В октябре 1863 года Корбин повез восьмерых андаманцев в Калькутту. Погода благоприятствовала, и они наслаждались поездкой. В Калькутте аборигенов поселили в небольшом доме на территории магистрата. Из-

ности об их прибытии произвело фурор, и желающих взглянуть на этих «людоедов» с каждым днем, естественно, становилось все больше. Поползли нелепые слухи. Говорили, что у этих людей длинные хвосты и они едят сырую свинину, а единственная среди них женщина по имени Топси сейчас больна и уверяет, что может выздороветь лишь при условии, если съест мясо белого человека... и так далее. В результате андаманцев пришлось перевести в укрепленное место Бамигунге, где проводился развод караулов.

Корбина удивило, что «андаманцы ко всему увиденному отнеслись спокойно, без эмоций». Их любимым местом пребывания стал рынок, но именно там они привлекали к себе больше всего любопытных и подвергались бесконечным оскорблениям. Однажды на одного андаманца — Джумбо — кто-то плюнул. Джумбо так оскорбился, что стал грозить толпе кулаками. Когда с Джако обошлись подобным же образом, он накинулся на обидчиков с кнутом, так как в тот момент он сидел на козлах экипажа Корбина.

Андаманцам показали много достопримечательностей, но они не произвели на них никакого впечатления. 26 ноября они отплыли в Порт-Блэр и прибыли туда 2 декабря 1863 года. В этом же месяце Корбин, сопровождаемый на этот раз Р. Тайтлером, повез шестерых андаманцев в Рангун и Моулмейн, но там с ними ничего интересного не произошло.

К февралю 1864 года количество аборигенов в поселении достигло сорока. Вместе с заключенными их использовали на уборке территорий, покрытии соломенных крыш, изготовлении бамбуковых рам и тому подобных работах. Многие из них болели, некоторые тяжело. Им не нравились условия, в которых они жили, и охранники-заключенные, не разрешавшие им свободно передвигаться по острову.

В феврале 1864 года Хомфрей, впоследствии сменивший Корбина, по поручению Тайтлера отправился в Порт-Муат на западном побережье Южных Андаман. Ему надлежало выяснить, удобно ли это место для постройки небольшого поселения на 500 заключенных, откуда невозможно было бы совершить побег.

Хомфрей отправился в Порт-Муат морем, но возвратился по суше. Вскоре после этого между Порт-Муатом и Порт-Блэром была расчищена тропа шириной 20 футов.

Спустя некоторое время Корбин, сопровождаемый группой, в которую входили Хомфрей и известная Топси, отправился в экспедицию в том же направлении. В джунглях их неожиданно окружили андаманцы, человек 200, вооруженные луками и стрелами. Аборигены выстроились полукругом и приготовились к нападению. Корбину с трудом удалось сохранить хладнокровие. Он решительно взял Топси за руку и направился, как ему показалось, к вождю. Топси обратилась к нему с просьбой не убивать белых людей, и ей удалось его уговорить. Вождь вручил свой лук и стрелы Корбину, остальные опустили оружие. Так благодаря Топси с этим племенем удалось завязать дружественные отношения. На остров Росс Корбин привез с собой их вождя и двух его помощников.

15 февраля 1864 года подполковник Р. Тайтлер, выступавший до сих пор в качестве временно исполнявшего обязанности, передал свой пост майору Барнету Форду. Эта перемена отразилась и на будущем «домов для андаманцев», поскольку Корбин и новый начальник во многом расходились во взглядах. Именно это и послужило причиной заявления Корбина об отставке. Впоследствии Форд писал, что по прибытии на Росс он обнаружил там около сорока андаманцев в «доме для андаманцев» Корбина. Посетив этот «дом», он обнаружил одного из его обитателей в кандалах, а вся группа, как стало известно позднее, находилась под неусыпной охраной караула заключенных, наблюдавшего за «домом». Через день или два после отъезда из поселения Р. Тайтлера Корбин преподнес Форду сюрприз, сообщив о «побеге» ночью нескольких заключенных-андаманцев, и среди них четверых главных людей из южного племени, тех, которых Корбин особенно стремился содержать под охраной в качестве заложников (один из них был закован в железные кандалы). Корбин объяснил свое к ним отношение тем, что люди этого племени убивали заключенных (впоследствии, правда, так и не удалось получить прямых доказательств подобного их поведения), разоряли плантации и набросились на офицера и солдат в Порт-Муате. Побег был совершен несмотря на «строгую охрану», установленную по распоряжению Корбина, предписывающую андаманцам не покидать своих мест без особого на это разрешения Корбина.

Действиям Корбина удивляться не следует, ведь свои

взгляды он недвусмысленно изложил в письме к тому же Форду, где говорилось, что он совершенно убежден: если силой не удерживать заложников, тогда «эти безответственные, дикие люди повредят и разрушат все подвернувшееся им под руку, и все кончится кровопролитием».

1 марта 1864 года, несколько дней спустя после вступления Форда в должность, все андаманцы, кроме Джумбо и Топси, бежали. Последние не смогли этого сделать только потому, что накануне были арестованы. Корбин хотел заковать Джумбо в кандалы, но Форд решительно этому воспротивился. Тогда Корбин прихватил Джумбо с собой в погоню за беглецами. Вернувшись через неделю, он обнаружил, что за время его отсутствия Топси тоже бежала. Позднее вблизи Саут-Пойнт у Порт-Блэра обнаружили труп женщины, в котором опознали Топси. Почему она бежала тогда, когда ее муж Джумбо находился в руках Корбина? По мнению Форда, тогда ходили слухи о жестоком обращении охранников с андаманцами. Именно грубость и жестокость вынудили аборигенов совершить побег. Топси в то время была слаба и, пытаясь добраться до Саут-Пойнта, утонула.

Так бесславно закончилась жизнь «очень ценной Топси».

В своем докладе об этом происшествии Корбин, противореча самому себе, так пытался объяснить причины бегства андаманцев: «Меня не удивляет, что эти люди бегут от нас; они не могут смириться с теми условиями, в которые попадают, и испытывают сильную тоску по привычному образу жизни».

Это не совпадало с тем, что ранее говорил Корбин о том, как выглядели 28 обитателей «дома для андаманцев». Тогда он уверял, что внешний вид андаманцев вызывал «неподдельное удивление и чувство благодарности у большинства европейцев и аборигенов». «Послушное и ровное поведение андаманцев — свидетельство взаимопонимания, которое, если его постоянно поддерживать и не нарушать актами насилия со стороны англичан, переросло бы в доверие и добрую привязанность».

Форд настаивал, чтобы Корбин перевел «дом для андаманцев» с Росса, или закрыл бы его, чтобы впоследствии можно было воспользоваться этими постройками. Корбина такое предложение оскорбило. Старый

«дом для андаманцев» больше не существовал, а андаманцы продолжали жить «в хлебах и свинарниках». Вынужденный всякий раз «уступать в унижительной манере», он не желал больше «иметь дело с Фордом». Подобное положение не могло долго продолжаться. В июне 1864 года Корбин подал в отставку, и она была принята. Его должность получил помощник начальника Дж. Хомфрей, добровольно предложивший себя на это место. Кое-кто считал, что, возможно, одной из причин отставки Корбина стала получившая известность характеристика «дома для андаманцев» как места, «где помещенные в клетки аборигены содержались как пленники под охраной индийских уголовников», данная не кем иным, как подполковником А. Фейри.

В свою очередь, М. Портмен оценивал поведение Корбина как «максимально справедливое». По его мнению, Корбин по-доброму относился к андаманцам и действительно любил их. Правда, репрессивные действия, принятые Корбином, были действительно чрезмерными, тем не менее его идеи были правильными, и эти меры, пусть даже незаконные, держали аборигенов в страхе и внушали представление о силе европейцев, что облегчило Хомфрею дальнейшее с ними общение.

Еще до отъезда Корбина Форд пришел к двум важным заключениям. Во-первых, незачем силой удерживать андаманцев на острове Росс, они должны свободно передвигаться — приезжать и уезжать, когда им этого захочется. Конечно, такое положение могло привести к чрезмерному скоплению андаманцев на острове, поэтому Форд решил построить два дополнительных «дома для андаманцев». Для этого выбрали два места: одно — на севере, а другое — на юге, на Южном Андамане, у Порт-Блэра. Во-вторых, «андаманцам следует выплачивать вознаграждение за их помощь при поимке и доставке бежавших заключенных».

В свою очередь, Корбин резко возражал против этих решений Форда. Он опасался, что предоставление прав «полицейского контроля» андаманцам над заключенными может послужить причиной проявления «худших страстей андаманцев». Тем не менее в соответствии с решением Форда андаманцев все-таки стали привлекать к поимке бежавших заключенных. Впоследствии сформировалась своеобразная «полиция джунглей».

Андаманцы оказались замешанными в истории с одним заключенным по имени Гилбур Сингх, осужден-

ным за бандитизм. Его убил андаманец Джако. Произошло это в «доме для андаманцев». Как сообщает об этом Форд, Гилбур Сингх не разрешил Джако подняться на второй этаж хижины, где хранилось продовольствие. Гилбур Сингх, как утверждали, лишь поднял свое ружье, чтобы поугаать андаманца, но, как только тот отвернулся, Джако дважды выстрелил в Гилбура. Сингх скончался от ран. После этого события отношения между андаманцами и властями стали еще более напряженными. Джако вместе с андаманцем Мориарти бежали в джунгли.

Вскоре после отъезда Корбина ассигнования на «дома для андаманцев» были увеличены со 100 до 200 рупий в месяц. Это, возможно, связано с визитом генерал-майора Роберта Нейпира, приехавшего на острова в апреле 1864 года с инспекцией и одобрявшего политику, осуществлявшуюся в отношении аборигенов. Политика Форда в отношении андаманцев может быть охарактеризована его собственными словами:

«Думаю, мы никогда не сможем цивилизовать взрослых андаманцев, которые нам известны сегодня. Хорошо бы достичь с ними добрых, дружеских отношений и дать понять, что мирное поведение заслужит наше к ним расположение, в то время как враждебность вызовет обратную реакцию. Проявляя нашу добрую волю во всех отношениях с ними, мы добьемся, чтобы они нам доверяли, и это — пока единственное, чего от них можно ожидать».

Следующий шаг, предложенный Фордом, — «обучить и приобщить к цивилизации детей аборигенов». Он хотел построить школу, возглавляемую офицером. Тогда можно было бы посылать ее выпускников в Индию и Бирму. Они изучали бы в школе английский язык и в соответствии с задачами всех викторианцев «встали бы на путь обращенных, а затем и настоящих христиан». К счастью или к несчастью, андаманцы в отличие от никобарцев избежали такой судьбы.

Вступив в должность, Хомфрей действительно собрал вокруг себя нескольких мальчиков-андаманцев и попытался заслужить их любовь и привязанность. Он обучал их грамоте. Однако Хомфрей совершил ту же ошибку, что и его предшественник, — он приставил к ним охрану из числа заключенных. Через несколько месяцев мальчики казались послушными, привязанными к нему и хорошо себя вели, но все пристрастились

к табаку. Хомфрей признал, что их «страсть к табаку» была настолько сильной, что служила единственным средством, которым можно было пользоваться для того, чтобы держать их в узде.

Хомфрей старался сделать все, чтобы внушить аборигенам веру в добрые намерения англичан. Более того, ему удалось уговорить Форда помиловать Джако и Мориарти, доказав, что их действия были спровоцированы самими заключенными, которые сурово обращались с андаманцами. После помилования Джако все время жил у Хомфрея.

К декабрю 1864 года количество андаманцев, проживавших в «доме для андаманцев» на острове Росс, достигло ста. Произошло это, возможно, потому, что их не задерживали, когда они желали возвратиться в джунгли. Тем не менее конфликты между аборигенами и заключенными продолжались, особенно из-за того, что аборигены легко присваивали понравившиеся им вещи. В некоторых случаях они оказывали властям помощь. Так, они сообщили Хомфрею о бирманских заключенных, завладевших огнестрельным оружием и собиравшихся бежать с острова на каноэ. Начали постигать андаманцы и цену деньгам.

Несмотря на кажущееся взаимопонимание между англичанами и андаманцами, подлинной дружбы между ними все-таки не возникло. Доказательством послужил инцидент, может и не типичный, но показательный. Андаманцы помогали англичанам строить для себя «дом». Когда тот был готов, Форд не разрешил им разводиться в нем огонь. Тогда аборигены отказались жить в этом «доме», и Форду пришлось капитулировать. (Известно, что в хижинах андаманцы поддерживают постоянный огонь.)

Что касается обучения аборигенов чтению и письму, Форд сообщал, что, несмотря на многотерпение Хомфрея, он не смог научить их считать далее четырех или пяти. Отдавая должное Форду и Хомфрею, следует сказать, что благодаря их усилиям были установлены дружественные отношения со многими племенами и андаманцы стали относиться более или менее приветливо, как сообщал Форд, «ко всем, появляющимся на их побережье, считая их друзьями, а не врагами».

Подобное поведение — уже само по себе большое достижение по сравнению с теми временами, когда аборигены «боялись появления вдали паруса или человека

с более светлым цветом кожи, чем у них, на берегу». Форд в своем отчете за 1865—1866 гг. с некоторой гордостью утверждал, что с июня 1864 года «со стороны андаманцев не было совершено ни одного акта насилия по отношению к обитателям поселения».

Однако в 1865 году один абориген по имени Джим в приступе ярости убил своего соплеменника. Джим был осужден, но впоследствии освобожден из тюрьмы. В этом событии главное — не акт насилия и не приговор, а сцена, которая имела место, когда Джима освободили и Хомфрей вывел его к аборигенам, собравшимся возле тюрьмы. Хомфрей так описывал происходившее:

«После того как я рассказал собравшимся о проступке Джима и наказании, которое он понес за него, они обещали, что подобное больше никогда не повторится. Тогда я вывел к ним заключенного, закованного в кандалы. С громкими криками они бросились к Джиму, стали обнимать его, а некоторые от возбуждения и радости даже дрожали. Так продолжалось минут пятнадцать. Три вечера он рассказывал им о днях, проведенных в заключении, при этом сопровождал свой рассказ жестами и танцами в соответствии с их обычаями. Джиму, растолстевшему и обленившемуся в тюрьме от безделья, это удавалось с трудом — он часто пил воду и отдыхал. Закончив свои причитания, женщины начали мазать его тело красной глиной и салом. Обычно так украшают тех, кто собирается выступить во время вечерних танцев, чтобы предохранить от простуды, так как во время танцев тело очень разогревается. Мускулы у Джима за время пребывания в тюрьме стали такими слабыми, что временами его приходилось поддерживать, а днем, чтобы он смог закончить церемонию, его закутывали в листья, и таким образом снимали боль в суставах и согревали. Когда церемония закончилась, я угостил их прохладительным напитком, и они разошлись по домам».

Именно в период работы Хомфрея на остров Росс завезли собак. После этого там развелось столько бездомных собак, что они превратились чуть ли не в бедствие для островитян. Какое-то количество собак отловили и передали в подарок андаманцам. Они охотно их приняли и быстро научились использовать во время охоты на кабанов.

Споры о том, нужны ли «дома для андаманцев», про-

должались. В августе 1867 года Хомфрея снова попросили изложить свое мнение по этому вопросу. Он писал, что сначала «дома для андаманцев» были созданы единственно с благотворительной целью и без каких-либо соображений об их пользе. Андаманцы — хозяйева своей земли и требуют от тех, кто ее занимает, компенсации за нее. Англичане завладели этими островами, чтобы не дать этого сделать другим европейским государствам, но аборигенам это совершенно безразлично, и именно поэтому некоторое денежное вознаграждение следует выплачивать коренному населению Андаман, территорией которых англичане управляют.

Вопрос о политике администрации в отношении того, разрешать ли аборигенам вступать в тесный контакт с осужденными, а также использовать ли коренных жителей для поимки бежавших заключенных, все еще оставался открытым. Полковник Мэн, сменивший полковника Форда на его посту в марте 1868 года, отмечал, что «посещение андаманцами поселений не следует поощрять, более того, необходимо предотвращать любые отношения между ними и осужденными преступниками». В то же самое время полковник Мэн считал андаманцев полезными для поимки бежавших заключенных, за что они стали получать денежное вознаграждение.

Однако Мэн проявлял некоторое беспокойство по поводу того, что число обитателей «домов для андаманцев» сокращается. Он заметил, что за один год никто из новорожденных не выжил, хотя ежемесячно на свет появлялось не менее двух детей.

В декабре 1874 года Хомфрей передал управление «домами для андаманцев» Ф. Тусону. Последнему удалось установить дружественные отношения со многими андаманскими племенами, кроме джаравов. Он организовал детский дом и ясли. Нужно ли это было и имело ли успех — вопрос другой. Хомфрей добавлял к правительственной субсидии на содержание «домов для андаманцев» даже из собственного кармана сумму, равную почти половине его месячного жалованья. В период его деятельности андаманцы должны были ухаживать за садами, свиньями и домашней птицей и пасти скот. Кое-кто работал в качестве лодочников, но это им не очень-то нравилось. Единственной пользой от этого было использование заработанных андаманцами денег для увеличения средств «домов для андаманцев», в которых они содержались.

Генерал-майор Дональд Стюарт, сменивший полковника Мэна, отдал должное деятельности Хомфрея. «Следует признать, что его система управления принесла наиболее благоприятные результаты», — с удовлетворением писал он.

Тем временем снова был повторен эксперимент — на этот раз в Калькутту направили двух мальчиков-аборигенов. Их окрестили Кидди Бой и Топси — очевидно, последнее было излюбленным именем как для мальчиков, так и для девочек, которое англичане давали аборигенам. Одного из них поселили в детском доме для мальчиков, а другого — в доме общества церковных миссий. Вскоре Топси умер от воспаления легких. Он простудился после того, как вместе с Боем принял приглашение проживающего по соседству джентльмена продемонстрировать умение нырять. Потом ребятам дали спиртного, чтобы они могли согреться, и... оставили лежать на сырой земле в мокрой одежде. Через несколько месяцев Кидди Бой также скончался от воспаления легких.

Приняв должность в декабре 1874 года, Тусон обнаружил, что на острове Вайпер андаманцев заставляли работать лодочниками и на прополке огородов. Прибывшие на остров 50 заключенных стали фактически надсмотрщиками за аборигенами, строго контролируя их работу и пресекая все попытки островитян бежать в джунгли. Однако Тусон решил отозвать оттуда заключенных и предоставить андаманцам свободу передвижения, после чего они незамедлительно возвратились в джунгли.

В феврале 1875 года, через два месяца после вступления Тусона в должность, в «доме для андаманцев» на острове Кид были убиты четверо заключенных. Как выяснилось, заключенные послали андаманцев собирать для них листья бетеля, черепах и раковины. К сожалению, те не нашли того, за чем их послали, но принесли сахарный тростник. Сержант отобрал у них тростник, но отказался дать в качестве вознаграждения немного фруктов. Раньше, когда они что-нибудь приносили, то всегда что-то получали взамен. Новшество сильно обидело андаманцев. Они ушли, но вечером, когда стемнело, возвратились и убили сержанта и его товарищей. Через несколько месяцев другие андаманцы поймали убийц и передали в руки властей. Один из них тут же бежал, а пять других участников убийства заключен-

ных были приговорены к шести месяцам строгого заключения и помещены в тюрьму на остров Вайпер.

Деятельность Тусона в качестве управляющего «домами для андаманцев» была недолгой. На его место 19 июня 1875 года прибыл Эдуард Мэн, сын полковника Генри Мэна. Назначен был также и новый Главный комиссар — генерал-майор Баруэлл вместо генерал-майора Дональда Стюарта.

Эдуард Мэн старался использовать андаманцев в качестве плотников, кузнецов, на прополке огородов и на других работах. Хотя за свою работу они получали вознаграждение, вскоре стало очевидно, что андаманцы не заинтересованы в подобного рода деятельности. Во всяком случае, все андаманцы ясно показали, что желают возвратиться в джунгли, и при первой же возможности большинство из них это сделало.

Андаманцы наряду с полицией все чаще стали использоваться не только для поимки сбежавших заключенных, но и для розыска андаманцев, которые совершили преступления против своих же соплеменников или были враждебно настроены по отношению к властям. Однажды аборигена Майа Биаху спросили, какую награду он пожелал бы получить, если помог бы поймать бежавших заключенных. Биаха ответил, что станет помогать лишь в том случае, если освободят тех аборигенов, которые отбывали срок на острове Кид за убийство заключенных. Осужденных освободили. К тому времени они уже отбыли две трети своего срока, а один андаманец умер.

Эдуард Мэн за время своей деятельности в качестве верховного управляющего «домами для андаманцев» обнаружил, что многие аборигены больны сифилисом. В «доме для андаманцев» на острове Вайпер в феврале 1876 года врачи обратили внимание на то, что на телах у некоторых его обитателей болячки. Больных изолировали. Сначала решили, что это болезнь несерьезная, но вскоре выяснилось — все они больны сифилисом. В течение трех или четырех лет сифилис буквально косил аборигенов поселения. Главным виновником оказался старший надсмотрщик Шера — заключенный, в течение нескольких лет отвечавший за «дома для андаманцев». Шеру немедленно возвратили в рабочую команду, но вряд ли это способствовало излечению тех, кого он уже успел заразить. Сифилис стал главной причиной высокой смертности среди андаманцев. В отчете министру

внутренних дел при правительстве Индии генерал-майор Баруэлл писал, что «все заключенные, прикрепленные к „домам для андаманцев“, были обследованы врачом с острова Вайпер и все оказались здоровыми, за исключением старшего надсмотрщика Т. Шеры. Последний страдал тяжелой формой сифилиса и от этого заболевания скончался. После тщательного расследования установлено, что болезнь известна андаманцам в течение трех или четырех лет. Оказалось, что некоторые женщины имели незаконную связь с надсмотрщиками из осужденных в течение нескольких лет. Мне показали ребенка примерно трех лет — у него налицо были все признаки этого заболевания».

Вместо того чтобы признать свою ответственность за допущенную оплошность — не было произведено медицинское освидетельствование заключенных, в частности тех, кто занимал какие-либо должности или жил в «доме для андаманцев», — Главный комиссар, в типично ханжеской манере, попытался переложить вину на андаманцев, приписав им «аморальное поведение».

Удивительная реакция! Баруэллу следовало бы знать, что заключенные часто склоняли андаманских женщин к сожителству путем угроз и запугивания.

Эдуард Мэн сначала не осознавал размеров распространенной болезни, но когда понял, то (следует отдать ему должное!) старался сделать все от него зависящее, чтобы помешать ее дальнейшему распространению. Но было уже поздно. Бороться с сифилисом мешали также обычаи и привычки аборигенов. Андаманцы терпеть не могли сегрегации, поэтому очень трудно было изолировать больных от здоровых. Болезнь распространялась все больше еще и потому, что среди женщин существовал обычай кормить грудью чужого ребенка. К тому же все андаманцы без исключения не желали лечиться. Они предпочитали оставаться в своих лачугах, но только не жить в «доме для андаманцев» и проходить там курс лечения. Аборигены обычно спали все вместе, и инфекция распространялась через царапины, порезы и болячки. Тем временем болезнь приняла такие размеры, что практически на Больших Андаманах не осталось ни одного не зараженного аборигена.

Получив под начало «дома для андаманцев», Мэн отдал приказ аборигенам, проживающим в них, носить одежду. Этот приказ был отдан совсем не из тех сооб-

ражений, что одежда послужит в какой-то мере защитой от инфекции, просто вид обнаженного аборигена, видите ли, был оскорбителен для европейца. Мэн запретил также выдавать аборигенам ром. Он хотел, чтобы они пили только чай. Тогда они пристрастились к опиуму, ставшему еще одной причиной их вымирания. (В настоящее время, очевидно в результате этого пуританского приказа, аборигены настолько привыкли к опиуму, что, несмотря на полицейский надзор и изоляцию, оставшиеся 24 андаманца с маленького острова Стрейт все-таки как-то ухитряются добывать опиум.)

Пока Мэн отчаянно сражался с сифилисом, вспыхнула эпидемия трахомы. В результате многие аборигены ослепли или частично потеряли зрение. Мэн заболел тоже. Очевидно, он заразился, ухаживая за больными. И в довершение всего в марте 1877 года разразилась эпидемия кори. Сначала заболели жители поселения. Видно, кто-то завез корь из Индии. Первыми заболели несколько мальчиков в андаманском детском приюте на острове Росс. Болезнь распространялась как лесной пожар, а поскольку ранее никто из аборигенов ею не болел, то иммунитет отсутствовал, и они умирали сотнями. Мэн пытался установить для больных карантин, но безуспешно. По некоторым оценкам, половина, если не две трети андаманского населения на Больших Андаманах скончались от кори. Эдуард Мэн отметил интересный факт: полные, высокие андаманцы тяжело переносили корь, а худые и низкорослые сопротивлялись болезни лучше, и многие из них выжили.

Хотя Мэн был очень занят борьбой с сифилисом и последствиями эпидемий трахомы и кори, однако он все-таки нашел время для поездки к андаманцам, живущим на севере, с которыми до этих пор контакт был налажен плохо. В мае 1877 года, а затем в марте 1878 года на судах «Энтерпрайз» и «Райфлмэн» он объехал острова и собственными глазами увидел плачевную картину последствий эпидемий. На некоторые острова ему удалось высадиться и передать подарки племенам, населяющим эти места, а иногда даже уговорить аборигенов подняться на судно и там получить дары. Мэн старался способствовать укреплению дружественных отношений между северными племенами и британской администрацией. Его работа получила признание. В одном из своих докладов генерал Баруэлл писал, что благодаря в основном усилиям и такту Э. Мэна был

достигнут прогресс в отношениях с разными племенами. Правительство Индии в одной из своих резолюций отмечало, что отношения администрации с андаманцами улучшились и в этой области следует особо отметить большие заслуги Мэна.

В результате «улучшения отношений» андаманцы были почти полностью «укрощены», так как их некогда многочисленное население на архипелаге уже в 1891 году стояло на грани полного исчезновения в результате насильственного изменения их образа жизни. К тому же они были сильно истощены завезенными с материка заразными болезнями.

ЕЩЕ ОБ ОНГЕ

Джаравы и сентинелы продолжали занимать враждебную позицию по отношению к поселенцам, лишь с онге в конце концов англичанам удалось завязать подобие дружеских отношений. Для того чтобы проследить этот процесс, следует вернуться к 1867 году. До того времени онге, жившим на Малом Андамане, удавалось избегать внимания англичан, ведь остров фактически недосыгаем. Море там беспокойное, так как чувствуется сильное влияние прибоя, и до недавнего времени не было пристаней. Даже доктор Фредерик Джон Муат, подбиравший удобное место для поселения каторжан в 1857 году, не сделал ни одной попытки высадиться на Малом Андамане.

В апреле 1867 года майор Нельсон Дэвис, секретарь английского Верховного комиссара в Бирме, совершил инспекционную поездку в Порт-Блэр. (В тот период Андаманские острова находились под административным контролем Верховного комиссара Бирмы.) За ним пришло судно «Аракан», чтобы привезти его назад, в Рангун. С почтой, доставленной судном, пришла телеграмма от судовых агентов — братьев Баллок. В ней говорилось: «В полдень 21 марта (в Рангун) прибыло судно „Ассам велли“ под командованием старшего помощника. Капитан и семь членов экипажа высадились на берег у южной оконечности Малого Андамана; видели, как они выходили из шлюпки; спустя час на берегу заметили толпу аборигенов. Они танцевали. С тех пор ни

один европеец не вернулся на „Ассам велли“. Судно ожидало их до субботы, затем прибыло сюда. Просьба сообщить властям».

Решили, что европейцы убиты. Дэвис вручил эту телеграмму Форду, бывшему тогда Главным комиссаром, и отдал приказание немедленно направить к месту исчезновения моряков судно «Квантунг». Основной задачей экспедиции, поставленной Дэвисом, было отыскать пропавших людей или следы того, что с ними произошло. Поисковая группа должна была принять все меры предосторожности против неожиданного нападения аборигенов. До тех пор, пока не будут получены достоверные доказательства об убийстве кого-нибудь из европейцев, никаких карательных мер по отношению к аборигенам предпринимать не предлагалось.

К сожалению, судна «Квантунг», да и самого Хомфрея, который, как предполагалось, возглавит эту экспедицию, в то время в Порт-Блэре не оказалось — он занимался поисками другого судна, потерпевшего кораблекрушение. Но в порту стояла «Сильвия». Поэтому было решено направить это судно в спасательную экспедицию. 16 апреля «Сильвия» под командованием капитана Брукера взяла курс на Малый Андаман. Однако через два дня судно возвратилось в Порт-Блэр из-за того, что начался сильный прибой и Брукер не сумел причалить к берегу. Но его команде удалось найти кусок каната и синюю матросскую шапку. Они выпустили три ракеты, после чего на берег вышло несколько аборигенов.

Когда «Сильвия» вернулась в Порт-Блэр, «Квантунг» уже был там. «Квантунг» тут же направился на Малый Андаман. Хомфрей, руководивший этой экспедицией, прихватил с собой нескольких андаманцев. Капитан судна лейтенант Дункан, сделав две неудачные попытки причалить к берегу, решил обогнуть юго-восточную оконечность острова и там бросить якорь. Наконец 21-го числа три шлюпки смогли доставить спасательную группу на берег. В ее состав входил и Хомфрей. Однако шлюпки сразу же отошли от берега на более глубокую воду. Как только онге заметили чужестранцев, они сразу же выбежали из укрытия и знаками показывали, чтобы пришельцы убирались вон. Группа Хомфрея кинулась назад к шлюпкам, вслед им полетели стрелы, два человека было ранено. С судна ответили огнем. Пока группа добиралась вброд к шлюпкам,

их продолжали осыпать стрелами. Раздался еще один залп — онге исчезли.

Дэвис остался недоволен исходом и этой экспедиции. Он хотел точно знать, живы ли члены экипажа «Ассам велли», поэтому направил на Малый Андаман судно «Аракан» под командованием капитана Барроу, дав ему в помощь двух офицеров — Дэна Иствуда и Хомфрея. Последний снова взял с собой нескольких андаманцев. В спасательную группу входил также небольшой военный отряд из 25 солдат и матросов под командованием лейтенанта У. Мача. Доктор Дуглас присоединился к ним в качестве врача, а лейтенант Глассфорд, недавно прибывший в поселение каторжан, добровольно вызвался сопровождать их.

Перед отплытием капитан У. Дейкейн, командующий войсками в Порт-Блэре, приказал участникам экспедиции, если погодные условия будут им благоприятствовать и они сумеют произвести высадку, разделить людей на три группы: первые две высадятся на берег, а третья останется в шлюпках, чтобы при первой возможности суметь оказать помощь людям на берегу. Двум группам на берегу следует держаться вместе или же на небольшом расстоянии друг от друга и при необходимости оказывать помощь. В случае, если аборигены, завидев людей на берегу, будут вести себя воинственно, то группа прикрытия должна открыть огонь, при этом по возможности стараться только ранить, а не убивать аборигенов. Надо было постараться взять в плен раненых и тех, кто попытается убежать, и таким образом получить необходимую информацию.

Если аборигены будут проявлять явную враждебность, то каждый участник спасательной группы должен вести огонь в соответствии с приказом. Встретив дружеский прием со стороны аборигенов, спасателям следует прибегнуть к услугам переводчика и сопровождающих их андаманцев, но при этом не терять бдительности.

Офицер, командовавший высадкой, согласно приказу У. Дейкейна, не должен был далеко отходить от берега, если в этом не возникнет острой необходимости.

Поскольку это была единственная в английской военной истории экспедиция, в ходе которой пятерых участников наградили самой желанной наградой английских военных — крестом Виктории, то в этой связи определенный интерес представляет отчет лейтенанта

Мача: «6-го числа мы бросили якорь в восточном заливе (сейчас — залив Хат. — *Прим. ред.*) и на следующее утро исследовали место, где, видимо, были захвачены аборигенами члены экипажа „Ассам велли“. Около 8 часов 30 минут утра я покинул судно и в сопровождении старшины, шести моряков, сержанта-индийца и четырех рядовых саперов направился на втором катере к скале, на которой, как предполагают, произошло массовое убийство. На гичке отбыли Хомфрей, два сапера и несколько андаманцев. На первом катере находились сержант, капрал и 8 рядовых — они должны были прикрывать высаживающиеся группы.

Примерно в 150 ярдах от берега мы почувствовали влияние прибоя, затруднявшего высадку, и Дэн, командовавший людьми в лодках, отдал приказ оставить их и идти вброд к берегу. Неся ружья на вытянутых руках, мы отправились вброд. На берегу мы первым делом стали сушить амуницию и порох.

Два сапера и абориген, которые согласно приказу должны были высадиться с нами, этого сделать не сумели, так как Хомфрей не подогнал свою шлюпку близко к берегу — он не смог высадиться в течение всего дня, что, без сомнения, повлияло на успешный ход экспедиции. Группа под моим командованием, высушив амуницию и порох, двинулась вдоль берега в восточном направлении к скале, до подножия которой доходит вода во время прилива. Приблизительно в 50 ярдах от этой скалы на сухом песке мы обнаружили череп европейца (так по крайней мере уверял Дуглас), немного дальше — ботинок, подобный тем, которые носят матросы, а ближе к скале — обломки шлюпки. На опушке мы нашли следы костра — здесь, по-видимому, готовили пищу.

Пройдя еще около 100 ярдов, мы заметили группу аборигенов, которые время от времени выглядывали из кустов. Как только мы приблизились, они пустили в нас стрелы. Я обратил внимание, что многие аборигены отступают, и решил, что они собираются окружить нас, поэтому отвел назад левый фланг нашей группы и продолжил движение вперед. По прибытии на место, если его так можно назвать, я обнаружил, что у нас не хватает боеприпасов, и просигналил второму катеру, чтобы он подошел к берегу и забрал нас.

Услышав наш сигнал, Дэн стал подавать катер кормой. Был слабый прилив, Дэн очень торопился и пото-

пил катер, при этом несколько человек утонуло, среди них лейтенант Глассфорд. Это произошло около 11 часов утра. Тогда я повел свою группу к восточной бухте в надежде найти там место, с которого можно было бы погрузиться в шлюпки. Первый катер, в котором находились два человека, следовал за нами вдоль побережья. Они стреляли по аборигенам.

Приблизительно ярдов через 300 мы наткнулись на засыпанные песком трупы четырех человек. Я увидел лишь головы. Я не мог внимательно разглядеть трупы, потому что все мои мысли были поглощены тем, как выбраться из положения, в которое мы попали из-за недостатка боеприпасов, потери шлюпки, к тому же мы не знали численности нападавших. Матрос Уотсон нашел разорванную матросскую куртку, которую потом мы доставили на судно.

Около двух часов дня, обнаружив, что шлюпка с двумя солдатами, как и другие, не следует за нами, мы пошли к тому месту, где высадились утром. Сюда с первого катера выслали плот, на который перебрались Дэн, два матроса и я. Мы отошли приблизительно ярдов на 300 от берега, когда волна смыла меня и Дэна с плота. Измученные борьбой с волнами, мы с трудом добрались до берега. Тридцать зарядов нам доставили с судна плотом. Больше не удалось.

Старания второй гички преодолеть прибой и приблизиться к берегу, чтобы снять нас с плота, также оказались безуспешными. За это время часть наших боеприпасов подмокла.

Новая попытка, предпринятая Дугласом для нашего спасения, окончилась благополучно. Голодных и измученных, нас доставили на судно. Мы подняли якорь и на следующий день уже были в Порт-Блэре.

На мой взгляд, мы уничтожили около 30 аборигенов. Сержант-индеец, который углублялся на некоторое расстояние в джунгли, заверял, что было убито около 100 человек.

Не смея давать слишком высокую оценку всем участникам спасательной группы, доктора Дугласа, рисквавшего своей жизнью и совершившего три рейса к побережью с солдатами, хотелось бы отметить особо. Рядовые Мэрфи, Купер, Белл и Гриффитс, четверо добровольцев, также вели себя хладнокровно, самоотверженно борясь с жесточайшим прибоем, когда из-за малейшего промедления одного из них могли пострадать все.

Я могу выразить от себя лично и от имени тех, кто находился со мной на берегу, глубокую благодарность доктору Дугласу за оказанную нам помощь. Хотелось бы, чтобы имена тех, кто спас жизни другим, рискуя собственной, стали известны правительству».

Правда, экспедиции не удалось спасти членов экипажа «Ассам велли» (видимо, к тому времени их уже не было в живых), однако из отчета лейтенанта Мача следует, что ее участники столкнулись с огромными трудностями.

Специальным указом королева наградила крестом Виктории за «героический подвиг», совершенный 7 мая 1867 года членами спасательной экспедиции, Дугласа, Мэрфи, Купера, Белла и Гриффитса.

Ходили слухи, будто собираются послать еще одну экспедицию на Малый Андаман для дальнейшего выяснения судьбы пропавших членов экипажа «Ассам велли», но этому замыслу не суждено было осуществиться. Следующие пять лет об онге не поступало никаких сведений. В апреле 1873 года генерал Стюарт решил совершить поездку на Малый Андаман. Не успел он вернуться из этой краткосрочной поездки, как получил сообщение, что на Малом Андамане убито пять членов экипажа «Квантунг», высадившихся на остров в поисках воды. Стюарт решил послать экспедицию для спасения матросов, если, конечно, они еще живы, но главным образом он желал наказать «непокорных островитян».

Экспедиция отбыла на судне «Андаунтед». Ей не удалось обнаружить никаких следов пропавших, и тогда они решили расправиться с островитянами. Они сожгли четыре хижины, расположенные приблизительно в полумиле друг от друга (в каждой из них размещалось около 40 человек), а одна, имевшая в диаметре около 60 футов, была по крайней мере человек на 150. Когда они поджигали первую хижину, на них напали онге, и между членами экспедиции и островитянами произошла жестокая схватка. Вполне естественно, победили сильнейшие. При этом им удалось захватить одного пленного (впоследствии он умер в заточении). Во время схватки два рядовых индийца получили ранения, один из них — серьезное. Затем пришельцы сожгли остальные хижины. Все попытки с помощью пленного познакомиться с языком онге оказались безуспешными.

Стюарт продолжал верить, что онге, подобно корен-

ным жителям Большого Андамана, должны наконец подружиться с англичанами. Чтобы снискать расположение островитян, англичане использовали проверенный метод — время от времени они наносили визиты онге и оставляли для них подарки. В конце концов Стюарт понял, что мимолетные, редкие визиты вряд ли могут сослужить добрую службу в налаживании дружеских отношений с онге, тут необходимы выдержка и время. Прошло семь лет, но за это время ничто не изменилось в их отношениях.

После того как в начале 1878 года на пост Главного комиссара вступил полковник Кэделл, он и Портмен, сопровождаемые другими офицерами и некоторыми жителями Андаманских островов, стали чаще появляться у онге. Обычно они приезжали и оставляли островитянам подарки, которые онге с удовольствием подбирали. Никаких серьезных столкновений с ними не происходило. В очередное свое посещение Малого Андамана в январе 1885 года сопровождаемый Кэделлом Портмен послал нескольких андаманцев на берег с подарками. Островитяне тепло встретили гостей, которым удалось убедить мальчика лет 14 пересесть в их лодку и подняться с ними на судно. Мальчик бесстрашно отправился на судно и вскоре вернулся на берег со множеством подарков. Портмену даже удалось взять с собой одного онге лет 22 по имени Талим.

Во время посещения острова Большой Синк англичане схватили 24 аборигена. Пятнадцать человек они вскоре отпустили. Портмен считал это событие весьма важным, поскольку выпущенные островитяне могли бы общаться с онге Малого Андамана. В марте 1886 года Портмен снова поехал туда и провел целый день с островитянами.

Теперь подарки на Малый Андаман доставлялись каждые две недели. Это были железные поделки, панцири черепах, кабаны, яркая одежда, кокосовые орехи и ямс.

Так, по мнению англичан, завязалась их дружба с онге. В настоящее время самые хорошие отношения у них с онге, а не с представителями других племен. Немалая заслуга в этом и Портмена, который провел почти два месяца на Малом Андамане в гостях у онге.

Портмен близко узнал многих онге и пришел к выводу, что они в меньшей степени консервативны, чем другие племена, и готовы «променять свои собственные

обычай на все, что им покажется лучшим». Возможно, именно поэтому им удалось выжить. Но надолго ли? Это вопрос, на который ни антропологи, ни кто-либо другой пока не могут дать ответа.

НЕПОКОРНЫЕ ДЖАРАВЫ

Первые письменные свидетельства о племени джарава встречаются в дневнике лейтенанта Роберта Гайда Колбрука, ставшего к концу карьеры в Индии генеральным топографом. В 1789—1790 годах он совершил путешествие по Андаманским островам вместе с коммодором²⁹ Вильямом Корнуоллисом, братом лорда Корнуоллиса, бывшего в то время генерал-губернатором Индии. В записи от 26 декабря 1789 года он сообщал, что их корабль зашел в бухту возле Порт-Корнуоллиса (ныне — Порт-Блэр). На берегу они увидели хижину, которая сначала показалась им обитаемой, но вскоре обнаружили, что она пуста. Это была жалкая маленькая хижина из веток и листьев. Они нашли в ней подвешенные к потолку с помощью веревок кости, принадлежащие дикому кабану. Земля вокруг хижины была усеяна раковинами устриц, мидий и других съедобных моллюсков. Возле ручья на дереве они заметили аборигена. Как только он их увидел, быстро и ловко, как обезьяна, спустился с дерева и исчез в джунглях.

Во второй половине дня они встретились еще с одним аборигеном и остановились, чтобы поговорить с ним. По словам Колбрука, это был мужчина среднего роста и довольно хорошего телосложения. Его густые и курчавые волосы были покрыты красной глиной, а все тело обмазано грязью. Вокруг шеи и на левой руке он носил что-то вроде украшения, которое, как им показалось, было сделано из сухой травы.

В сообщении, которое в 1794 году было опубликовано в журнале Азиатского общества Бенгалии, Колбрук снова обратился к описанию аборигенов. Он сообщал, что они ходят совершенно голыми, а женщины иногда носят что-то вроде кисточки или бахромы вокруг пояса, которые предназначаются для украшения;

---

²⁹ Коммодор — военно-морское звание, соответствующее бригадиру в сухопутных войсках.

он заметил, что без этих украшений они не проявляют никаких признаков стыдливости.

Те, кто встречался с джаравами, согласится, что это описание правдиво. Кроме того, Портмен обнаружил, что почти половина слов в словаре андаманского языка, который составил и включил в свою монографию Колбрук, принадлежит языку джаравов.

Это свидетельствует о том, что аборигены, с которыми лейтенант Блэр и другие члены его администрации поддерживали дружеские отношения, вероятно, были из племени джарава Южного Андамана. Более того, возможно, что те аборигены, которых в 1790 году привезли в Калькутту, также были джаравами. Портмен обращал внимание на то, что многие отложения из хозяйственных отбросов (в районе сегодняшнего Порт-Блэра), которые ему пришлось видеть, по-видимому, остались от старых поселений джаравов, потому что в них были (как ему говорили другие андаманцы) остатки таких продуктов, которые едят лишь эти люди, а остальные андаманцы ими брезгуют.

По неизвестным причинам к тому времени, когда англичане во второй раз заняли остров, андаманцы стали намного сильнее и захватили почти все земли вокруг бухты, оттеснив джаравов в глубь острова. Между двумя этими племенами шла постоянная война. Враждебность джаравов возрастала по мере того, как у англичан устанавливались все более тесные отношения с андаманцами. Вскоре они стали проявлять свою ненависть к англичанам открыто.

Вполне возможно, что во время своего первого пребывания на острове команда Блэра заразила джаравов венерическими болезнями. Это стало одной из причин того, что численность их резко сократилась.

Как мы уже писали, в июле 1863 года Корбин повел группу своих людей на поиски нового пути через внутреннюю часть острова — от Порт-Блэра до западного побережья. Они не встретили на своем пути джаравов, но два проводника-андаманца. Топси и Джако, далк Корбину понять, что им может встретиться враждебное племя аборигенов, которых они сами, по-видимому, очень боялись. В отчете от 3 января 1865 года Форд замечал, что аборигены, живущие на юге острова, причиняли им очень много беспокойства. Совершенно очевидно, что он имел в виду джаравов. В марте 1867 года Хомфрей писал, что ему довелось, преследуя беглых

каторжников, посетить остров Норт-Сентинел, который находится приблизительно в 25 милях от Порт-Муата. Его сопровождали несколько андаманцев. Однажды на берегу они увидели обнаженных длинноволосых людей. Их было человек десять. Они глушили рыбу. Андаманцы объяснили Хомфрею, что эти люди — джаррахваллахи и относятся к ним недружелюбно. Несколько лет назад андаманцам пришлось столкнуться с этим племенем на острове Ратленд, и в сражении джаррахваллахи ранили вождя андаманцев.

Теперь уже точно установлено, что джаравы, населяющие Норт-Сентинел, наиболее враждебны по отношению к чужеземцам.

Главный комиссар Стюарт в докладе от 9 августа 1878 года писал о джаравах, что их никогда не встретишь на побережье главного острова и они недружелюбно относятся к другим племенам. Стюарт давно мечтал захватить хотя бы одного джарава, и это ему удалось. Однажды двух джаравов очень ловко поймал Гудур, возглавлявший группу добровольцев-каторжников с острова Вайпер. Прихватив с собой провизии дня на три, они отправились в район обитания джаравов. Вскоре они натолкнулись на группу джаравов, состоящую приблизительно из 50 человек. Они танцевали. Гудур спрятал своих людей в джунглях и приказал им не двигаться с места, пока этого не потребуется, а сам, держа в руках несколько зеркалец, направился к танцующим. Джаравы бросились врассыпную, но один все-таки задержался, чтобы взглянуть на зеркальце, и таким образом был пойман. Джарава стал кричать и звать на помощь. После некоторого колебания его друзья вернулись и стали угрожать Гудуру. Но теперь на помощь позвал Гудур, и джаравы, увидя, что каторжников много, убежали, даже ни разу не выстрелив из лука. Поймали также и молодую женщину — она не смогла быстро убежать, так как была беременна. Этих двух джаравов продержали в поселении недели две, хорошо с ними обращались, а затем отпустили в том же месте, где поймали, и дали с собой много подарков.

Портмен писал, что раньше джаравы относились к ним намного лучше. Он сожалел, что с ними так и не удалось установить дружеских отношений.

В декабре 1875 года джаравы поймали шесть каторжников. Пятеро из них вернулись, пробыв в плену 19 дней. В начале следующего года на поиски джара-

вов направили две экспедиции. В результате хижины джаравов были ограблены, а оружие и утварь унесены. Разумеется, в качестве небольшой компенсации члены экспедиции оставили в хижинах подарки, но, по словам Портмена, они им были не нужны, поскольку состояли из спичек, трубок, табака и зеркала, назначение которых джаравам было неизвестно.

В июле 1876 и июне 1877 года также организовывали экспедиции на джаравов, но успехом они не увенчались. Новая экспедиция в апреле 1878 года привела к поимке женщины и двух маленьких детей из племени джаравов. Через сутки после этого на поселение, где они содержались, напали джаравы. Андаманы, жившие там, очень испугались, поэтому женщину и детей решили отпустить с многочисленными подарками.

Лет тринадцать остров Порт-Сентинел никем не обследовался, и лишь в январе 1880 года Портмен вместе с Главным комиссаром Кэделлом посетили этот остров. Однако они обнаружили только тропы и несколько покинутых деревень. Через некоторое время Портмен снова прибыл на этот остров на борту судна Индийского географического общества «Констанс» и провел там две недели. Однажды ему удалось захватить женщину и четырех маленьких детей. Несколько дней их продержали на борту судна, а затем отпустили с неизменными многочисленными подарками. Вскоре после этого Портмен и лейтенант Хупер с «Констанса» встретили старика джаравы, его жену и детей.

Группа с судна двигалась в форме полумесяца, и джаравы вышли на ее центр, где оказались лейтенант Хупер и Портмен. Старик натянул лук и уже метил в голову лейтенанта Хупера, когда ординарец Портмена, находящийся в тот момент на правом фланге, подобрался к джараву сзади, прыгнул ему на спину и помешал выстрелить. Джаравов взяли живыми и невредимыми и доставили на борт судна. На следующий день их отправили в Порт-Блэр. Несколько дней они жили в доме Портмена. Старик и его жена сразу же заболели и умерли, а детей отправили назад с подарками.

20 мая того же года Портмен снова отправился в залив Констанс на барже, взяв с собой 30 каторжников и 120 андаманцев. Он пробыл там три недели. Погода не благоприятствовала экспедиции. Однажды один каторжник, старший надсмотрщик Нуреддин, отправился «взглянуть на холмы» с несколькими андаманцами и

вернулся оттуда со стариком, тремя женщинами и шестью детьми. Их отвезли в Порт-Блэр, а Портмен отправил их на остров Вайпер. Эти люди тоже заболели. Недели через две их пришлось освободить.

Так продолжалось и дальше: столкновения с джаравами, после которых направлялись к ним экспедиции, захват джаравов, а затем их неизбежное освобождение. Годвин-Остин, временно исполнявший обязанности Портмена, писал в годовом отчете за 1882/83 год, что джаравы за прошедший год доставили гораздо больше беспокойства, чем когда бы то ни было ранее. По его мнению, это произошло потому, что через их территорию англичане пытались проложить дороги.

В последующие годы было много разного рода столкновений с джаравами. Стало ясно, что они не доверяют никому, в особенности андаманцам; не менее враждебно относились они и к каторжанам. Попытки заполучить их оканчивались неудачей, поскольку даже если и удавалось захватить одного или двух, то по прибытии в поселение они или вскоре умирали, или заболели и приходилось возвращать их домой. Тем не менее однажды девушка из племени джаравов, захваченная 7 апреля 1885 года экспедицией, состоявшей из андаманцев, каторжников и полицейских, влюбилась в молодого андаманца по имени Марк и пыталась убедить его вернуться в джунгли вместе с ней. Однако Марк на ее уговоры не поддавался.

Другой джарава, которого захватили в том же году и назвали Айком, научился немного говорить на хинди. Казалось, он даже подружился с андаманцами. Его отпустили и дали с собой, по словам Портмена, все, что тот хотел, в надежде, что этот парень вернется и доброе отношение к нему произведет сильное впечатление. Но эти надежды не оправдались, так как через некоторое время в стычке между джаравами и андаманцами Айк унес из андаманского лагеря все, что сумел. При этом он выкрикивал оскорбления на хинди.

В своем ежегодном отчете за 1890/91 год Портмен писал, что окажись он среди джаравов, как это ему удавалось делать на Малом Андамане, то, несомненно, с течением времени сумел бы установить с ними дружественные отношения. Портмен сообщал, что это племя малочисленно. Джаравы скитаются по бескрайним джунглям, время от времени появляясь на побережье или у поселения. Они убивают любого каторжника, ко-

торый встретится на их пути. Преследуя кого-то, племя разбивается на группы по два-три человека и в случае опасности мгновенно ретируется. Портмен отмечал, что поселенцы редко видели джаравов и эти встречи были чистой случайностью. С теми немногими джаравами, которых удалось «заполучить» за последние десять лет, поселенцы обращались хорошо и вернули их сородичам, но это никак не сказалось на их отношениях с другими джаравами.

Однако Портмен не терял надежды и считал, что, организуя по территории джаравов походы андаманцев, которым даются строгие инструкции не проявлять к джаравам враждебности, он таким образом приучит это племя к их присутствию. По его мнению, в деревнях джаравов следует оставлять продовольствие и предметы, которые ими особенно ценятся, собственность же самих джаравов оставлять неприкосновенной. Настанет наконец такое время, когда эти непокорные люди увидят, что пришельцы не причиняют им вреда, и станут дружелюбнее. И все-таки в 1895 году он, по-видимому, оставил всякую на это надежду. И уже в отчете за 1894/95 год он писал, что единственный способ «приручить» джаравов — это послать к ним вооруженные группы, состоящие из полицейских и каторжан, как это делалось ранее. При этом андаманцев следует использовать только для выслеживания джаравов, поскольку они их очень боятся и могут действовать против них лишь под прикрытием охранников, вооруженных огнестрельным оружием.

Свой возврат к более жесткой политике он объяснял тем, что не стоит рисковать жизнью андаманцев, численность которых так резко снизилась, да и оставшиеся в живых — уже старики. Помощь андаманцев надо ценить, ведь они хорошо знают территорию джаравов, а джунгли после циклона 1891 года стали почти непроходимыми, так что при любой попытке захватить джаравов все преимущества на их стороне.

Портмен считал, что добиться покорности от джаравов, живущих на острове Норт-Сентинел, можно лишь при условии, что правительство превратит весь остров в кокосовую плантацию, а джаравов будут «приручать» для «научных и других целей». В таком случае чиновник, ведающий делами андаманцев, должен направить туда катер, баржу с цистернами для воды, парусный катер и несколько андаманских каноэ, поставить их на

якорь в лагуне на южной стороне острова и оставаться там приблизительно около двух месяцев. Поисковые партии будут прочесывать джунгли и ловить мужчин-джаравов, содержать их в лагере, вывозить на охоту за черепахами, кормить черепахами, ямсом и только такой пищей, к которой они привыкли у себя дома. Им следует преподносить подарки и часть из них отпускать через несколько дней в родные деревни.

Портмен предложил проводить аналогичную политику в отношении джаравов с острова Ратленд. Однако никакими сведениями о том, были или не были осуществлены предложенные им политика и методы обращения с джаравами, мы не располагаем.

В 1899 году Портмен сдал дела по управлению андаманцами, и после короткого периода «безвластия» в 1901 году на его место был назначен П. Во, бывший до этого заместителем комиссара в Порт-Блэре. К тому времени джаравы стали еще более враждебно относиться к пришельцам. Может быть, этому способствовала расчистка больших площадей джунглей. Таким образом у джаравов захватывались их владения. В ответ они убивали каторжан, занятых на работах в джунглях, и тех из них, кто использовался на службе в лесничествах. Поэтому в 1902 году Главный комиссар Ричард Темпл решил послать против джаравов карательную экспедицию во главе с П. Во, которого сопровождали заместитель лесничего Роджерс и помощник капитана порта Бониг. Во время экспедиции Бониг ежедневно делал записи в дневнике и подробно описал, при каких обстоятельствах был смертельно ранен П. Во и как он скончался от ран. Экспедиция провалилась.

В 1910 году была организована еще одна карательная экспедиция. Ее возглавил Фоссет, осуществивший военную власть и привлекший к экспедиции большие силы. Бониг сопровождал и эту экспедицию, но и она успеха не имела, хотя ей все-таки удалось обнаружить одну из стоянок джаравов.

Все это произошло потому, что участники экспедиции плохо ориентировались на местности, с трудом держали дистанцию в непроходимых джунглях. Кроме того, им помешала наступившая темнота. И все-таки англичане считали, что джаравы получили хороший урок.

И правда, некоторое время люди этого племени не заходили на «территорию», захваченную поселенцами,

их действия ограничились собственными владениями, однако имели место отдельные столкновения с англичанами. Но в 1917 году их нападения стали столь дерзкими, что однажды они отважились остановить и ограбить поезд. После этого события снова была организована еще одна карательная экспедиция, которую возглавил Д. Л. Морган. В группу входило 12 андаманцев, 16 полицейских и 35 кули. Он оставил описание своего столкновения с джаравами, которое произошло 26 февраля 1918 года.

Д. Л. Морган сообщал, что в 7 часов 30 минут утра они вышли к заводу и почти сразу же услышали где-то впереди шум. Андаманцы отступили, и он с пятью сипаями пополз вдоль русла пересохшего ручья. Прежде чем они приблизились к джаравам на расстояние выстрела, те услышали их и подняли тревогу. Люди Моргана бросились в деревню. Джаравы, побросав все, стремглав кинулись в джунгли. Морган увидел голую женщину с ребенком, юношу в красной набедренной повязке и одного взрослого джаравы. Морган всадил в него заряд крупной дроби из обоих стволов с расстояния в 15 ярдов. Джаравы бросил свой лук и стрелы и убежал в джунгли. Сипай Кирпа с близкого расстояния ранил дробью другого джаравы. Остальные люди из группы Моргана, вооруженные винтовками, тоже стреляли в убегающих джаравов. В русле пересохшего ручья они увидели много крови, и андаманцы пошли по этому следу, но вскоре потеряли его. Видимо, это была кровь раненых джаравов.

Деревня, в которую ворвались люди Моргана, состояла из десятка хижин, и проживало в ней человек 20—30 джаравов. Каждая хижина имела в высоту около 3 футов, а площадь ее равнялась 6 квадратным футам. В диаметре деревня была около 20 ярдов. Со всех сторон ее окружали густые джунгли, а неподалеку от нее протекал небольшой ручеек. Члены экспедиции разрушили два больших дома. Но были ли в них люди или нет, об этом ничего не сообщается. Морган также писал, что на их пути встретилось более 20 старых джаравских деревень. В каждой из них было от 7 до 15 хижин. В лесу они обнаружили много хороших тропинок. В каждом большом доме, который они разрушили, могло проживать до 100 человек. В деревне, которую они захватили 28 февраля, оказалось несколько женщин и детей. Если они находили следы взрослых джаравов, то

рядом обнаруживали и детские. Они прихватили с собой много сетей (их плетут женщины-джаравы) и маленькие сети, которые принадлежали детям.

Джаравы продолжали делать то, что стало для них обыденным, — нападать на каторжан. Во время одной из таких вылазок они ворвались в лагерь каторжан, работавших на уборке сахарного тростника, убили пятерых и троих ранили. По мнению англичан, этот лагерь находился за пределами земель, на которые претендовали джаравы, поэтому была организована карательная экспедиция во главе с К. Дж. Филдсом. Его сопровождали еще один офицер, Бейнс, группа из 15 полицейских, 6 андаманцев и 40 каторжан.

Филдс признавал, что «экспедиция вновь оказалась неудачной». Правительству пора было бы понять, что организация карательных экспедиций не ведет к решению проблемы джаравов. Такими действиями оно не могло ни успокоить, ни испугать джаравов, ни завязать дружбы с ними.

С каждым годом джаравы в своих отношениях с поселенцами становились все более агрессивными. Все чаще и чаще появлялись они в районе поселения, подстерегая людей из засады. За три года джаравы напали на 21 каторжника-поселенца. Поэтому в 1925 году была организована еще одна карательная экспедиция. В распоряжение администрации направили опытного военного — капитана Уэста, которому поручили возглавить экспедицию. Ему был выделен взвод в 30 человек из состава качинской³⁰ военной полиции.

Сообщалось, что во время этой операции было убито 37 джаравов. Эта экспедиция, как и предыдущие, не привела джаравов к покорности. Для того чтобы удерживать джаравов на их территории (по крайней мере на той, которую правители считали принадлежащей им), англичане еще в 1905 году создали также лесную полицию. Сначала в нее входили тщательно отобранные, дружественно настроенные андаманцы во главе с бирманцем. Затем численность ее увеличилась. В конце концов представителю именно этой полиции удалось растопить лед недоверия и установить хотя бы подобие каких-то отношений с джаравами.

---

³⁰ Государство Качин — феодальное княжество на севере Бирмы; с 1947 года — в составе Бирманского Союза.

Система содержания каторжан в поселениях на Андаманских островах мало чем отличалась от той, принципы которой выдвинул, сформулировал и проводил в жизнь С. Раффлз в бытность свою губернатором Суматры. Она сохранялась на Андаманах в течение многих лет, хотя различные высокопоставленные особы из англо-индийского правительства, нередко посещавшие острова с обследованием, отмечали неблагоприятное положение дел в поселениях.

В частности, вопрос о том, стоит ли преступников, осужденных на определенный срок, ссылать на Андаманы, долго дебатировался в самых разных инстанциях. Правительство по-прежнему уклонялось от прямого ответа. В какой-то период число преступников, приговоренных к определенному сроку каторжных работ, составляло 33% числа преступников, приговоренных к бессрочной ссылке. К 1906 году этот уровень был превышен. В результате отправку каторжников на Андаманы временно прекратили. Однако из-за отсутствия координации между властями в центре и властями в Порт-Блэре неожиданно было установлено, что к концу 1909/10 года это соотношение упало до 19,03%, что, естественно, создало на Андаманах известные проблемы. Так, из-за нехватки рабочей силы доход от работ леса упал до 23 198 рупий в 1908/09 году по сравнению с более 300 тысяч рупий в 1906/07 году. Поэтому в приказе от 24 августа 1910 года министр внутренних дел Индии Дж. Л. Дженкинс писал, что не видит причин, по которым следовало бы запретить отправку преступников на Андаманы. Он считал, что правительство может согласиться на отправку преступников, осужденных на определенный срок каторжных работ, на прежних условиях. Дж. Л. Дженкинс, побывав в Порт-Блэре, составил свое мнение о системе содержания каторжников и нашел ее «достаточно жесткой, хотя и несравненно лучше той, которая применялась в других индийских тюрьмах».

В период, когда Дж. Л. Дженкинс был министром, число работающих заключенных-мужчин возросло до 10 844, а женщин, содержащихся в тюрьме, — до 255.

В ноябре 1913 года на Андаманы прибыл с визитом член исполнительного совета при генерал-губернаторе,

Реджинальд Крэддок. Вернувшись из поездки, он представил доклад, в котором дал общее описание острова Росс, а также Чатам, расположенного в 3 милях от Росса. Крэддок писал, что на Чатаме находятся верфь и мастерские для мелкого ремонта судов и лодок, паровые лесопилки, которые проработали уже много лет и нуждаются в более современном оборудовании. На Чатаме расположены также дома для служащих, служебные помещения и бараки для работающих каторжников. К тому времени Чатам уже был центром лесного хозяйства, которым он остается и в наши дни.

Далее Крэддок писал, что на острове Вайпер, расположенном в 3 милях к юго-западу от Чатама, находится «безнадежно устаревшая тюрьма, так как она обветшала и пришла в негодность». Он сообщал, что Вайпер — центр западного района и на нем сосредоточены служебные помещения резидента и подчиненных ему сотрудников.

Крэддок писал о тюрьме с покамерным содержанием заключенных, что это — «большое трехэтажное кирпичное здание, построенное в форме звезды и обнесенное стеной». Тюрьма вмещала 703 каторжника, в ней располагались также и мастерские. По его мнению, она была самым современным зданием в поселении и учреждением, где «тюремная дисциплина поддерживалась должным образом».

В своем докладе Крэддок приводил также данные о численности каторжников на Андаманах того времени. Многозначительны и язвительны замечания, которые делал Крэддок по поводу методов содержания каторжан. Не лишены интереса и комментарии Крэддока по поводу карательных сторон этой системы. Так, он писал, что, «когда осужденные на пожизненную каторгу возвращаются после 17—20 лет, а осужденные на определенный срок — после отбытия срока, идея пожизненной экспатриации обесценивается». В наши дни, когда большое число индийских иммигрантов едет в отдаленные колонии, такие, как Фиджи или Британская Колумбия, а перегруженные пароходы везут рабочих из Мадраса в Бирму, из Индии на Цейлон, страх перед пересечением океана превращается в миф³¹. Отправка на Андаманы ничем не страшна бирманцу и почти ничем — индийцу. Вместе с тем было бы преувеличением считать,

³¹ Индийцам не разрешалось пересекать океан — это один из кастовых запретов.

что каторжники находят Андаманы приятным местопребыванием. Важным фактором во всей системе является разрешение на браки в колониях переселенцев и самообеспечение каторжников на поселении.

Стремление исправить положение посредством разрешения на браки между самообеспечивающимися поселенцами и каторжанками не привело к желаемым результатам.

Крэддок сообщил, что привычка к мужеложеству среди каторжан может настолько овладеть человеком, что разрушит семейную жизнь. Из этого замечания можно сделать вывод, что гомосексуализм среди каторжников распространялся широко. Можно ли их винить в этом, ведь женщин в поселении было так мало.

Правительство, по мнению Крэддока, должно было сделать выбор: либо отменить систему поселения каторжников на островах, либо «подлатать» систему таким образом, чтобы по возможности смягчить самые значительные ее недостатки, либо, наконец, полностью перестроить всю систему поселений на Андаманах, что невозможно без радикальных изменений в системе каторжных поселений в целом. Он считал, что в данных обстоятельствах этот вопрос должен быть подробно изучен тщательно подобранной комиссией, которая проанализирует всю систему содержания индийских тюрем и не ограничится только Андаманами.

После возвращения Р. Крэддока с Андаманских островов и представления им доклада 24 февраля 1914 года в Дели в зале совета имперского секретариата был созван Совет генерал-губернатора Индии под председательством вице-короля Х. Пенхерста. На этом Совете Рама Райянингар внес резолюцию, в которой говорилось: «Настоящий Совет рекомендует генерал-губернатору назначить объединенную комиссию из официальных и неофициальных лиц для исследования тюремной системы в целом и выработки предложений по ее улучшению на основе мирового опыта».

Принимая резолюцию от имени правительства, Р. Крэддок заявил, что сам лично пристально изучал, насколько это было возможно во время своего пребывания на Андаманах, систему каторжных поселений в Порт-Блэре. Больше всего его поразило тот факт, что система отправки в каторжные поселения слишком устарела и не предпринимается никаких серьезных попыток разграничить преступления. Имеется слишком мало ка-

тегорий, по которым распределяются преступники, оценка слишком груба и заранее predetermined, а методы исправления едины для всех.

Ескоре в Европе разразилась первая мировая война. Поэтому, естественно, все, что касалось каторжных поселений на Андаманах и назначения комиссии по вопросам тюрем, было забыто. И положение каторжников, и статус каторжного поселения на Андаманах, как такового, оставались практически без изменений. Только после окончания войны назначили комиссию по изучению тюремной системы в Индии под председательством А. Кардью. Как и следовало ожидать, среди директив, полученных комиссией по вопросам тюрем, была и такая, которая касалась Андаманских островов.

Комиссия, очевидно, прекрасно провела время, путешествуя по всему миру и посещая тюрьмы разных стран. Кроме Великобритании она побывала в Соединенных Штатах, Японии, на Филиппинах и в Гонконге. Разумеется, она изъездила всю Индию и Бирму. Эти поездки отняли у комиссии два года, но доклад, который она представила после огромного количества отчетов, оказался необычайно скромным.

Все же не лишены интереса некоторые комментарии комиссии по поводу системы поселений каторжан. Комиссия рассмотрела фактор недостаточного числа там женщин и критически высказалась в адрес администрации. По ее мнению, администрация должна любым способом обеспечить заключенного всем необходимым для устройства семейной жизни после выхода из тюрьмы с целью сделать из освобожденных каторжников ядро «здорового» общества на островах. В докладе говорилось, что разрешается заключать браки, известные под названием местных, между самообеспечивающимися каторжниками и женщинами-каторжанками. Однако эти женщины зачастую слишком стары и не могут иметь детей. Кроме того, «в основном это аморальные женщины, поэтому союз их с освобожденными преступниками едва ли сможет стать залогом крепкой, здоровой семьи».

Рекомендация о переводе женщин-заключенных в Индию была осуществлена на практике более или менее быстро. Когда комиссия посетила Андаманы, там было только 242 женщины.

Комиссия по вопросам тюрем рассмотрела различные варианты решения будущей судьбы поселения ка-

торжан. Так, в понимании Главного комиссара М. У. Дугласа, система поселений «должна быть развита и сохранена как исправительная система для более достойной категории заключенных». Этот путь был сразу же отвергнут. Другое предложение — о создании на острове Средний Андаман нового поселения — также не было принято на том основании, что «правительству нецелесообразно брать на себя ответственность и расходы, связанные с созданием нового поселения каторжан».

Комиссия представила на одобрение следующие рекомендации:

«Решение такого важного и трудного вопроса состоит в сохранении Андаманских островов в качестве места ссылки не того большого количества заключенных, которое направляется туда в настоящее время, а отдельных заключенных, устранение которых из Британской Индии, по мнению того или иного правительства³², послужит интересам общества. Соответственно мы рекомендуем, чтобы ссылка на Андаманские острова была прекращена, за исключением тех заключенных, в отношении которых генерал-губернатор в Совете пожелает дать указания в специальном или общем постановлении. В конечном счете число ссыльных сократится до небольшого контингента особо опасных преступников, которые будут сосредоточены только в тюрьмах. В будущем женщин не следует ссылать на Андаман, и поэтому женская тюрьма может быть использована для особой категории заключенных, ссылка которых предполагается в будущем».

Комиссия рекомендовала также отказаться от существовавшей в то время системы самообеспечения. Фактически рекомендации комиссии не способствовали улучшению положения заключенных.

Один из членов комиссии, Д. М. Дорай Раджан, не согласился с мнением большинства и предложил, чтобы заключенные с Андаман были переведены в индийские тюрьмы. Он считал, что если в них не хватает мест, то можно построить новые.

Дорай не присоединился также к мнению других членов комиссии по поводу понятия «рецидивисты». Это понятие комиссия определила как «преступник, особо опасный для общества». Дорай убедительно показал

³² В данном случае имеются в виду правительства провинций Индии.

расплывчатость такого определения. По его мнению, каждый, совершивший тяжкое преступление, даже в первый раз в жизни, представляет потенциальную опасность для общества. Рецидивисты, разумеется, — угроза для общества, поскольку они приобрели привычку к преступлениям. Однако, по мнению Дорай, «линия, проводимая между опасным и особо опасным преступником... очень тонка».

На заседании Центрального законодательного собрания 11 марта 1921 года министр внутренних дел Индии У. Винсент заявил, что правительство представляет Законодательному собранию свое решение о полном отказе от поселений каторжан. В речи он упомянул поездку в Порт-Блэр его предшественника Р. Крэддока и его доклад, который привел к созданию комиссии по вопросам тюрем. В результате поездки Р. Крэддока в качестве временной меры были проведены определенные реформы. В их число входило запрещение практики вынесения решений о заковывании в кандалы, связывающие заключенных общей цепью. У. Винсент сказал, что было утверждено дополнительное жалование для каторжников, работающих вдали от места постоянного заключения; система местных браков упорядочена; увеличены суммы, выплачиваемые каторжникам, находящимся на самобеспечении, а также запрещены браки между каторжниками и свободными.

6 февраля 1922 года У. Винсент заявил, что вследствие неспособности правительств провинций найти в настоящий момент средства для строительства новых тюрем переполненность существующих тюрем в некоторых провинциях стала крайне серьезной проблемой. Особенно тяжелое положение сложилось в Пенджабе, Северо-Западных Пограничных провинциях и Мадрасе. В сложившихся обстоятельствах правительство Индии не может отказаться от ссылки на Андаманские заключенных, приговоренных к каторжным работам.

Таким образом, круг замкнулся. Три года спустя, в октябре 1925 года, Александер Маддимен, член Исполнительного совета при генерал-губернаторе, бывший в то время также председателем Государственного совета, нанес визит на Андаманские острова. В решении, принятом после его визита, правительство Индии излагало свою позицию в отношении Андаманских островов и объясняло невозможность отказа от ссылки на эти острова прежде всего тем, что в поселениях каторжников имеется

значительное число самообеспечивающихся ссыльных, которые ведут полусвободную жизнь. Перевод их в индийские тюрьмы для отбытия оставшегося срока в камерах оказался бы для них тяжелым испытанием.

Другой выдвинутый довод также казался убедительным. Он касался тех, кто, родившись на островах, был в большинстве случаев смешанного происхождения. (Их родители принадлежали к разным общинам или происходили из разных провинций.) В решении говорилось, что если бы правительство решило ликвидировать поселения, то это сильно ударило бы по таким людям.

Далее говорилось о том, что острова занимают важное стратегическое положение в Бенгальском заливе, имеют прекрасную гавань и представляют ценность для Индии с военно-морской точки зрения. В нем сообщалось о природных богатствах островов, сельскохозяйственных и лесных, и о том, что в течение предыдущих 18 месяцев 276 мужчин и 31 женщина — заключенные из тюрем в Индии — отправлены на Андаманы по собственному желанию.

Правительство предприняло также попытку поселить на Андамане супружеские пары. Эта программа оказалась весьма удачной, за исключением случая с мапилла. Однако в отношении мапилла эта программа характеризуется как «чрезвычайно удачная». Из 1133 мапилла, сосланных на Андаманы, 258 разрешили привезти на острова своих жен, детей, а в некоторых случаях даже и родственников. Однако по неясным причинам разрешение на приезд жен и детей вскоре было отменено.

МАПИЛЛА

С древних времен Малабарский берег был известен как традиционный центр торговли перцем. Много веков арабские торговцы и моряки посещали эти места. Приблизительно с IX века арабы-мусульмане стали селиться на Малабарском побережье. Они женились на местных женщинах. Потомков от таких смешанных браков впоследствии стали называть мапилла (мопла). По религии они мусульмане-сунниты. Хотя мапилла платили налоги и арендную плату местным князьям-индусам, их духовным владыкой оставался султан Турции.

Когда Индийский национальный конгресс выступил в защиту низложенного турецкого султана и началось «халифатское» движение³³, мапилла пришли к твердому убеждению, что британцы — противники ислама. Поэтому они объявили своего рода «независимость» в тех районах Малабарского побережья, где составляли большинство населения. Некоторые отряды мапилла носили нечто вроде формы. Они взялись за оружие, в основном изготовленное местными ремесленниками, и стали нападать на полицейские посты.

Экономически мапилла находились в угнетенном положении. Помещики, которым они платили арендную плату, были, как правило, индусами высоких каст. Движение приобрело социальную окраску. Началась настоящая резня. Попытки англичан арестовать их вождей потерпели неудачу. Толпы в 5—10 тысяч человек напали на почтовые отделения, правительственные здания, винные лавки и плантации. Повсюду распространились поджоги, грабежи и убийства. Мапилла провозгласили даже «халифатское царство», во главе которого встал некий Мохаммед Хаджи, объявленный халифом. И поскольку они не забывали, что индусы были «кафирами» (неверными), это движение приняло также антииндусскую направленность.

Англичане, получив подкрепления, обрушились на восставших. Мохаммед Хаджи и 21 его соратник были взяты в плен и расстреляны по приговору военного трибунала. Затем их судьбу разделили еще шесть человек. Потери мапилла составили 2266 убитых в бою, 1615 раненых, 5688 пленных. 38 256 мапилла сдались в плен после поражения. Многие пленные были также расстреляны по приговору военного трибунала.

Ядро общины мапилла на Андаманских островах составили те ее члены, которые сдались или были взяты в плен и приговорены судом к каторжным работам.

После поездки А. Маддимена на Андаманы в решении правительства Индии по вопросам этих островов упоминалась также возможность поселения там свразийцев³⁴ и осевших в Индии европейцев. Стоит заме-

³³ Лидеры Мусульманской лиги в 1920 году организовали так называемый Халифатский комитет, придав движению религиозную форму «защиты халифа», хотя в действительности движение носило антибританский характер. Восстание мапилла произошло в августе — декабре 1921 года.

³⁴ Евразийцы — потомки от смешанных браков англичан, французов, португальцев и голландцев и местных жителей.

титель, что этот план был детищем лидера евразийцев подполковника Генри Гидни. Правительство Индии весьма неблагосклонно отнеслось к этому плану и в своем решении предупредило, что готово принимать обращения на право обработки земли от указанных лиц, а также от лиц других категорий, но считает необходимым предупредить: климат на островах тропический и любой вид сельскохозяйственных работ, связанных с тяжелым физическим трудом, неблагоприятен для людей, не привыкших к физическому труду во влажном, жарком климате.

А. Маддимен писал, что, по его мнению, от островов отказываться не следует, так как они — перспективное владение, которое может превратиться в подлинную ценность для империи. В то же время он считал, что с системой отправки преступников на острова сразу же покончить невозможно, поэтому следует стремиться к получению дешевой рабочей силы в лице каторжников, отправлявшихся на острова. В свою очередь, А. Маддимен поощрял колонизацию и советовал министерству лесного хозяйства заинтересовать какую-нибудь солидную английскую компанию в проведении лесоразработок на островах.

Несмотря на часто повторяемые заверения правительства в том, будто условия на Андаманах значительно улучшились, индийская пресса по-прежнему писала о жизни каторжников на этих островах как о настоящем «аде на Земле». Задетый за живое подполковник М. Л. Феррар, бывший Главным комиссаром в течение трех сроков, с 23 апреля 1923 по 12 апреля 1931 года, писал, что среди политиков господствует «неверие в то, что Андаманские острова когда-либо смогут морально или материально стать пригодными для колонизации и развития». Политики — рабы фраз, они упорно считают, что Андаманы были, есть и должны навсегда остаться «адам на Земле». Однако на деле произошло существенное изменение в общей моральной атмосфере. Объем выполняемых каторжанами работ увеличился, их поведение улучшилось, они выглядят бодрее и здоровее.

Феррар ратовал за то, что присутствие здесь женщин «просто необходимо». Между тем женскую тюрьму закрыли, и поступление женщин-каторжанок на Андаманы прекратилось.

Андаманские поселения каторжан стали предметом

еще одних дебатов в Государственном совете. Винаяк Витхал Каликар 11 сентября 1933 года внес резолюцию в отношении террористов, отбывающих срок заключения на островах. Гарри Хейг, бывший тогда членом Совета при вице-короле и ответственным за внутренние дела, заявил, что поселения каторжан не ликвидированы и тюрьма с покамерным содержанием заключенных не закрыта; он привел различные причины, по которым это сделать не удалось.

По его мнению, несколько странным выглядит то, что «значительное число заключенных в течение многих лет выражало желание добровольно отправиться из обычной тюрьмы в место, которое описывается как „ад на Земле“». Общее число заключенных, по его данным, в то время составляло 6536 человек.

К 25 марта 1935 года их число сократилось до 5604 человек. Об этом сообщил Центральному законодательному собранию Генри Крейк, ставший вместо Хейга членом Исполнительного совета при вице-короле и ответственным за внутренние дела. Генри Крейк, совершивший инспекционную поездку на Андаманы в 1936 году, считал, что эти острова — «рай для заключенных». Его заявление вызвало бурю негодования. В течение многих лет после этого Андаманы саркастически называли «Крейков рай».

Программа колонизации и развития Андаманских островов, заменившая политику отказа от ссылки на острова (вернее, немедленного отказа от ссылки), была выдвинута при Главном комиссаре Ферраре. Цель ее — увеличить численность населения на Андаманских островах, поскольку в то время совсем не обязательно было всех преступников, приговоренных к каторге, доставлять на Андаманы. На Андаманы отправляли только сравнительно молодых людей, не имеющих репутации рецидивистов, причем по желанию они могли брать с собой семьи. Обязательного испытательного десятилетнего срока принудительных каторжных работ больше не требовалось. В соответствии с новой системой ссылки проводили в тюрьме лишь несколько месяцев, после чего им начинали платить заработную плату. Кроме того, ссыльным на Андаманы совсем не обязательно было носить одежду каторжников. Вполне естественно, изменилось и мировоззрение каторжан.

Как уже говорилось, большое число мапилла, принявших участие в их знаменитом восстании, сослали на

Андаманы. Им разрешили выписать свои семьи, даже жить своими деревнями. Они назвали некоторые из деревень по имени сел и городов, которые оставили на родине, например Каликут. (Впоследствии обычай жить отдельными деревнями стал соблюдаться менее строго, и в настоящее время большинство деревень имеет смешанное население.) Вскоре каторжники-бирманцы также получили разрешение селиться деревнями и выписать свои семьи. В результате на Андаманы прибыли семьи многих каторжников — бирманцев и индийцев, среди последних оказалось немало сикхов.

С еще одним последствием отмены поселений каторжан в их прежней форме столкнулось министерство лесного хозяйства — нехваткой рабочей силы для работ в джунглях. Несмотря на изменившуюся ситуацию, те, кто отправлялся на острова, считали, что они будут клеймены презрением навсегда. Ввиду сложившегося положения администрация разослала ряду христианских миссий в Индии просьбу помочь убедить молодых христиан приехать на Андаманы в качестве добровольцев для работы по линии министерства лесного хозяйства. Ответа из самой Индии не поступило, однако американская баптистская миссия в Бирме отреагировала положительно. Сюда были готовы приехать карены³⁵, известные как крепкие, выносливые люди. В марте 1925 года на Андаманы прибыло 45 семей каренов под руководством преподобного Лю Гюи. Они поселились в деревне Веби на Среднем Андамане. Они живут там и сейчас, несмотря на то что бирманское правительство предложило в 1967 году репатриировать их в Бирму. Тогда были репатриированы все бирманцы, не принявшие индийского гражданства после провозглашения независимости Индии. Карены довольны своей жизнью, и, как сказали мне старейшины, не может быть и речи об их возвращении в Бирму. Веби — родной дом каренов, и они останутся там навсегда.

Идея Г. Гидни о поселении на Андаманских островах евразийцев и осевших в Индии европейцев оказалась мертворожденной. Некоторые из них отправились на Андаманы, но не смогли привыкнуть к местным условиям жизни.

Евразийцы приезжали, осматривались и вскоре по-

---

³⁵ Карены — народность на юго-востоке Бирмы и на западе Таиланда, исповедующая буддизм; имеется небольшой процент христиан.

кидали эти места. Лишь немногие остались на островах.

Люди из племени бханту, в свое время прибывшие на Андаманские острова, — родом из Уттар-Прадеша. Они входили в список так называемых «криминальных племен». Бханту нашли условия жизни на островах вполне приемлемыми, остались здесь и стали преуспевать в делах, некоторые из них даже занимают теперь ответственные посты.

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

Хотя каторжные поселения в Порт-Блэре были основаны главным образом с целью вывезти за пределы Индии участников восстания 1857 года, в течение последовавших за этим нескольких лет туда почти не отправляли «политических заключенных». Впрочем, термин «политические заключенные» в то время был неизвестен. На острова в основном ссылали людей, которых требовалось особо утратить. Считалось, что это чувство страха вызвано главным образом той тайной, которая окутывает судьбу заключенного, отправленного навеки за море. Таким образом, в глазах родных и близких он фактически умирал.

Поселение ссыльных на Андаманских островах — далеко не первый эксперимент над каторжанам, к которому прибегали англичане. До этого индийцев, приговоренных к каторжным работам, отправляли в Бенкулен (Суматра), Пенанг, Малакку, Сингапур и Моулмейн.

Однако такого огромного количества приговоренных к каторге людей, которое насчитывалось после подавления англичанами восстания 1857 года, тамошние тюрьмы вместить не могли. Тогда взоры колонизаторов обратились к Андаманам. Некоторых участников восстания приговаривали к различным срокам наказания вплоть до 1876 года.

В ссылку на Андаманские острова были отправлены также и участники манипурского восстания. В 1890 году сенапати³⁶ Тикендраджит первым поднял знамя этого восстания. Сначала все шло довольно успешно, но в

---

³⁶ С е н а п а т и (инд.) — главнокомандующий. В данном случае — титул правителя.

марте следующего года к стенам Манипура прибыли английские войска и потребовали, чтобы Тикендраджит сдался. Тот с негодованием отказался это сделать. Ему удалось заманить трех английских генералов на переговоры, и во время встречи генералы были убиты. В ответ на это англичане атаковали манипурский форт, но безуспешно. В полночь атака повторилась и вновь была отбита. Все считали сенапати Тикендраджита спасителем Манипура.

Однако для сенапати это была пиррова победа: форт был подвергнут обстрелу из подвезенных англичанами тяжелых орудий и сильно разрушен. Сенапати Тикендраджиту удалось бежать, но некоторые из его военачальников попали в руки англичан. Через две недели схватили и самого Тикендраджита, хотя он и оказывал яростное сопротивление. Тикендраджит, его младший брат и один из командиров были приговорены к смертной казни через повешение, а другие его сторонники — к ссылке, среди них были члены царствовавшей семьи и их приближенные. Так они оказались на Андаманских островах.

На этот раз англичане проявили к заключенным бóльшую снисходительность и обращались с ними не как с простыми преступниками. Их поселили в бунгало на холме Харриет, дали землю под сад, чтобы они могли иметь средства к существованию.

Однако для тех, кто был настоящим политическим заключенным (правда, правительство в течение многих лет отказывалось признавать этот термин), Андаманские острова оказались действительно адом. Много лет спустя, когда некоторые хорошо известные политические заключенные потребовали такого же с ними обращения, как и с участниками восстания в Манипуре, правительство Индии ответило отказом и напомнило о разнице между заключенными-манипурцами и теми, кого правительство называло «подстрекателями к бунту», поскольку манипурцев не судили — они были подвергнуты заключению на основании постановления № 111 от 1818 года, в то время как политических заключенных осудили за вполне определенные преступления, предусмотренные индийским Уголовным кодексом.

Идея об отправке политических заключенных на Андаманские острова принадлежала губернатору Соединенных Провинций Дж. П. Хьюетту. Он обратился с просьбой к Центральному правительству разрешить

ссылку на Андаманы Хоти Лала и Бабу Рам Хари, редакторов газеты «Свараджья» в Аллахабаде, приговоренных к различным срокам заключения. В то время на острова отправляли лишь лиц, приговоренных к пожизненной каторге, поэтому губернатору пришлось доказывать необходимость высылки этих людей за пределы страны. Сначала правительство Индии дало согласие, но затем пересмотрело свое решение и сообщило по телеграфу, что оно «считает нецелесообразным смягчать установленные правила из-за двух заключенных и желает, чтобы с ними поступили в соответствии с существующим порядком». В конце концов двое заключенных все-таки были сосланы на Андаманы и определены в тюрьму с покамерным содержанием, но произошло это намного позднее.

Возможно, дело «Свараджья» займет особое место в истории индийской журналистики, так как это единственная газета не только в Индии, но, вероятно, и во всем мире, восемь редакторов которой один за другим были осуждены за подстрекательство к мятежу. Комиссия по вопросам антиправительственной агитации следующим образом резюмировала результаты следствия по делу «Свараджья»:

«Первое целенаправленное и настойчивое подстрекательство к революционному движению в этих ныне спокойных провинциях явилось результатом основания в Аллахабаде в ноябре 1907 года газеты „Свараджья“ Шанти Нарайном, уроженцем Соединенных Провинций (в прошлом — заместитель редактора одной из пенджабских газет). Восемь ее редакторов один за другим преследовались по закону и были приговорены к длительным срокам тюремного заключения за предосудительные публикации. Семь из них родом из Пенджаба».

Примером того, по каким незначительным и мелким поводам английское правительство в те дни прибегало к самым суровым наказаниям в случае так называемого подстрекательства, может служить судьба одного из двух редакторов, о которых говорилось выше. Бабу Рам Хари был приговорен в общей сложности к 21 году тюремного заключения за публикацию следующего своего стихотворения:

О милая, милая родина,
почему же ты плачешь?
Правление чужеземцев
все ближе и ближе к концу.

Они очень скоро уйдут!
Позору и бедам страны
    недолго теперь продолжаться!
Вот ветер свободы подул,
    и старые, и молодые
стремятся к желанной свободе!
Когда Индия станет свободной,
    станет свободным и Хари.

Другой редактор, Капур из Гуджрата (Пенджаб), был приговорен к отправке на каторгу на 10 лет за то, что поместил в газете статью об изнасиловании англичанином индийской женщины. В статье говорилось: «Она действительно была сестрой всем нам, а этот англичанин самым подлым образом надругался над честью порядочной женщины».

Объявляя приговор об отправке его на каторгу, судья сказал, что трудно представить себе более резкие выражения, которые мог бы использовать автор для разжигания ненависти и презрения к правительству, созданному по законам Британской Индии, для возбуждения недовольства этим правительством.

В 1910 году группа молодых людей предстала перед судом по делу о так называемом заговоре в Кхулне. Они обвинялись в организации заговора «для ведения войны против короля». Одиннадцать из них были осуждены. Исполняющий обязанности главного секретаря при правительстве Бенгалии написал министру внутренних дел правительства Индии, что «по кхулнскому делу, которое слушалось специальной сессией высокого суда в Калькутте, 11 человек признаны виновными и приговорены к ссылке на каторгу сроком от 7 до 12 лет».

При вынесении приговора судьи выразили мнение, что «заклученные глубоко виновны, так как являлись видными участниками заговора, поэтому их следует удалить из мест, где они проводили свою преступную деятельность, на значительный срок. Весьма желательно также, чтобы все 11 человек были лишены возможности общаться с заключенными в других тюрьмах Индии и заражать умы обычных преступников революционным учением».

По мнению губернатора Бенгалии, этих людей следовало выслать в Порт-Блэр, и правительство Индии с ним согласилось, что стало прецедентом для других провинций. После этого в тюрьму Порт-Блэра непрерывным потоком стали поступать политические заклю-

ченные; создалась ситуация, к которой власти не были готовы ни теоретически, ни практически.

Отправленная в Порт-Блэр следующая партия заключенных состояла из осужденных по алипорскому³⁷ делу. В их числе оказался Бариндра Кумар Гхош, брат которого известен под именем Ауробиндо³⁸. Последний участвовал в антибританской деятельности, но перебрался с территории Британской Индии в Пондишери (на французскую территорию)³⁹. Там он создал *ашрам*⁴⁰, привлек к своему учению последователей во многих странах мира, и они почитали его как живого бога, в особенности те, кто жил вместе с ним в ашраме в Пондишери.

Делом об алипорском заговоре завершилось наблюдение бенгальской полиции за несколькими домами в Калькутте. Во время обыска, произведенного 2 мая 1908 года одновременно в нескольких домах, полиция нашла много антиправительственной литературы, большие запасы взрывчатки, огнестрельного оружия и боеприпасов. Во время обысков арестовали 41 человека, 38 из них предстали перед судом.

Среди сосланных на Андаманские острова был Винаяк Дамодар Саваркар⁴¹. Через несколько десятилетий он приобрел печальную известность — его считали причастным к убийству Махатмы Ганди (но оправдали за недостатком улик). В тот же период на островах находился и его старший брат, Ганеш Винаяк Саваркар, приговоренный к пожизненной каторге.

Братья Саваркар были осуждены по так называемому насикскому делу⁴² в провинции Бомбей. Сущест-

---

³⁷ Алипор — южный пригород Калькутты. Алипорским делом назывался процесс над руководителями подпольного террористического общества «Анушилон Сомити» в 1909 г.

³⁸ Ауробиндо Гхош (1872—1950) — один из лидеров террористов в начале XX в., в 1909 г. отошел от политической деятельности.

³⁹ Город Пондишери (совр. Путтучерри) и еще два города на территории Индии принадлежали Франции до 1954 г.

⁴⁰ Ашрам — «обитель», нечто вроде коммуны духовных елиномышленников.

⁴¹ Винаяк Дамодар Саваркар (1883—1966) — индийский революционер и религиозный деятель. Отбывал каторгу с 1910 по 1924 г., после чего был освобожден, дав подписку не участвовать в политической жизни. В 1937 г. политическая деятельность была ему разрешена, он стал председателем религиозно-общинной индусской партии «Хинду Махасабха».

⁴² Насик — город в Бомбейской провинции (ныне в штате Махараштра).

вовало два насикских заговора, причем первому предшествовал так называемый гвалиорский заговор, и все три заговора были связаны между собой.

Кроме того, обвиняемые в этих заговорах были так или иначе замешаны в двух акциях: попытке взорвать в ноябре 1909 года автомобиль, в котором в тот момент находился вице-король Минто, и в убийстве в декабре того же года окружного судьи-англичанина в Насике. В числе документов, представленных суду, был такой, в котором содержался прямой призыв:

«Терроризируйте чиновников — и англичан, и индийцев,— и тогда крушение всей машины угнетения станет ближе... Кампания отдельных убийств — лучший метод парализовать бюрократию и всколыхнуть народ».

Кстати, статья 121 индийского Уголовного кодекса, по которой они были осуждены, гласит, что тот, кто ведет войну против королевы, пытается вести таковую или подстрекает к ее ведению, приговаривается к смертной казни или пожизненной каторге, а также подвергается штрафу.

По приговору, вынесенному 24 декабря 1910 года по первому насикскому делу, Винаяк Дамодар Саваркар был приговорен к каторге на 25 лет, а затем еще раз к каторге на 25 лет по второму насикскому делу, решение по которому было вынесено 30 января 1911 года. Обращает на себя внимание то, что в противоположность обычному порядку, когда исполнение одного приговора исключает другой, в этом деле было оговорено особо, что приговоры должны быть приведены в исполнение последовательно, а это означало ссылку на каторгу на 50 лет.

Саваркар в то время, когда в Индии шел над ним судебный процесс, находился в Англии. Ему надо было ненадолго уехать в Париж, что он и сделал, но, чтобы не прослыть трусом, вернулся в Англию, где был немедленно арестован и на судне отправлен в Индию. В Марселе ему удалось бежать, но английская полиция, разумеется не без помощи французской, вновь схватила его. Поскольку это произошло во французских водах, Саваркар, оспаривая законность таких действий, обратился в Международный суд в Гааге, но его обращение было отвергнуто. Приблизительно в то же время правительство Индии также вынесло окончательное решение относительно его апелляции, касающейся незаконного решения о последовательном исполнении двух при

говоров. В своей книге «Повесть о ссылке на пожизненную каторгу» (он написал ее после возвращения с Андаманских островов) Саваркар рассказывал о тех превратностях судьбы, которые выпали на его долю по дороге в Порт-Блэр.

Он писал, что слово «пятьдесят» все время звенело у него в ушах, но он утешал себя тем, что таким образом правительство Индии соглашалось с индуистской доктриной возрождения, так как в решении суда говорилось, что сначала он отбудет свой первый срок, а затем второй.

Саваркара везли на Андаманские острова с группой преступников, состоящей из 50 человек. Они происходили из самых низших слоев населения Индии. Среди них были и индусы, и мусульмане.

Несмотря на все трудности пути, при виде острова Саваркар не мог не взволноваться, тем более что тот украшал море словно дворец, построенный в стране фей. Остров был столь живописен и аккуратен, что сердце закованного в кандалы Саваркара дрогнуло.

Некоторое время с политическими заключенными обращались так же, как с другими. Им разрешили даже жить вместе под наблюдением одного надсмотрщика-патана и дали работу, которая называлась «щипание пакли». Она состояла в выщипывании волокон с поверхности твердой скорлупы кокосовых орехов, предварительно разбитых на куски. Это была не только трудная, но и очень нудная работа, от нее болели руки. Однако для заключенных все наихудшее было еще впереди. Приехавший из Калькутты высокопоставленный чиновник решил, что политические заключенные не должны жить и работать вместе. Поэтому их разместили не только по разным бригадам, но и по разным камерам. Если их видели беседующими и надзирателю казалось, что беседа носит подозрительный характер, на них надевали наручники и, по словам Саваркара, подвергали всяческим наказаниям. И тогда вместо щипания пакли ставили на работу на прессе для выжимания кокосового масла. Заключенных запрягали как тягловый скот и привязывали к брусу, который вращал жернов. Было достаточно двадцати оборотов, чтобы вымотать самого сильного кули и самого дюжего уголовника. Ни одного бандита старше двадцати лет на эту работу не ставили, а несчастные политические заключенные годились для нее в любом возрасте.

Самое страшное, что заключенным не хватало воды даже для питья, а о том, чтобы помыться, не могло быть и речи. Узникам разрешалось ходить в туалет только три раза в день: утром, в полдень и вечером — и ни разу больше ни при каких обстоятельствах. Очень унижал каторжников и такой вид наказания, когда их запрягали вместо лошадей в повозки, на которых разъезжали государственные чиновники.

Впервые на континенте читатели получили какое-то представление об условиях жизни политических заключенных на Андаманских островах после того, как калькутская газета «Бенгали» поместила статью об их бедственном положении. Статья излагала письмо, которое Хоти Лалу удалось тайно переправить из тюрьмы. Письмо попало в руки владельца «Бенгали» Сурендранатха Банерджи⁴³.

Лахорская газета «Трибюн» в номере от 3 мая 1912 года упомянула, что «Бенгали» писала уже о страданиях и мучениях, которые терпят политические заключенные на Андаманах. В свою очередь, «Трибюн» поместила статью, в которой говорилось: «Четырех человек привязывают к брусу, вращающему жернов, и они ходят по кругу, как волы, которых обычно используют для такой работы. Эти люди должны за день надавить 30 фунтов масла».

В статье также приводились примеры других видов каторжных работ, например отбивание коры кокосовой пальмы. «Заключенному дают огромный чурбан весом около 40 фунтов и деревянный молоток весом около 4 фунтов. Тот должен, положив полоски коры на чурбан, отбивать их молотком до тех пор, пока от коры не останется лишь чистое волокно... Там растет колючее растение *рамкхан*. Заключенному дают 80—90 листьев рамкхана, которые он должен отбить для получения 4 фунтов белой кудели. Если даже одна капля сока этого растения попадет на кожу, начинается сильный зуд и образуется язва. Из работ за пределами тюрьмы можно упомянуть лесоразработки. Кроме того, заключенные складывают бревна в огромные штабеля, бегом подносят тяжелые комья глины и подают их строителям, которые кладут по 1230 кирпичей в день; возделывают мотыгой участки чайной плантации размерами 4×40 яр-

⁴³ Сурендранатх Банерджи (1848—1925) — один из основателей Индийского национального конгресса (1885 г.) и лидер его умеренного крыла.

дов. Все эти работы ведутся в любую погоду — и под проливным дождем, и под лучами палящего солнца».

За невыполнение норм заключенных сурово наказывали. Если заключенный по каким-либо причинам не мог выполнить весь объем работ, то за первое нарушение ему на руки надевали кандалы, которые он носил неделю, за второе нарушение он носил кандалы две недели и четыре дня голодал. Иных заключенных заковывали в ножные кандалы на месяц или два, затем в ножные кандалы с перекладиной, которая вынуждала жертву все время держать ноги врозь, — на десять дней; порой их заковывали в ножные кандалы на шесть месяцев и подвергали одиночному заключению.

После этой статьи стал назревать скандал. Министерство внутренних дел было встревожено тем, что подобные заявления в газетах привлекут внимание общественности. Тем не менее член совета при генерал-губернаторе, ответственный за внутренние дела, отстаивал точку зрения, что «заговорщикам едва ли удастся избежать каторжных работ на Андаманах при условии их физической годности. Анархисты, цель которых — убийство, страдают за свои убеждения не больше, чем уголовники».

По этому поводу было направлено письмо Главному комиссару Х. А. Браунингу. Тот в довольно резкой форме заявил: «Правительство Индии указывало, что эти заключенные не должны называться „политическими“. Такая категория, несомненно, придавала бы им ложную значимость. Здесь они не „политические заключенные“. Имеются указания считать их обычными ссыльными каторжниками, осужденными на основании индийского Уголовного кодекса, называть этих заключенных именно так и обращаться с ними на основании предписаний кодекса и не использовать в качестве клерков». (Клерками становились лишь привилегированные заключенные.) Браунинг был весьма категоричен в своем утверждении, что «и в дальнейшем их будут использовать на обычных работах».

В статье, помещенной в «Бенгали» от 4 сентября 1912 года, снова сообщалось о жестоком и бесчеловечном обращении с политическими заключенными на Андаманских островах. В ней говорилось, что с политическими заключенными, людьми образованными, обращаются как с собаками. До января 1912 года их держали в тюремных камерах и одевали так же, как и

остальных каторжников, то есть они носили шорты и белые куртки с рукавами до локтя. На шее у них было кольцо с подвешенным к нему большим деревянным личным номером. Сообщалось, что отдан приказ о расселении их по разным камерам. Таким образом, они лишались общения друг с другом и были поставлены на самую тяжелую работу, какая только имелась в этой каторжной тюрьме. Так что положение этих людей действительно плачевное.

В заключение в статье говорилось, что, если они требуют к себе особого отношения и привилегий, положенных политическим заключенным, им отвечают, будто они обычные уголовные преступники и не должны ожидать чего-либо большего, чем могут получить в установленном порядке. В то же время они не могут получить даже ничего из того, что получают обычные уголовные преступники. Например, осужденные за убийство могут жить на свободе под гласным надзором полиции и имеют право получить любую легкую работу, а политические заключенные лишены и этих прав.

Приблизительно в то же время один из политических заключенных, Инду Бхушан Рой, покончил жизнь самоубийством — повесился в своей камере. Инду Бхушан Рой был осужден по так называемому маниктальскому делу. Оно было названо так потому, что некоторые осужденные были арестованы в одном из домов Маникталы, но по сути своей оно часть алипорского дела. Саваркар сообщал обстоятельства, при которых Инду Бхушан Рой был вынужден покончить с собой:

«Инду Бхушан Рой — один из тех, кого направили на работу за пределами тюрьмы. Вскоре он понял, что эта работа еще тяжелее и унижительнее, чем в самой тюрьме... Инду Бхушану все это так опротивело, что он самовольно вернулся в тюрьму. На него надели ручные и ножные кандалы и отвели на прежнее место работы, но он отказался работать в поселке и понес наказание за свое упорство... Ему надоела жизнь. Каждый вечер я видел, как Инду Бхушан возвращался с работы смертельно усталый, с лицом, покрытым испариной, с ног до головы засыпанный кокосовой пылью, с ношей около 30 фунтов на голове, с мешком кокосовых волокон на плечах. Однажды утром, когда наши камеры отпирали на день и мы выходили на работу, к нам подошел один надзиратель и, попросив не разглашать его имени, сказал, что Инду прошлой ночью повесился».

Разумеется, в официальной версии говорилось, что он совершил самоубийство в приступе безумия из-за того, что с кем-то поссорился.

История еще одного политического заключенного — Уласкара Датта — также наделала много шума. Несчастный потерял рассудок из-за жестокого обращения. Однажды он отказался выполнить тяжелую работу, и за это его заковали в ручные кандалы и семь дней не разрешали ни присесть, ни прилечь. По его словам, все это время его подвергали пыткам. Саваркар писал, что Уласкар Датт, находясь в полубессознательном состоянии, отчетливо почувствовал, как тюремный врач подключил к его телу электрическую батарею. Не в силах вынести боль, пронзавшую его измученное тело, когда казалось, что каждый нерв, каждая жилка, каждый мускул раздираются на части, он дико закричал и неожиданно впал в беспамятство, в котором пребывал три дня и три ночи.

Его объявили сумасшедшим и поместили в дом для умалишенных на 12 лет. Затем его перевели в сумасшедший дом в Мадрасе, который он покинул лишь тогда, когда истек срок его заключения. Датта судили по делу о маниктябрьском (алипорском) заговоре.

Затем произошло невероятное — двое заключенных объявили голодовку. Это была первая известная не только на Андаманах, но, возможно, и на всем Индийском субконтиненте подобная забастовка. Главный комиссар Х. А. Браунинг докладывал министру внутренних дел Индии У. Х. Уилеру о том, что два подстрекателя (заключенные Ладха Рам и Нони Гопал Мукерджи), упорно отказывавшиеся принимать какую-либо пищу, в настоящее время два раза в день подвергаются в тюрьме насильственному кормлению через зонд. Кроме того, эти заключенные за категорический отказ исполнять какую бы то ни было работу подвергнуты строгому одиночному заключению с изъятием всех принадлежащих им вещей.

Ладха Рам был одним из редакторов «Свараджья», Нони Гопал Мукерджи осудили за то, что он бросил бомбу в машину высокопоставленного полицейского чиновника. Тогда ему было всего 16 лет, и тюремные власти не имели права использовать подростка на каменных работах. Однако его послали работать на прессе для выжимания масла. Горячий, вспыльчивый юноша наотрез отказался подчиниться, и тут на него

обрушились все силы ада. Саваркар писал, что мальчика страшно мучили, заставляли стоять с кандалами на руках. Когда Гопалу дали одежду из джутовой мешковины, он вообще отказался от нее. Юношу заковали в цепи и посадили в одиночную камеру. Однажды тюремщики несли его совершенно голого в тюремную умывальню, чтобы помыть. Они бросили его на пол и стали тереть сухой рогожей из кокосового волокна. Вскоре на теле юноши выступила кровь. Нони Гопал Мукерджи голодал 72 дня. Забастовки солидарности с Мукерджи следовали одна за другой до тех пор, пока почти все политические заключенные не отказались работать.

Тогда Главный комиссар Браунинг попытался достичь примирения. Он обещал разобраться в жалобах заключенных и даже направить их правительству Индии для принятия окончательного решения. Однако все его старания не увенчались успехом. В конце концов правительство направило на Андаманы директора медицинской службы Индии Генри Лукаса для изучения положения дел на месте и поиска выхода из создавшегося тупика. И ему удалось это сделать. Л. П. Матхур в своей «Истории Андаманских и Никобарских островов» писал, что «после визита Лукаса начался период политики примирения». Согласно официальной версии, это произошло потому, что заключенные обещали «не причинять больше огорчений властям при условии, что их переведут из тюрьмы с одиночными камерами и найдут посильную работу». После «достижения» такого соглашения политическим заключенным, осужденным на определенный срок, была предоставлена более легкая работа, как и обычным заключенным, и возможность выполнять ее за пределами тюрьмы. К сожалению, это послабление не распространилось на заключенных, приговоренных к пожизненной каторге, таких, как Саваркар и его брат.

Подобное послабление в отношении политических заключенных продолжалось недолго. 9 августа 1913 года 19 ссыльных, объявивших голодовку, возвратили в прежние камеры. Власти заявили, что они раскрыли заговор. Они утверждали, что эти заключенные изготовили бомбу и намеревались взорвать ее в русле ручья неподалеку от Бамбу-Флэта (одного из пригородов Порт-Блэра). Заговор, как это часто бывает, был раскрыт по доносу одного из привлеченных к нему местных поселенцев.

Узнав о заговоре, администрация была потрясена. Хотя новый Главный комиссар и суперинтендант подполковник М. У. Дуглас и был человеком благожелательным, тем не менее он приказал впредь каждого политического заключенного содержать в одиночной камере. Так как в тюрьме свободных мест оказалось мало, он предложил, чтобы всех политических заключенных, приговоренных к пожизненному заключению (их было не больше 14), разместили по двое в каждом из семи крыльев этой тюрьмы.

Возможно, в связи с этим заговором и растущей критикой в самой Индии и за ее пределами положения на Андаманах Реджинальд Крэддок, бывший в то время членом Исполнительного совета при генерал-губернаторе, ответственным за внутренние дела, решил посетить острова зимой 1913 года. Во время пребывания там он не только подробно познакомился с положением каторжан, но и беседовал лично с лидерами политических заключенных В. Д. Саваркар, Бариндрой Кумар Гхошем и еще с тремя политическими ссыльными, подавшими прошение о пересмотре их дел. Осматривая тюрьму, он выслушивал всех, кто желал подать какую-либо жалобу. В тюрьме он познакомился с Хоти Лал Вармой, Нандом Гопалом и другими и принял жалобы в письменном виде от заключенных.

По возвращении в Индию он писал, что заключенные настаивают на том, чтобы им разрешили пользоваться всеми льготами и привилегиями системы ссыльного поселения, такими, как право зарабатывать сокращение срока примерным поведением и возможность быть назначенными надсмотрщиками или тюремными надзирателями.

Наиболее важными из рекомендаций Р. Крэддока в отношении политических заключенных были следующие: «Саваркара и других, осужденных на каторжные работы на островах, из тюрьмы не выпускать и тем более не отправлять ни в какую из тюрем на континенте; политических заключенных, осужденных на определенный срок, можно отправить назад на континент». Следуя второй рекомендации, правительство Индии обратилось с письмами к правительствам провинций. Правительства Мадраса, Пенджаба, Бомбея и Центральных провинций согласились принять эту категорию заключенных, другие же правительства отказались ввиду неполноты тюрем,

Как раз в то время, когда Р. Крэддок писал свой доклад об обстановке в поселениях каторжан на Андаманах, в журнале «Индия», издаваемом в Лондоне, появилась статья о том, как там обращаются с политическими заключенными. В статье подтверждался факт голодовки, проведенной заключенными, и вынужденное в связи с этим посещение островов Лукасом. Правда, его доклад не был опубликован, но, по всей видимости, послужил основой для «категорического отказа признавать их политическими заключенными или правонарушителями первого класса». Автор статьи подчеркивал, что эти заключенные — преступники необычные и их соотечественники понимают это. Правительству Индии хорошо известно, что их преступления были совершены в период больших волнений, прокатившихся по всей стране. От методов принуждения отказались в самой Индии, так почему же таковые должны сохраняться в Порт-Блэре в отношении людей, которые уже «страдают в результате потери всякой надежды и утешения»?

Основная причина волнений политических заключенных состояла в том, что им не сокращали сроки заключения, как другим заключенным на континенте. Саваркар писал, что они подготовили манифест, состоящий из трех конкретных требований: «1) Как политические заключенные, мы должны иметь все преимущества первого класса; 2) в противном случае нас следует перевести в категорию обычных заключенных, дать все предоставляемые им льготы и разрешение на периодическое посещение тюрьмы членами наших семей; 3) нас нужно отослать для отбытия срока наказания в тюрьмы Индии, с тем чтобы мы могли пользоваться всеми льготами, в том числе сокращением срока заключения на основании свидетельства о хорошем поведении». Забастовки продолжались, а правительство уже приступило к репатриации на континент политических заключенных, осужденных на определенный срок. Саваркар сообщал о специальном уведомлении, в котором говорилось, что все заключенные, приговоренные к различным срокам заключения, кроме пожизненного, должны быть возвращены в соответствующие тюрьмы в Индии, где в надлежащем порядке будет рассматриваться вопрос о сокращении сроков их содержания под стражей. Заключенные, приговоренные к пожизненному сроку, останутся в тюрьме с покамерным содержанием в течение 14 лет, после чего им предоставят легкую работу. Такой поря-

док касался лишь тех заключенных, которые в течение всего срока тюремного заключения не будут иметь серьезных замечаний.

Даже такой человек, как Хоуп-Симпсон, исполнявший тогда обязанности Главного комиссара, стал чувствовать себя неуверенно. В письме к министру внутренних дел он подчеркивал, что «тюрьма с покамерным содержанием заключенных не соответствует требованиям». Хоуп-Симпсон писал, что «она создана для преступников совершенно иного типа и в отношении их она обладает определенными ценными свойствами». Поэтому он считал, что лица, осужденные за политические преступления, не должнысылаться на каторгу, а должны распределяться по индийским тюрьмам. Это письмо пошло по обычным бюрократическим каналам. Министр внутренних дел комментировал дело Саваркара следующим образом: «Уважаемый член Совета (Реджинальд Крэддок)... пришел к твердому убеждению, что именно Саваркара нельзя ни отпустить на свободное поселение, ни переводить в какую-либо из тюрем в Индии. Однако уважаемый член Совета счел, что отбытие определенного числа лет на каторжных работах отвечает карательным требованиям и наказание в течение оставшейся части срока может иметь вид простого тюремного заключения, поскольку этот человек опасен для общества... По мнению уважаемого члена Совета, таким же образом следует обращаться с другими лицами, приговоренными к пожизненному заключению, которые находятся в тюрьме с покамерным содержанием на Андаманах».

По каким-то непонятным причинам это дело попало на стол Р. Крэддока лишь 4 сентября, почти через три месяца после того, как Хоуп-Симпсон представил свой доклад. По делу Саваркара мнение Р. Крэддока осталось тем же, что и ранее, так как он написал, что каторжники, осужденные на пожизненное заключение, «находятся в тюрьме с покамерным содержанием, поскольку от них можно ждать чего угодно. Саваркар находится там, ибо существует большая вероятность, что он может совершить побег». В то же время Р. Крэддок добавлял, что образованных и интеллигентных людей, в большинстве случаев обладающих слабым здоровьем, нельзя подолгу оставлять на тяжелых физических работах. Такой вид наказания сильно сказывается на их психике и не оказывает воспитательного воздействия. По

его мнению, не менее важно и то, что этим людям необходимо дать луч надежды. Если их не удастся перевоспитать, то предоставление им свободы — просто безумие. Тем не менее они должны иметь надежду, что после 14 лет заключения условия их содержания в тюрьме могут быть пересмотрены. Вполне возможно, что к тому времени взгляды каторжан могут совершенно перемениться. Тогда для них можно было бы найти какую-нибудь оплачиваемую работу в поселении.

Р. Крэддок указал также, что суперинтендант должен распределять таких заключенных на те участки, где требуется умственный труд. Примерное поведение должно давать им возможность получить некоторые льготы, в то время как плохое повлечет за собой возврат к тяжелой физической нагрузке. Среди льгот, которых можно добиться хорошим поведением, — выходные дни и доступ к книгам.

В результате принятых частичных мер обстановка на островах мало-помалу разрядилась. Заключенным стали предоставлять выходные дни и разрешили читать книги, но они оставались в тюрьме с покамерным содержанием до истечения четырнадцатилетнего срока наказания.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Пока в правительстве Индии шли дебаты о судьбе политических заключенных на Андаманских островах, в Европе разразилась война. Хотя эта война, превратившись в великий армагеддон⁴⁴, шла за тысячи миль от Индии, она некоторым образом повлияла на судьбу крохотных островков в Бенгальском заливе.

Тысячи индийских солдат были посланы на поля сражений в Европу. Они покрыли себя неувядаемой славой. Невероятно, но Саваркар, убежденный борец за свободу и злейший враг англичан, 9 марта 1915 года в письме к брату (их разрешали посылать раз в год) написал: «Сердце мое преисполнено радостью — я узнал, что в Европу против наиболее сильной военной

---

⁴⁴ Армагеддон — по учению иеговистов, решающая битва сил Иеговы (праведников) против сил сатаны, в которой все человечество, кроме них, должно погибнуть (образ взят из «Откровения Иоанна Богослова»); в переносном смысле — всеобщая война.

державы мира решено послать тысячи индийских солдат и они уже сражаются с таким мужеством, что покрыли себя военной славой... Возможно, ты знаешь, что некоторые из нас изъявили желание отправиться на фронт добровольцами. Я рад сообщить тебе, что правительство особо это отметило, хотя ответ пока еще не получен».

Официального подтверждения о стремлении Саварка отправиться на фронт добровольцем у нас нет, но факт, что письмо дошло до адресата (явно после официальной цензуры), доказывает — такое желание он изъявлял.

Некоторые его соотечественники, также принадлежавшие к революционному движению, проявляли в этом вопросе меньше энтузиазма. Они понимали, что эта война была не чем иным, как борьбой великих западных держав за гегемонию в мире, а индийские солдаты выступали в роли лишь наемников Англии. Вскоре в Индии был раскрыт так называемый лахорский заговор, за которым последовали еще два судебных процесса, известных как «первое дополнительное дело» и «второе дополнительное дело». В результате было осуждено 213 человек (с апреля 1915 по январь 1917 года), из них 36 человек приговорено к смертной казни и 77 — к ссылке на каторжные работы. Некоторым лицам смертный приговор вице-король заменил пожизненной каторгой.

Истоки заговора находились в Соединенных Штатах Америки, и практически все обвиняемые по этим трем делам принадлежали к партии «Гадр»⁴⁵, задачей которой стала подготовка восстания в Индии. Первые съезды «Гадр» проходили в США и Сингапуре.

Индийские иммигранты прибыли в Канаду и Соединенные Штаты Америки в начале нашего века. Никто доподлинно не знает, что заставило их покинуть родной Пенджаб. Существует интересное, хотя и довольно грустное, описание первых индийцев, прибывших в Канаду: «У этих людей с печальными глазами был довольно несчастный вид. Промокшие насквозь, в своей

---

⁴⁵ «Гадр» — «восстание» (панджаби) — партия, основанная выходцами из Индии, главным образом сикхами, в 1913 г. в США. Попытались организовать восстание в Индии против англичан, но неудачно. После вступления США в войну многие гадровцы были арестованы и высланы из Америки. Партия прекратила существование после завоевания Индией независимости.

полотняной одежде и мокрых тюрбанах, они сидели на жалких узлах, в которых находилось все их имущество. Большинство людей, глядя на них, были уверены, что пенджабцы скоро заболеют и умрут в стране, чей климат так не похож на индийский». Однако пенджабцы не заболели и не погибли. Это были стойкие люди, но будущее их оказалось мрачным.

Партия «Гадр» зародилась в Америке. Группа индийцев образовала Индийскую ассоциацию Тихоокеанского побережья. В нее входили те, кто был недоволен тем, что индийцам ограничивали въезд в некоторые страны и часто отказывали в приеме на работу. В 1908 году эта организация изменила свое название на Лигу независимости Индии. Одни индийцы проводили агитацию в штате Орегон, другие объединились в партию, которую назвали Ассоциация говорящих на хинди. Эта ассоциация впоследствии и превратилась в партию «Гадр» с центром в Сан-Франциско. 1 ноября 1913 года вышел первый номер ее журнала на панджаби, названного также «Гадр», а на урду — в 1914 году. «Гадр» открыто заявляла, что она — «враг британского правления». Ее издатель — широко известный революционер Хар Даял, бежавший из Индии в 1911 году. Через год после прибытия в Америку он стал профессором индийской философии и санскрита в Стэнфордском университете в Пало-Альто (штат Калифорния).

Первый съезд индийских революционеров собрался в феврале 1914 года в Стоктоне (штат Калифорния), и вскоре у партии появились филиалы в Канаде, Панаме и Китае.

Сикхи в Канаде проявляли все большее и большее недовольство дискриминационными ограничениями, с которыми они сталкивались (к 1908 году в Канаде их проживало 8 тысяч). Правительство Канады хотело прекратить иммиграцию индийцев и в 1911 году приняло закон, по которому каждый иммигрант должен был иметь не менее 200 долларов. Кроме того, иммигранты обязаны прибывать из Индии в Канаду морем без пересадок, хотя подобных рейсов не существовало.

Чтобы обмануть канадские власти, предприимчивый сикх Гудрит Сингх, состоятельный подрядчик в Сингапуре и Малайе, отправился в Гонконг и зафрахтовал японское судно «Комагата-мару». Взяв в Шанхае, Модзи и Иокогаме на борт пассажиров-индийцев, 23 мая

1914 года он прибыл в Ванкувер. Однако пассажирам, кроме 22 человек, возвращавшимся в Канаду, на берег сойти не разрешили. Затем последовало нечто вроде осады, продолжавшейся месяца два. На судне кончились вода и продовольствие. В конце концов была применена сила — английский военный корабль «Рейнбоу» вынудил «Комагата-мару» уйти.

На обратном пути на долю «Комагата-мару» выпало немало испытаний, и каждый заход в порт в Йокогаме, Кобе, Гонконге, Сингапуре сопровождался неприятными инцидентами. По прибытии в Калькутту произошло самое страшное. На пассажиров, пожелавших сойти на берег и возвратиться домой в Пенджаб, набросились солдаты, сбили на землю и стали избивать ногами. Они кололи несчастных штыками, а затем открыли по ним огонь. По официальным данным, 14 человек было убито (по неофициальным — 40), а 120 — арестовано⁴⁶.

В сентябре 1914 г. в Цюрихе появилась организация, которая получила название Международный проиндийский комитет. Его председатель впоследствии переехал в Берлин и стал работать в германском министерстве иностранных дел. В Берлине была создана Индийская национальная партия, которая постепенно распространила свою деятельность на Западную Азию. Одни индийские революционеры прибыли в Гурцию, другие — в Багдад и Дамаск. Кроме того, некоторые из них появились в Китае, Японии, Бирме и в Северо-Западных Пограничных провинциях Индии.

Однако вернемся к заговору в Лахоре. Первая партия осужденных за участие в лахорском заговоре прибыла на Андаманские острова в 1915 году. Она состояла в основном из сикхов, тем или иным образом связанных с партией «Гадр». В их числе оказался Бхай Пармананд, завоевавший репутацию несгибаемого революционера. К сожалению, в последующие годы он увлекся шовинистической индуистской деятельностью и стал столпом религиозно-общинной организации «Хинду Махасабха»⁴⁷, выступавшей за государство с господством индуистской религиозной доктрины.

---

⁴⁶ По английской официальной версии, в настоящее время общепризнанной, на «Комагата-мару» в Индию направлялись вооруженные гадровцы для организации восстания.

⁴⁷ «Хинду Махасабха» («Великий союз индусов») — религиозно-шовинистическая организация, созданная около 1906 года, содействовала разжиганию индусско-мусульманской розни.

Бхай Пармананд получил степень магистра в Пенджабском университете. Несколько лет он разъезжал по стране в качестве лектора. Его основной задачей стала проповедь доктрины «Арья самадж»⁴⁸, реформаторской организации, которая верила в обращение мусульман в индуистов (согласно строгой индуистской доктрине, нужно родиться индуистом, обращенных индуистов быть не может). Впоследствии Бхай Пармананд в течение какого-то времени был профессором в Дайя-нандском англо-ведическом колледже в Лахоре. Однако его деятельность привлекла внимание правительства, он был отстранен от преподавания и удалился в свою деревню недалеко от Джелама (провинция Пенджаб).

В октябре 1910 года Бхай Пармананд отправился в Европу под предлогом изучения медицины. После непродолжительной остановки в Париже он перебрался в Джорджтаун (Британская Гвиана), где развернул пропаганду доктрины «Арья самадж» главным образом для того, чтобы спасти местных жителей от обращения в христианство и, конечно, чтобы как-то заработать себе на жизнь. Через шесть месяцев он прибыл в Калифорнию. Там он действительно занялся изучением медицины, но после возвращения Хар Даяла из Пало-Альто в Беркли (Калифорния) они вместе развернули активную проповедь «Арья самадж». Так началась работа Бхай Пармананда в партии «Гадр». В 1913 году он отправился из Соединенных Штатов Америки в Европу, посетил большинство европейских центров индийской революционной деятельности и вернулся в Индию в декабре 1913 года для того, чтобы развернуть движение «Гадр» в Пенджабе.

Он был осужден за участие в лахорском заговоре и объявлен «одним из наиболее опасных революционеров». Двое судей из троих ратовали за смертную казнь Бхай Пармананда, один остался при особом мнении. Вице-король заменил смертную казнь пожизненной каторгой. Так Бхай Пармананд оказался в тюрьме Порт-Блэра.

За всю долгую историю этой тюрьмы ирландец Бар-

---

⁴⁸ «Арья самадж» (хинди) — «общество ариев» — религиозно-реформаторское и просветительское общество в Индии, основанное в 1875 году Даянандом Сарасвати. Способствовало пробуждению национального самосознания и развитию национально-освободительного движения, но с конца 20-х годов стало одной из реакционных организаций индуистского коммуналлизма.

ри, человек с явными садистскими наклонностями, прослыл одним из наиболее жестоких ее надзирателей. Барри проработал в тюрьме много лет и на его совести остались жестокие телесные наказания, которым он подвергал многих политических заключенных. Много пришлось выстрадать Саваркару только потому, что Барри был твердо убежден: все волнения в тюрьме происходят из-за подстрекательской деятельности Саваркара.

Вскоре у Барри произошла стычка и с Бхаи Парманандом. Так как руководители партии «Гадр» прибыли на Андаманы с репутацией неисправимых, Барри с самого начала решил «держатъ их в ежовых рукавицах». За ссыльными установили особое наблюдение. Считалось, что Бхаи Пармананд и революционер из Бенгалии Ашутосх Лахири — заключенные, находящиеся на особом положении. Однако обращались с ними жестоко и грубо. Не в силах более выносить такое обращение, они однажды набросились на Барри, схватили его, высоко подняли и швырнули на пол. К счастью, он не переломал себе кости. Однако их поступок не имел прецедента и привлек внимание. Нужно было что-то предпринять, чтобы как-то сохранить престиж и авторитет европейца. Наказание должно было послужить уроком для других. Обоих заключенных приговорили к порке — по 20 палочных ударов каждому. По словам Саваркара, Пармананда привязали к решетке и нанесли двадцать ударов. Каждый удар глубоко рассекал кожу, и из ран лилась кровь. Пармананд перенес истязание стойче.

Теперь всем стало ясно, что последует еще одно столкновение. Вскоре такой случай представился: политического заключенного Бхана Сингха заперли в камере за ссору с одним из надзирателей. Барри этого показалось мало. Он подошел к камере и стал осыпать заключенного оскорблениями. Конечно, вспыльчивый сикх ответил ему тем же. Барри немедленно позвал на помощь, и пятеро прибежавших надзирателей избили несчастного до полусмерти.

Заключенные решили, что просто так это дело оставить нельзя, и 100 каторжан, отбывавших сроки наказания в разных крыльях тюрьмы, отказались выйти на работу. Впервые в истории этой тюрьмы такое большое число заключенных пошло на подобный шаг. Два вожака — раджпут Притхви Сингх и сикх Сохан Сингх

(последнему было уже за шестьдесят) — хотели изложить администрации требования заключенных, но их не пожелали даже выслушать. Тогда оба объявили голодовку. Дней через 12 администрация сдалась, и забастовка была прекращена.

Еще один инцидент, вызвавший волнения и приведший к смерти одного из политических заключенных, произошел из-за отказа тюремной администрации разрешить Рама Ракху носить священный шнур⁴⁹.

Пенджабский брахман Рама Ракх был осужден за проведение агитации в армии в целях организации вооруженного революционного выступления в Бирме. В тюрьме на Андаманах ему приказали снять священный шнур — видимо, таково было местное правило. Рама Ракх отказался это сделать, и шнур был снят с него силой. Он объявил голодовку и даже отказался пить воду. Как обычно, к нему применили принудительное кормление, в результате чего он серьезно заболел. Стало известно, что у него обострился туберкулезный процесс. Саваркар убедил его начать принимать пищу, но тем не менее через два месяца Ракх скончался.

Число политических заключенных продолжало расти. Между тем в Европе был заключен мир. Политические заключенные тешили себя надеждой, что в ознаменование победы будет объявлена амнистия, но их ожидания оказались тщетными.

После окончания войны была сформирована упоминавшаяся ранее долгожданная комиссия по вопросам тюрем, которая посетила Андаманские острова. Приблизительно в то же время по всей Индии развернулась кампания за освобождение политических заключенных на Андаманах. Только в провинции Бомбей под петицией об их освобождении было собрано свыше 70 тысяч подписей. На этот раз правительство Индии отреагировало положительно: была объявлена амнистия для большинства политических заключенных, включая Бхай Пармананда, но исключая Саваркара и некоторых других заключенных той же категории (всего 300 человек). Неизвестно, произошло ли это вследствие размаха агитации или просто из-за того, что администрация не могла справиться с таким количеством политических за-

---

⁴⁹ Священный шнур — один из признаков принадлежности к высшей касте. Носить его на теле для религиозного индуса обязательно, а потерять — значит навлечь на себя позор и несчастье.

ключенных, которых приходилось содержать все в той же тюрьме в Порт-Блэре.

Статья под заголовком «Ад на Земле — жизнь на Андаманах», написанная членом английского парламента полковником Веджвудом и опубликованная в лондонской газете «Дейли телеграф», также привлекла к себе внимание общественности. Полковнику Веджвуду совершенно случайно пришлось ехать в поезде в одном купе с человеком, «одетым во все белое, у которого был мягкий голос, а лицо святого». Пять лет пробыл он на Андаманах, а до этого был профессором истории в Лакхорском университете. Этот профессор нарисовал Веджвуду красочную картину тирании и коррупции на Андаманах и рассказал, что многие политические заключенные (он упомянул среди них и имя Ганеша, старшего из Саваркаров) «после десяти лет этого ада... содержатся постоянно в тюремной больнице, ожидая конца — освобождения от этого мира и ухода туда, где нет ни тиранов, ни тюрем».

Рабочий комитет партии Индийский национальный конгресс также принял резолюцию, требующую освобождения братьев Саваркар. В конце концов Саваркаров и некоторых других заключенных выпустили из тюрьмы с покамерным содержанием и разрешили жить в Порт-Блэре в качестве досрочно освобожденных заключенных под гласным надзором полиции.

Как и Маулана Мохаммад Джафар Тханесвари, Саваркар, как только оказался вне тюрьмы, начал на Андаманах революционную агитацию. Однако, когда пришел приказ о его отправке с Андаман, Саваркар обратился к правительству с просьбой, если он не будет освобожден сразу же после того, как вступит на землю Индии, остаться на Андаманах и отбыть там весь срок заключения. Его просьба, разумеется, была отвергнута. Впоследствии его освободили из тюрьмы Йеравда в Пуне после встречи с губернатором Бомбея Джорджем Ллойдом и в принудительном порядке заставили подписать «обязательство о неучастии в политической деятельности».

Предложение о репатриации политических заключенных на материк по времени совпало с решением правительства Индии полностью ликвидировать поселения каторжан на Андаманах. Министр внутренних дел Уильям Винсент, выступая в Центральном законодательном собрании 11 марта 1921 года, признал, что в

течение нескольких лет у них были опасения насчет Андаман. Через несколько месяцев в ответ на вопрос Раи Бахадур Лал Рам Саран Даса в Государственном совете Г. Д. Крейк категорически заявил, что правительство решило отказаться от Андаманских островов в качестве места для каторжных поселений. Соответственно на острова прекратили посылать заключенных с марта этого года. Однако меньше чем через год правительство изменило свое решение. Тот же Уильям Винсент 6 февраля 1922 года заявил в Центральном законодательном собрании, что вследствие прекращения ссылки на Андаманы и неспособности местных правительств найти в настоящий момент средства для строительства новых тюрем переполненность существующих тюрем в некоторых провинциях стала крайне серьезной проблемой. В сложившихся обстоятельствах правительство Индии пришло к заключению, что нет другого выхода, как вновь временно разрешить ссылку на Андаманы заключенных, приговоренных к каторжным работам. Положение оставалось практически таким же в течение нескольких последующих лет.

Правительство никак не могло окончательно решить судьбу Андаман, борьба за свободу на континенте продолжалась и приобретала все больший размах. Многие не признавали ненасильственных методов действий, предложенных Махатмой Ганди и его «сатьяграхой»⁵⁰. В тот период разбиралось много дел о заговорах, в которых участвовали террористы, как их называли англичане. Сюда относятся дела о нападении на Читтагонгский арсенал, о какорийском и лахорском заговорах. Некоторые из осужденных по этим делам были сосланы на Андаманы. Эти три акции могут с полным основанием считаться одними из наиболее смелых в истории террористического движения в Индии.

Нападение на Читтагонгский арсенал было произведено 18 апреля 1930 года. (Этот день был выбран потому, что совпадал с годовщиной восстания в Ирландии.) Руководителем операции стал Сурья Сен. Манматхнат Гупта в своей «Истории революционного дви-

---

⁵⁰ Сатьяграха («упорство в истине») — термин, введенный Ганди для обозначения своего метода политической борьбы, сводящегося к пассивному сопротивлению путем массового гражданского неповиновения, отказа от выполнения отдельных распоряжений органов власти, от сотрудничества с ними при полном отказе от каких-либо насильственных действий.

жения в Индии» описывал, как был организован этот рейд и что произошло в тот памятный день: «Нирмал Сен, Локенатх Бал, Ананд Сингх, Ганеш Гхош, Амбика Чакрабартти и Упендра Бхаттачарья должны были руководить нападением на различные ключевые пункты района. В обязанность Ананда Сингха и Ганеша Гхоша входило произвести нападение на арсенал и на полицейский участок, а Амбики Чакрабартти — на телеграфную и телефонную станции. Большинству юношей было менее 20, а некоторым даже 16 лет. За машиной, в которой находились Сингх и Гхош, следовала другая, в которой ехал Сурья Сен. Благодаря тому что революционеры действовали решительно, им удалось захватить арсенал, и в их руки попало большое количество оружия и боеприпасов. Было убито несколько охранников и один английский офицер. Все боевые задачи выполнялись точно. Прибывшего Сурья Сена встречал почетный караул. Услышав стрельбу и взрывы бомб, европейцы бежали».

Революционеры скрывались на склонах окрестных холмов, где и происходили многочисленные стычки между ними и полицией. Обе стороны несли тяжелые потери. Согласно одному источнику, было убито 160 английских солдат, но эта цифра, может быть, завышена.

Перед судом по этому делу предстало 32 революционера. Одних суд приговорил к смертной казни через повешение, других — к разным срокам заключения, а третьих — к пожизненной каторге. Сурья Сену удалось бежать. Какое-то время он скрывался в Шандернагоре. В конце концов его поймали и приговорили к смертной казни, а его товарища по борьбе Калпана Датта — к пожизненной каторге.

Замысел какорийской операции возник в начале 1924 года во время встречи в Шахджаханпуре (Соединенные провинции) в доме Рампраасада, который известен под кличкой Бисмил. Все присутствовавшие на встрече приняли клички, такие, как Наваб, Квиксильвер. Мусульманин Ашфакулла решил надеть одежду индуса и назвался Кунварджи.

9 августа 1925 года участники заговора стоп-краном у небольшой станции Какори остановили пассажирский поезд. 16 участников вошли в багажный вагон поезда и овладели ящиками, в которых хранились деньги. Пока проходила эта операция, несколько заговорщиков следили за действиями пассажиров: гуркх, попытавшийся

схватиться за ружье, получил пулю в лоб, пассажира, высунувшегося из окна, ранили из пистолета, европейца с винтовкой, собиравшегося сойти с поезда, в ногу.

После нападения на поезд по всей провинции Уттар-Прадеш были проведены активные аресты, и большую часть участников заговора арестовали. Суд приговорил многих из них к смертной казни и к пожизненной каторге на Андаманах.

Однако по-настоящему поразил воображение людей всей Индии так называемый лахорский заговор. Именно в этом деле участвовал и Бхагат Сингх⁵¹. Его имя наиболее известно среди революционеров, которые боролись за свободу Индии. Он стал живой легендой при жизни. Несмотря на то что Бхагат Сингх верил в насилие как в законное оружие в борьбе за свободу, Ганди, апостол ненасильственных методов, просил вице-короля лорда Ирвина о его помиловании.

Все началось с назначения правительством Англии комиссии для выработки рекомендаций о конституционных изменениях, которые можно было бы внести в политическую структуру управления Индией. Эта комиссия возглавлялась членом английского парламента от либеральной партии Саймоном. Между прочим, одним из членов этой комиссии был майор Клемент Эттли (впоследствии премьер-министр Великобритании). Возмущение индийской общественности, а в особенности Индийского национального конгресса, вызвало то, что в состав этой комиссии не был включен ни один индеец. Поэтому Индийский национальный конгресс принял решение о бойкоте комиссии. Повсюду членов комиссии встречали демонстранты, скандирующие лозунг: «Саймон, убирайся вон!»

Комиссия прибыла в Лахор (в настоящее время территория Пакистана) 30 октября 1928 года. Как и повсюду в Индии, там была организована демонстрация, которую возглавил один из виднейших деятелей партии Индийский национальный конгресс, Лала Ладжпат Рай⁵², прошедший много лет в изгнании за границей. Когда демонстрация подходила к лахорскому железнодорожному вокзалу, путь ей преградило проволочное

⁵¹ Бхагат Сингх (1907—1931) — индийский национальный революционер, организовавший несколько террористических актов против британских колонизаторов. 23 марта 1931 г. повешен.

⁵² Лала Ладжпат Рай (1865—1928) — национальный революционер, активный деятель «Арья самадж», затем левый конгрессист.

заграждение. Демонстрация остановилась, во главе ее находился Ладжпат Рай и местные руководители. Хотя демонстрация была совершенно мирной, полиция по неизвестной причине внезапно набросилась на ее участников и начала их избивать. Лала Ладжпат Раю было нанесено много ударов. Сначала казалось, что их последствия не будут серьезными, но, к несчастью, 17 ноября 1928 года Лала Ладжпат Рай умер от сердечного приступа. В его смерти был виновен Дж. А. Скотт, старший суперинтендант полиции, — это он избивал его своей латхи⁵³.

Незадолго до этого события Бхагат Сингх и несколько его товарищей создали Социалистическую республиканскую партию Индостана. 10 декабря 1928 года Совет партии собрался в Лахоре и принял решение убить Скотта. Через неделю, 17 декабря, Бхагат Сингх и три его товарища, в том числе и Раджгуру, подошли к зданию суда, в котором размещалась лахорская полиция, и стали поджидать появления на улице Скотта. Однако первым на пороге здания показался один из младших полицейских — Дж. П. Сондерс. Раджгуру кинулся к нему и выстрелом из револьвера ранил его в голову. Сондерс упал. Бхагат Сингх выпустил в него еще с полдюжины пуль. Нападавшие быстро скрылись. (Между прочим, тогда я жил в новом общежитии правительственного колледжа в Лахоре, менее чем в 100 ярдах от места происшествия. Услышав выстрелы, я выбежал на улицу. Сондерс плавал в луже крови. Возбужденные и растерянные полицейские метались возле покойника.)

Полиция провела прочесывание района, и месяца через два-три было произведено несколько арестов. Но только спустя некоторое время они сумели арестовать Бхагат Сингха. Это произошло после тяжелой драмы в Центральном законодательном собрании 8 апреля 1929 года. Председатель Законодательного собрания Витхалбхаи Патель⁵⁴ уже собирался вынести постановление по Закону об общественной безопасности, который руководитель Конгресса Мотилал Неру⁵⁵ охаракте-

⁵³ Латхи — длинная бамбуковая дубинка, окованная железом.

⁵⁴ Витхалбхаи Патель (1873—1933) — видный бомбейский общественный деятель, участник «сатьяграхи», был членом бомбейского Законодательного совета и первым выборным председателем индийского Законодательного собрания.

⁵⁵ Мотилал Неру (1861—1931) — отец Джавахарлала Неру, крупнейший деятель Индийского национального конгресса, с 1925 года лидер партии свараджистов.

призвал как «направленный против индийского национализма и Конгресса», как в зале раздался два взрыва бомб, а за ними два револьверных выстрела. Молодые люди, устроившие эту акцию, — Бхагат Сингх и Бхактошвар Датт — даже не пытались бежать. Они отдали себя в руки правосудия без какого-либо сопротивления. Впоследствии Датт провел много лет на Андаманах.

Бхагат Сингха разыскивали в связи с многими другими «преступлениями». После ареста Бхагат Сингха полиции удалось распутать дело, которое впоследствии стало известно как лахорский заговор. Всего по этому делу привлекалось 24 человека: шестеро из них скрывались, а семеро признали свою вину и выдали сообщников. Подсудимым было предъявлено обвинение в организации «заговора с целью убийства короля, вооруженного грабежа и в изготовлении и использовании бомб». Судебный процесс начался 10 июля 1930 года, а приговор был вынесен 7 октября 1930 года. Бхагат Сингх и Раджгуру приговорили к смертной казни, а семерых других — к пожизненной каторге и сослали на Андаманы в 1932 году.

Л. П. Матхур в книге «История Андаманских и Никобарских островов» писал, что первая партия заключенных-террористов прибыла на Андаманы в тот момент, когда там стояла холодная погода. (До начала 1933 года продолжали поступать все новые и новые партии заключенных.) Огромная тюрьма обветшала, по стенам змеились трещины. Многих заключенных уложили на доски прямо на холодном полу. Нуждающимся в медицинской помощи отказывали. Кормили плохо, в пищу часто попадались черви. Заключенных поставили на тяжелую работу. Книги им покупать не разрешалось, библиотека отсутствовала. Они не имели никакой возможности отдыхать и нормально двигаться. Власть относилась к ним мстительно, бессердечно и грубо.

Объявление голодовки стало единственным способом протеста против такого бесчеловечного обращения. Беджой Кумар Синх, автор книги «На Андаманах — индийская Бастилия» (он сам отбывал заключение в тюрьме с покамерным содержанием) вспоминал, как, сговорившись заранее, несколько заключенных в начале января 1933 года объявили голодовку. Они согласились прекратить ее после того, как Главный комиссар заверил, что все претензии заключенных будут рассмотрены. Види-

мо, ничего так и не было сделано, и их жалкое существование не улучшилось. Тогда ссыльные решили объявить новую голодовку.

В официальном сообщении от 28 мая 1933 года, выпущенном министерством внутренних дел в Симле и зачитанном в Законодательном собрании членом Исполнительного совета при генерал-губернаторе Гарри Хейгом, говорилось, что правительство Индии получило информацию от Главного комиссара на Андаманских островах. Дело в том, что 12 мая 29 заключенных, осужденных за преступления, связанные с террористической деятельностью, объявили голодовку в знак протеста из-за невыполнения некоторых их требований. Позднее к ним присоединилось еще несколько заключенных.

В сообщении правительства далее говорилось, что Махавир Сингх, осужденный по лахорскому делу, скончался 17 мая. Называлась официальная причина его смерти — «сопротивление пациента принудительному кормлению при слабом физическом состоянии, что вызвало сильный шок и привело к коллапсу и смерти». Беджой Кумар Синх утверждал, что во время принудительного кормления молоко попало Махавиру Сингху в легкие и, хотя тот понял, что произошло, промолчал, таким образом обрекая себя на верную смерть.

В официальном сообщении говорилось также о смерти еще одного политического заключенного — Манкришна Нам Даса. Дело в том, что 17 мая его пытались принудительно накормить. Власти затем сообщали, что он будто бы этому не сопротивлялся. Однако 19 мая его отправили в тюремную больницу с диагнозом «долевая пневмония». Вскоре он скончался. Имеются сведения, что еще один заключенный умер вскоре после того, как его пытались накормить насильно.

Как и следовало ожидать, беспокойство за судьбу заключенных, объявивших голодовку, распространилось по всей Индии. Делегация членов Законодательного собрания встретилась с Гарри Хейгом, который выразил «сочувствие» заключенным и пообещал принять меры. Он послал на Андаманы своего специального представителя — подполковника Баркера. В результате расследований, проведенных Баркером, а также из-за того, что местные власти были испуганы беспрецедентно долгой голодовкой (46 дней), они удовлетворили большинство требований заключенных. Поэтому в официальном заявлении правительства от 27 июня 1933 года сообща-

лось, что 26 июня все политические заключенные прекратили голодовку.

На Андаманы и раньше направляли заключенных из Бирмы, приговоренных к пожизненной каторге, но по настоящему большие партии бирманских заключенных, которых можно назвать политическими, стали поступать сюда после подавления восстания в Тхарварди.

Генеральный совет бирманской ассоциации⁵⁶ был единственной политической партией в Бирме. В то время во главе его стояло несколько помещиков и представителей интеллигенции, целью которых было достижение самоуправления Бирмы (гомруля) в составе Британской империи.

Однако на ежегодной конференции, проведенной в Мандалае в 1928 году, доктор Сая Сен, лидер экстремистской фракции Генерального совета, внес резолюцию, что целью Совета с этого времени становится достижение полной независимости и при этом делается ставка на массовое движение. Разумеется, умеренные покинули конференцию. По словам индийского революционера Джитена Гхоша (его также сослали на Андаманы), доктор Сая Сен собрал вокруг себя большое число добровольцев и собирался возглавить повстанческую армию из числа крестьянского населения Бирмы.

Доктор Сен организовал мастерские по изготовлению ружей и боеприпасов в тайном центре в густых лесах округа Тхарварди. Юноши из всех районов Бирмы собирались под его знамена, и их обучали владеть оружием. Наконец, 22 декабря 1930 года, собрав армию добровольцев, доктор Сен поднял флаг восстания.

Джитен Гхош писал, что Сен выпустил прокламацию, отменяющую все долги крестьян, и объявил буддизм государственной религией. Железнодорожные пути и мосты были разрушены, телефонная и телеграфная связь нарушена, у полиции отобрано оружие, двери тюрем разбиты, заключенные освобождены, а старосты в деревнях и городах разоружены.

До прибытия английской армии, в течение семи дней, добровольцы доктора Сена удерживали власть в Тхарварди. Английских чиновников заставили сдаться и заявить, что правлению англичан пришел конец. Англий-

---

⁵⁶ Генеральный совет бирманской ассоциации создан после первой мировой войны в результате объединения Ассоциации молодых буддистов, Союза женщин и ряда других патриотических организаций под руководством части националистов.

ской армии потребовалось три дня, чтобы разбить повстанцев, им пришлось применить даже артиллерию. Сену удалось бежать.

В Тхарварди вновь установилось правление англичан, но восстание перекинулось на многие другие районы Бирмы. Люди Сена захватывали полицейские участки и тюрьмы во многих городах. Англичане мобилизовали все силы, имевшиеся в их распоряжении, и отвечали жестокими репрессиями. Джитен Гхош писал, что деревня за деревней сравнивались с землей артиллерийским огнем.

Для полного подавления восстания и поимки Сая Сена англичанам потребовалось восемь лет. Выданный предателем, Сая Сен был схвачен, когда лежал в лесу с приступом лихорадки.

По всей Бирме проходили судебные процессы: в результате 274 «мятежника» было повешено, а 535 сослано на Андаманы.

В течение трех лет их жизнь на Андаманах протекала без каких-либо происшествий. Разумеется, им было тяжело из-за жестокого обращения с ними тюремных властей. Хотя заключенные и добились права получать письма, больше писали сами, однако эта уступка не внесла в их существование каких-то зримых перемен. То же самое касалось и встреч с родственниками — немногие из них могли позволить себе приехать на Андаманы. Имели место и мелкие стычки с тюремными властями.

Что касается книг, то у заключенных был весьма ограниченный выбор книг в тюремной библиотеке. Осужденные бенгальцы стремились заполучить марксистскую литературу, что не встречало понимания со стороны властей Бенгалии, а предварительное одобрение подбора книг властями той провинции, откуда поступили заключенные, было обязательным.

Качество пищи было плохим. Многие политические заключенные подвергались телесным наказаниям за незначительные нарушения тюремного распорядка. Постоянное пребывание в душных камерах в условиях тропического климата постепенно расшатывало здоровье. Заключенные почти постоянно находились в состоянии нервного возбуждения.

Политические партии на континенте, особенно Индийский национальный конгресс, проявляли постоянный интерес к судьбе заключенных. Только за один 1936 год

в Законодательном собрании был сделан 61 запрос по этому поводу. 25 марта 1935 года в ответ на вопрос Мохан Лал Саксены в Законодательном собрании Генри Крейк, который был в то время членом Исполнительного совета при генерал-губернаторе и ответственным за внутренние дела, сказал, что на Андаманах находится 219 заключенных-террористов.

В такой обстановке Генри Крейк решил посетить Андаманские острова. Это произошло в середине года. По возвращении в Симлу он шокировал всех, особенно представителей печати, как мы уже писали, своим заявлением, будто Андаманы — «рай на Земле». Однако сам Крейк, отвечая на вопрос, заданный Бхаи Парманандом в Законодательном собрании, заявил, что слова, которые так часто цитируются, совсем не те, которые он употребил. Крейк сказал, что по сравнению с любой другой тюрьмой или каторжным поселением в Британской Индии здесь настоящий рай. Он не обнаружил никаких серьезных недостатков, требующих исправления, в управлении тюрьмой в Порт-Блэре. Согласно докладу специального уполномоченного по вопросам здравоохранения за 1934 год, уровень смертности составлял 11%, или 110 человек на каждую тысячу заключенных.

Кроме этих высказываний, Г. Крейк не представил никакого подробного доклада, заявив, что он не тот человек, который любит писать докладные. Заключенные, по его мнению, мечтают только об одном — об освобождении; иных желаний у них нет.

Заявления Г. Крейка вызвали протесты лидеров различных политических партий в Индии, особенно Индийского национального конгресса, а также членов Законодательного собрания. Очевидно, для того чтобы как-то успокоить Законодательное собрание, Г. Крейк согласился послать на Андаманы двух его членов: Раизада Ханс Раджа от Индийского национального конгресса и Мохаммед Ямин Хана от Мусульманской лиги.

Мохаммед Ямин Хан и Раизада Ханс Радж (последнего сопровождали жена и сын) 6 октября 1936 года отплыли из Калькутты. Как и все, кто посещал Андаманы, они были очарованы величественной красотой островов. Так, в своем докладе от 30 ноября 1936 года Мохаммед Ямин Хан писал, что с моря Андаманские острова и поселение в Порт-Блэре казались хорошо ухоженным парком. Раизада Ханс Радж, завидев тюрьму, решил, что перед ним замок Главного комиссара, а

прелестный остров Росс произвел на них огромное впечатление.

В первый день своего пребывания на острове два часа они провели в больнице, которая предназначалась исключительно для политических заключенных. Побеседовав с каждым из пациентов, они установили, что некоторые из них страдают от болезней, приобретенных еще в Индии. Они нашли, что число пациентов, 25 человек, сравнительно невелико. Большинство из них выглядело так, словно они уже поправились и вот-вот должны выписаться. Во время визита Ямин Хан жил в доме начальника медицинской службы капитана Чоудхури, потому что дом для приезжих был мал и мог вместить только Раизада Ханс Раджу с женой и сыном.

Ямин Хан и Ханс Радж на следующий день встретились с политическими заключенными в тюрьме, причем по желанию заключенных без представителей администрации. Ямин Хан был поражен тем, что политические заключенные оказались разделенными на три враждующие между собой группировки и ни одна из них не доверяла другой. Поэтому им пришлось встречаться с каждой из этих трех группировок, а с некоторыми каторжанами даже индивидуально. Они выслушивали жалобы заключенных и поняли, что их требования сводились к следующему.

Во-первых, они все очень страдали из-за неудовлетворительного снабжения водой. Порой ее не подавали в определенные часы днем по вине рабочих. Главный комиссар и начальник медицинской службы обещали принять меры.

Во-вторых, заключенные жаловались на климат — разница температур от 31,5° до 19° по Цельсию и очень большая влажность.

В-третьих, политические заключенные страдали из-за нехватки овощей на Андаманах. Некоторые овощи, которые обычно привозили из Калькутты и Рангуна, через несколько дней портились.

Раизада Ханс Радж посетил также кухню, на которой готовилась пища для обычных заключенных класса В. Он попробовал дал⁵⁷ и чапати⁵⁸ и нашел, что блюда здесь лучше, чем те, которыми кормят заключенных в пенджабских тюрьмах.

Кроме того, политические заключенные жаловались

⁵⁷ Дал — блюдо из бобов с пряностями.

⁵⁸ Чапати — тонкая лепешка из пресного теста.

на нехватку газет. Комиссия установила, что ссыльные получали зарубежное издание «Стейтсмен уикли» и индийские — «Иллюстрейтед таймс оф Индия», «Санджавани», «Бангабаши» и «Чиф комишенерс бюллетин». Были рассмотрены также их жалобы в отношении библиотеки — заключенным приходилось самим покупать себе много книг, правительственная дотация в 200 рупий на периодику недостаточна; неудовлетворительными были условия для отдыха.

Мохаммед Ямин Хан и Раизада Ханс Радж считали, что все сводилось к одному простому факту, который был основной причиной жалоб заключенных: *они хотели, чтобы их репатриировали*. Когда им в категорической форме предложили выбрать — остаться всем вместе на Андаманах или отправиться в Индию и содержаться в разных тюрьмах, то они предпочли, чтобы их репатриировали немедленно, но содержали вместе. Мохаммед Ямин Хан объяснял это решение заключенных тем, что здесь, на Андаманах, они видят людей «со воли» гораздо реже, чем могли бы в Индии.

Что касается камер, то Мохаммед Ямин сообщал, что их размеры обычно больше, чем спальня человека среднего достатка или клерка в Симле или Калькутте. В каждой камере имелись кровать, одеяло, две простыни, одна подушка. Заключенные имели право покупать вещи, разрешенные тюремной администрацией, и получать по 20 рупий в месяц от своих родственников или друзей (заключенный класса В) и 10 рупий (класса В).

Однако Мохаммед Ямин Хан был твердо убежден, что некоторых заключенных не следовало вообще отправлять на Андаманы. К таковым он относил людей со слабым здоровьем и совсем молодых, приговоренных к коротким срокам заключения.

Довольно странно, что доклад Мохаммед Ямин Хан резко противоречил сообщениям Беджой Кумар Синха в изложении Матхура: «За незначительные нарушения тюремного распорядка многие политические заключенные подвергались телесным наказаниям. Постоянное пребывание осужденных по обвинению в терроризме в душных камерах в условиях тяжелого климата тропического острова расшатало здоровье почти всех заключенных».

Нигде в своем докладе Мохаммед Ямин Хан не упоминал ни жалоб заключенных по поводу телесных на-

казаний, ни того, что камеры «душные». Конечно, автор согласен, что эти камеры (он их видел), без сомнения, производят угнетающее впечатление, но камеры во всех тюрьмах мира таковы даже в наши дни, когда так много говорят о «ненависти к преступлению, а не к преступнику».

Что бы то ни было, визит этих двух депутатов несколько окрылил заключенных, вселил в них луч надежды на лучшее будущее. Они ждали, но все было тщетно. Правительство считало, что условия в тюрьме с по камерным содержанием заключенных в общем вполне удовлетворительные. Заключенные также возлагали надежды на то, что создание в семи провинциях Индии конгрессистских министерств в результате введения автономии провинций в соответствии с принятым в 1935 году «Законом об управлении Индией»⁵⁹ отразится и на их судьбе. Однако ничего не изменилось. Терпению политических заключенных пришел конец. 9 июля 1937 года из официального сообщения правительства следовало, что большое число заключенных-террористов на Андаманах направило правительству Индии петицию, требуя, чтобы по всей Британской Индии (а не только на Андаманах) лица, арестованные по обвинению в политических преступлениях, были освобождены; репрессивные законы аннулированы и приказы об интернировании отменены; политические заключенные, находящиеся в настоящее время на Андаманах, возвращены в Индию, а другие не направлялись на Андаманы; политические заключенные рассматривались как заключенные класса Б.

В сообщении говорилось, что данная петиция была получена правительством Индии лишь 20 июля, но за два дня до этого заключенные-террористы уже информировали Главного комиссара о том, что, если ответ правительства Индии не будет получен до 24 июля, они объявят голодовку. 23 июля «заключенным передали указание правительства Индии отозвать эту петицию». И, по словам министра внутренних дел Дж. А. Торна,

⁵⁹ «Закон об управлении Индией» — конституция, предусматривавшая превращение Индии в федерацию провинций и княжеств при сохранении всей полноты власти в руках вице-короля. В провинциях создавались выборные Законодательные собрания и автономные правительства. В основу системы выборов был положен курниальный религиозно-общинный принцип. На выборах весной 1937 года Индийский национальный конгресс получил большинство голосов в девяти провинциях из одиннадцати.

24 июля 1937 года началась массовая голодовка. Число бастующих составило 177 человек. Постепенно масштабы забастовки расширились. К 19 августа, также по словам Торна, число бастующих уже достигло 225 человек.

Волна негодования прокатилась по всей стране. Вполне естественно, что люди беспокоились о состоянии здоровья бастующих заключенных. Депутат от партии Индийский национальный конгресс в Центральном законодательном собрании С. Сатьямуртхи внес предложение о перерыве в заседаниях палаты. Во время дебатов по этому предложению лидер этой партии Бхулабхай Десаи, резюмируя создавшееся положение, заявил, что по всей стране раздавались призывы репатриировать этих заключенных.

«Вы,— сказал С. Сатьямуртхи,— были настолько любезны, что поблагодарили председателя Конгресса за обращение к бастующим с призывом отказаться от голодовки, и если эти слова имеют хотя бы каплю искренности, то я хотел бы помочь Вам в этом деле, не просто из сострадания, но желая добра, ради оказания поддержки правительству. Если Вы желаете, чтобы террористов стало еще больше, то, пожалуйста, продолжайте фетишизировать дисциплину, закупайте для этих людей саваны и топливо для погребальных костров. Если Вы будете поступать по-прежнему, то вскоре увидите, что правительство роет само себе могилу, убивая этих людей». (Всеобщий ужас вызвало сообщение о том, что местная администрация организовала доставку саванов и топлива в больших масштабах для тех, кто может умереть в результате этой голодовки.)

Даже М. А. Джинна⁶⁰ присоединился к обращению в защиту заключенных со словами: «Мы сейчас не настаиваем на том, чтобы репатриировать их немедленно, ведь они объявили голодовку. Но они должны быть репатриированы на том основании, что вопрос об их наказании следует пересмотреть».

Предложение было принято 62 голосами против 55, и правительство оказалось в меньшинстве. Вся страна испытывала симпатию к голодающим заключенным, не только основные политические организации и политиче-

---

⁶⁰ Мухаммед Али Джинна (1876—1948) — лидер Мусульманской лиги с 1934 года, первый генерал-губернатор Пакистана, выступал за независимость Индии, но в основном защищал интересы мусульманской верхушки.

ские лидеры присоединились к выражению симпатии и негодования, но и большое число политических заключенных в Индии также организовали голодовку в поддержку бастующих на Андаманах.

Тем временем администрация на Андаманах была вынуждена прибегнуть к принудительному кормлению. Во что бы то ни стало заключенным нельзя было дать умереть. Из прошлого опыта администрация знала, как действовать без применения излишней силы. Главный комиссар В. А. Косгрейв и начальник медицинской службы капитан Б. Чоудхури проявили сострадание, и им удалось установить хорошие отношения с некоторыми лидерами заключенных. Это делало работу капитана Чоудхури по принудительному кормлению сравнительно менее тяжелой, а Косгрейв поддерживал его во всем.

Бастующие заключенные с пониманием отнеслись к такой позиции Главного комиссара и, по словам Чоудхури, просили его передать Главному комиссару, что их протест направлен не против местной администрации, а против английского правительства и его решения держать их на Андаманах. Они считали это оскорблением и просили передать, что если заключенные не будут приветствовать Косгрейва или Чоудхури, когда те совершают обход, то на это не следует обижаться, поскольку они не хотят оскорбить лично каждого из них.

Чоудхури говорил, что он дал указание всем врачам рассматривать забастовщиков как пациентов, а не как заключенных, и взял с них обещание не обращать внимания на оскорбления, которым их могут подвергнуть есылыные.

Далее Чоудхури сообщал, что, для того чтобы заключенные не умерли от голода, их пришлось кормить насильно. Он с гордостью отмечал, что хотя голодовка продолжалась 56 дней, ни один заключенный не скончался. Ветераны среди бастующих вполне твердо придерживались своего решения ничего не есть по доброй воле. Однако более молодые люди, добавил Чоудхури, думали совсем по-другому. Они, как правило, съедали пищу, которую по распоряжению тюремной администрации оставляли у дверей камер. Одновременно заключенных убеждали в том, что их смерть ничему не поможет и все их жалобы направлялись по инстанциям должным образом.

Как ни странно, заключенные глубоко оскорбились

визитом Ямин Хана и Ханс Раджа, ведь он не привел к каким-либо осязаемым результатам. Ссылные не хотели, чтобы, пока они проводят голодовку, к ним приезжали политические деятели или министры. Они делали единственное исключение для Махатмы Ганди. Ему они полностью доверяли и жаждали его посещения.

Однако Махатма Ганди приехать не смог; он послал телеграмму от имени Рабиндраната Тагора, Дж. Неру, рабочего комитета Индийского национального конгресса и от себя лично, в которой просил их прекратить голодовку. (Правда, к тому времени Центральное законодательное собрание уже приняло резолюцию о репатриации политических заключенных с Андаманских островов и голодовка была прекращена.) В ней участвовало наибольшее число заключенных за всю историю каторжных поселений на Андаманах.

Чем же все-таки было поселение каторжан на Андаманах? Раем для заключенных или адом на Земле? Для таких людей, как Маулана Мохаммед Джафар Тханнесвари, который умел втираться в доверие к нужным людям, хитростью и лестью добиваться для себя благ, Андаманы оказались раем. Но для Саваркара и ему подобных людей, с которыми здесь обращались как с обычными уголовными преступниками и лишали при этом даже льгот, полагавшихся уголовным преступникам (таких, как поселение под надзор полиции после нескольких месяцев заключения в тюрьме с покамерным содержанием), для тех, кто вынужден был переносить даже больше унижений и тягот, чем обычные уголовные преступники, убийцы и головорезы, Андаманы, безусловно, оставались адом на Земле.

Ни каторжное поселение на Андаманах, ни те, кто им управлял, ни само правительство Индии не были готовы к тому, что туда попадет новое поколение политических заключенных, по своему уму и образованию стоящее намного выше среднего уровня. Поэтому вся система в ее первоначальном виде оказалась обреченной на провал, когда столкнулась с такой сложной и неожиданной ситуацией. В начале сентября 1937 года было принято решение о репатриации всех политических заключенных, которую к концу того же месяца в основном и завершили.

В тот период, когда политические заключенные на Андаманских островах боролись за свои права, над Европой нависли грозные тучи войны. Люди, обладавшие политической прозорливостью, понимали, что мир в Европе может нарушиться в любую минуту и весь Европейский континент, а затем и почти все остальные страны мира будут тогда охвачены пламенем войны.

25 октября 1936 года Германия и Италия объявили о создании оси «Берлин — Рим». Ровно через месяц, 25 ноября, Германия и Япония объявили о подписании Антикоминтерновского пакта. Так был создан знаменитый треугольник.

В 30-е годы Япония была уже сильной державой, обладающей современной армией, военно-морским и воздушным флотом, мечтающей о господстве над Китаем и странами Юго-Восточной Азии. 18 сентября 1931 года Япония начала вторжение в Маньчжурию, открыв тем самым позорную страницу своей истории.

В период между началом военных действий в Европе и тем временем, когда Гитлер совершил ошибку, напав на СССР и создав таким образом второй фронт для своих армий, Европа оказалась в руинах. Весь континент лежал у ног Гитлера и Муссолини, ставшего теперь скромным подручным фашистского фюрера.

А на Дальнем Востоке вооруженные до зубов армии микадо рвались с поводка и с нетерпением ожидали благоприятного момента для того, чтобы присоединиться к погоне за добычей. После нападения Гитлера на СССР Тодзио решил, что и его час настал.

26 ноября 1941 года была начата одна из наиболее тщательно засекреченных операций за всю историю мирового военного искусства: с Курильских островов отбыла японская армада и 7 декабря был нанесен одновременный удар с воздуха по военно-морским базам США в Перл-Харборе и по находившимся рядом армейским базам ВВС. В тот же самый момент японские эсминцы обстреляли острова Мидуэй. На следующий день японские самолеты совершили рейды на американские военно-воздушные базы на Филиппинах, а японская армия вторглась в Таиланд и Малайю. Японцы захватили также Шанхайский международный анклав, атаковали континентальные территории Гонконга и обстреляли

острова Уэйк и Гуам. 10 декабря они потопили два английских боевых корабля — «Репалс» и «Принс оф Уэльс».

11 декабря 1941 года началось японское вторжение в Бирму. 20 мая 1942 года страна была полностью оккупирована. Однако англичане эвакуировались из Рангуна несколько ранее, 7 марта. Одним из последствий потери Рангуна стала эвакуация с Андаманских островов.

Эти острова представляли значительную стратегическую ценность, и англичане хорошо понимали это. На одном из этапов боевых действий, согласно донесению разведки, представленному в штаб командования на Дальнем Востоке (Сингапур), адмиралтейство решило «создать оборонительные сооружения на Нанкаури, с тем чтобы эта бухта могла использоваться в качестве базы для заправки кораблей ВМС». Представляется, что японцы оценивали стратегическое значение Андаманских островов не хуже англичан. В феврале 1942 года императорский Генеральный штаб Японии отдал приказ об их захвате. В марте Порт-Блэр был уже оккупирован. Там сразу же построили военно-воздушную базу японских ВВС.

В Порт-Блэре находилась только одна английская рота. В январе 1942 года она была заменена батальоном гуркхов. Но когда стало понятно, что Рангун удержать нельзя, то 12 марта 1942 года гуркхов также эвакуировали с островов по приказу генерала Уэйвелла. Таким образом, население Андаманских и Никобарских островов было предоставлено самому себе. И судьба этих людей оказалась совсем нелегкой.

Военные власти испытывали большую тревогу по поводу потери Андаманских островов, и не только со стратегической точки зрения. Они опасались, что японцы оккупируют Андаманы и захватят находящихся там военнопленных, которых в то время насчитывалось 180 человек, а также большое число революционеров, которые все еще содержались в Порт-Блэре, несмотря на то что ссылка туда политических заключенных была отменена. Еще 31 января 1942 года на заседании комитета начальников штабов этот вопрос обсуждался, и, как записано в протоколе, комитет считал, что в случае захвата островов японские власти смогут широко использовать оставшихся там заключенных и военнопленных в пропагандистских целях, в организации шпио-

нажа и диверсий на территории британских владений.

Поэтому было рекомендовано эвакуировать в Индию в первую очередь военных, а затем остальных заключенных. Эти рекомендации были оставлены без внимания.

Последняя партия военных заключенных прибыла в Порт-Блэр, когда взбунтовался кавалерийский полк в Центральной Индии. Филипп Мэсон в книге «Дело чести» рассказал, что, когда кавалерийский полк получил приказ отправиться за море, солдаты спокойно заняли свои места в вагонах. Однако в Бомбее произошла неожиданная задержка: поезд был отправлен на запасные пути и простоял там сутки.

В течение этого времени четыре сикха — члены организации «Кирти Лехар»⁶¹ вели агитацию среди солдат. В результате две трети эскадрона сикхов отказались отправиться за море. Офицеры пытались их убедить, но безуспешно. Полк отплыл без них, и потом на их место был послан другой эскадрон. Взбунтовавшиеся сикхи предстали перед военно-полевым судом. Их руководителей сослали на Андаманы, где они впоследствии попали в руки японцев.

В телеграмме английского командования от 16 февраля 1942 года штабу армии в Бирме сообщалось о том, что на Порт-Блэр совершили налет три японских бомбардировщика, рейд длился 65 минут, его целью был аэродром и наземные оборонительные сооружения. Обошлось без жертв, отмечены лишь небольшие повреждения имущества. Далее говорилось, что три дня спустя был совершен еще один налет на Порт-Блэр.

В течение нескольких недель японские самолеты летали над островами, явно с целью разведки. В Бенгальском заливе также происходили боевые действия. Индийские ВМС потеряли корабль «Софи-Мари», который подорвался на mine.

После падения Рангуна и Сингапура и sporadических воздушных налетов на Андаманы стало ясно, что через несколько дней японцы начнут вторжение на Андаманские и Никобарские острова. Поэтому первым шагом, который предприняли власти, был перевод всех канцелярий, чиновников и их семей с острова Росс в Абердин.

Следующим этапом была эвакуация с Андаман на

⁶¹ «Кирти Лехар» — одна из революционных организаций сикхов, разделявшая коммунистические идеи.

континент всех офицеров, гражданских лиц и их семей. Последнее судно покинуло причал Порт-Блэра 13 марта. Главный комиссар К. Е. Уотерфолл решил не покидать свой пост, а его заместитель в последний момент бежал. Одним из тех, кто остался, хотя ему была предоставлена возможность уехать, был Диван Сингх Калепани, врач, которому предстояло сыграть важную роль во время японской оккупации. В конце концов он погиб под пытками в японском застенке.

Предполагалось, что судно еще вернется за теми, кто хотел бы эвакуироваться. Оно должно было прибыть в Калькутту, но из-за действий японских подводных лодок в Бенгальском заливе его пункт назначения был изменен на Мадрас. К несчастью, на обратном пути судно было потоплено японской подводной лодкой. Рухнула последняя надежда. Теперь никто уже не мог добровольно покинуть острова в течение всех военных лет — пожалуй, только в качестве японского пленника или ставленника.

ЯПОНСКАЯ «СФЕРА СОПРОЦВЕТАНИЯ»

Ночью 23 марта 1942 г. суда японского императорского флота подошли к берегам островов Росс и Чатам. В 4 часа утра был сделан первый выстрел из судового орудия. Ответной стрельбы не последовало. Но вскоре раздался громкий взрыв: взлетели на воздух радиостанция и отделение телеграфной связи в Порт-Блэре. Японцы дали второй залп. В ответ — мертвая тишина, как будто все в Порт-Блэре затаили дыхание. В 6 часов утра японцы начали высадку. Накануне вечером в ожидании появления японцев на пристани собралась толпа, но полиция попросила всех разойтись по домам.

Сразу же после высадки японцы начали располагаться на острове. Японский полковник был назначен гражданским губернатором; сначала он арестовал Главного комиссара Уотерфолла и освободил из тюрьмы всех заключенных. Это очень понравилось тем, кого коснулось. (Один заключенный по имени Пушкар Багчи утверждал, что он некогда был борцом за свободу, впоследствии его назначили Главным комиссаром.)

На третий день после высадки японцы приказали

всем жителям собраться на площади. Сначала перед ними выступил полковник. Затем он предоставил слово доктору Диван Сингху, который сказал:

«Японцы, как и мы, — азиаты. Англичане здесь — чужеземцы. Мы долго боролись с англичанами за свою свободу, но нам не удавалось добиться победы потому, что последние стремились нас разобщить. Сейчас японцы заверяют, что помогут нам добиться независимости от англичан при условии, что мы будем сотрудничать с ними. Но я хочу предупредить, что свобода не дается даром, за нее нужно бороться. Дорогие братья и сестры, я призываю вас надеяться только на самих себя и продолжать бороться за свою свободу. Бессмысленно полагаться на чью-либо помощь. Нужно собрать все свои силы, проявить единство, веру в себя и в светлое будущее Индии. Вы должны быть смелыми, готовыми принести себя в жертву в борьбе за свободу своей страны».

Японцам явно не понравилась такая речь. Может быть, произнося ее, Диван Сингх навлек на себя подозрения, приведшие его к гибели. Однако японцы, понимая, что Диван Сингх был состоятельным человеком, пользовавшимся уважением среди граждан Порт-Блэра, назначили его начальником медицинской службы, а также возложили на него много других обязанностей. Он должен был отвечать за работу «скорой помощи», комитета Красного Креста, за социальное обеспечение, за связь с общественностью и за кампанию: «Выращивайте больше продуктов питания!». Он был также назначен председателем Комитета спасения, в состав которого входило еще человек десять.

Диван Сингх, добавивший к своему имени слово «Калепани», хотел, чтобы его имя полностью ассоциировалось с Андаманами. Это был человек выдающийся. Еще в тот период, когда он находился на государственной службе в медицинском управлении индийской армии, у него было столкновение с английскими властями. На митинге в Дагпай (в районе Симлы, где он тогда служил) Диван Сингх произнес речь в поддержку движения ненасильственных действий Махатмы Ганди, которое как раз в то время зарождалось.

Его арестовали, но тогда прокурору не удалось добиться его обвинения, потому что не нашлось ни одного свидетеля, пожелавшего дать против него показания. Во время своего пребывания на Андаманах он приобрел

рел репутацию не только искусного врача, но и отзывчивого человека. Диван Сингх принимал участие во всех делах, связанных с улучшением быта населения. Кроме того, он был поэтом (писал стихи на панджаби) и новатором в области стихосложения. Он оказался в числе самых первых пенджабских поэтов, писавших свободным стихом. Некоторые считают, что он также обладал даром предвидения. Задолго до войны он написал стихотворение «Буря». Начальные строки его в переводе звучат так:

Буря, надвигается буря!
Кромешная тьма надвигается быстро!
Настанет ночь, все вокруг померкнет.
Солнце, луна и звезды затмятся,
Источник света будет погашен.

Буря, надвигается буря!
В прошлом, быть может, такое уж было,
Но мы не видали, и мы не помним!
Буря, надвигается буря
Революций, разрушения, изменений,
Все будет вверх дном, и никто ничего не увидит,
И никто не узнает друг друга —
Все ценности будут иными.

Диван Сингх стал легендой при жизни, он остается ею и по сей день.

В течение какого-то времени, пока японцы занимали стратегические пункты и укрепляли оборонительные сооружения, оставленные англичанами, они не проявляли особой враждебности к населению. Поэтому люди думали, что, сменив хозяев, они ни в чем не проиграли. Однако вскоре японцы показали свое настоящее лицо. Однажды, по свидетельству очевидцев, неподалеку от мусульманской мечети в Абердине несколько японцев, видимо пьяных, погнались за цыплятами.

Затем солдаты стали врывать в дома и приставать к женщинам. Последние отбивались, а один юноша, Мохаммед Назим, не смог стерпеть такого оскорбления и выстрелил в солдат из духового ружья.

Японцы убежали, но вскоре вернулись и убили Назима. Этот случай наделал в городе много шума. За ним последовали и другие, столь же безобразные инциденты. Диван Сингх, как врач, целиком был занят заботами о больных и нуждающихся во врачебной помощи, однако он не мог закрывать глаза на то, что происходило вокруг. Будучи председателем Комитета спасения, он неоднократно выступал с протестами.

Однако нашлись и такие, кто старался настроить против него японцев. Среди них оказался и младший коллега Дивана, доктор Рама Нанд, мечтавший о должности начальника медицинской службы. Багчи также пытался завоевать расположение японцев. Он поставлял им даже «девочек для утешения», как тех стали называть потом. Для этого он с помощью полицейских похищал молодых женщин, что вызывало гнев населения. Диван Сингх продолжал свою деятельность, и его выступления имели некоторый успех, поскольку он пока пользовался авторитетом у японцев.

Однажды японцы увезли с островов Главного комиссара Уотерфолла, а его помощник, майор А. Дж. Бэрд, все еще оставался под домашним арестом. Во время английского правления Дж. Бэрд обладал некоторыми судебными полномочиями, поэтому он приговорил Багчи к шести месяцам тюрьмы за то, что тот брал взятки. Теперь Багчи получил возможность свести с Бэрдом старые счеты. И с помощью одного каторжника, приговоренного к пожизненному заключению, Багчи удалось подкинуть спасательные жилеты и сломанные детали от радиопередатчика в дом, где находился под домашним арестом Бэрд. Майор и каторжник были арестованы и закованы в наручники. Через какое-то время каторжника заставили «признаться».

Под барабанный бой глашатаи объявили на улицах Порт-Блэра, что Бэрд будет публично казнен. Собралась большая толпа. Бэрда вывели в наручниках на площадь. Там уже стоял взвод японских солдат. После объявления приговора о смертной казни, который японцы поручили прочитать Багчи, наступила мертвая тишина. Команда, выделенная для расстрела, стояла в полной готовности, но приказа стрелять не было. Дальше произошло то, что выходит за рамки обыкновенной жестокости. К Бэрду подошел какой-то японец и стал выворачивать ему лодыжку до тех пор, пока не треснула кость. Затем он стал бить несчастного кулаками в живот. Бэрд скорчился и упал на землю. Он лежал и страшно страдал от боли, а его все били и били ногами, а потом снова заставили встать. Бэрду вывернули руки и сломали плечи. Наконец, подбежал японский офицер с обнаженным мечом и одним ударом отрубил Бэрду голову. Офицер вытер окровавленный меч о тело Бэрда и выкрикнул:

— Врага следует разить мечом!

С каждым днем Багчи и ему подобные приобретали все большую власть в городе. В то же время они всячески старались очернить деятельность Комитета спасения.

Японцы в документе об истории своего правления на Андаманах отмечают работу Комитета спасения такими словами: «Спокойствие и порядок на этом острове (Андаманы) поддерживались главным образом благодаря деятельности Комитета спасения, работавшего до создания управления военной администрации. После того как управление перешло к военной администрации, командующий военно-морскими силами на острове был назначен ее начальником». В ведение военной администрации передали канцелярию помощника комиссара, полицейский участок, тюрьму, отдел снабжения, школу и больницы. Эта организация осуществляла управление до прибытия чиновников гражданской администрации. Те прибыли только в феврале 1943 года.

Между тем Багчи, поддерживаемый и подстрекаемый многочисленными прихлебателями, продолжал свою грязную деятельность. Большое беспокойство у Диван Сингха и его коллег вызывали непрекращающиеся попытки Багчи похищать для японцев женщин. Росла неприязнь к японской администрации.

Тем не менее японцы желали производить на индийцев, живущих в странах Юго-Восточной Азии, впечатление борцов за свободу Индии. Поэтому они приступили к созданию отделения Лиги независимости Индии в различных странах Юго-Восточной Азии, которые теперь оказались под японской оккупацией. Для этой цели они использовали Баба Хари Сингх Усмана, которому удалось скрыться, после того как в Калькутте он был приговорен англичанами к расстрелу. Он отправился на Суматру и все эти годы прожил в деревне под именем Усмана Али. Ранее он участвовал в покушении на вице-короля лорда Хардинга.

Баба Хари Сингх Усман основал в Порт-Блэре отделение Лиги независимости Индии, председателем которого стал Диван Сингх. Баба Хари Сингху стало известно о том, что творил Багчи. Он попытался уговорить Багчи прекратить свои бесчинства, но тот не только отказался прислушаться к его словам, но в разгаре спора ударил палкой Хари Сингха и сломал ему руку. После этого Багчи лишили всех полномочий и заключили в тюрьму на шесть месяцев.

Тем не менее на Андаманах мало что изменилось. Внешне все обстояло будто бы спокойно, но за «кулисами» бушевали страсти. Не было конца местным интригам и проискам тех, кто хотел выдвинуться, работая перед японцами. Поскольку японцы считали, что Диван Сингх может быть им полезен, они всячески старались убедить его поехать на конференцию в Бангкок, где собирались представители индийцев, проживающих в странах Юго-Восточной Азии. Точно неизвестно, участвовал Диван Сингх в этой конференции или нет. Одни утверждают, что он там был, другие — и их большинство — сообщают, что доктор ни разу не покидал островов. Вероятно, правы последние.

«Индийская национальная армия» зародилась 11 декабря 1941 года, когда несколько офицеров индийской армии, попавших в плен к японцам, вместе с несколькими местными индийскими деятелями собрались в Котабару на Суматре. За этой встречей последовали переговоры между японскими генералами и Мохан Сингхом, в то время капитаном одного из пенджабских полков.

В результате переговоров все индийцы-военнопленные были переданы под начало Мохан Сингха. Он получил звание генерала, и перед ним была поставлена задача сформировать «Индийскую национальную армию», которая совместно с японцами поможет изгнать англичан из Индии. Одновременно с этой армией была официально утверждена и Лига независимости Индии, а Раш Бихари Бос, живший в эмиграции в Японии, стал ее председателем.

На конференции в Бангкоке присутствовало 100 делегатов; ее заседания продолжались девять дней, с 15 по 23 июня 1942 года. Был сформирован Совет действий, председателем которого стал Раш Бихари Бос. Кроме него в состав Совета действий входило еще четыре человека. На конференции постановили, что «формирование, командование, управление и организация „Индийской национальной армии“ будут находиться в руках самих индийцев». Было официально заявлено, что сразу же после отделения Индии от Великобритании правительство Японии станет уважать территориальную целостность Индии и признает полную суверенность этой страны, свободной от любого иностранного влияния, контроля, а также политического, экономического или военного вмешательства.

Еще в одной резолюции (возможно, она оказала наибольшее влияние на судьбы индийцев в Юго-Восточной Азии, в частности Диван Сингха) конференция просила японцев предпринять необходимые шаги для того, чтобы пригласить Нетаджи Субхас Чандра Боса⁶² приехать в Восточную Азию. Японское правительство не дало официальных заверений по поводу статуса «Индийской национальной армии» по отношению к японским вооруженным силам, что привело к отставке Совета действий (за исключением Раш Бихари Боса), и стало также финалом карьеры генерала Мохан Сингха, который после этого до конца дней своих оставался под домашним арестом на Суматре.

Управление гражданской администрации на Андаманах, согласно японским документам, было создано в феврале 1943 года по просьбе штаба ВМС к правительству Японии. Штат Управления гражданской администрации был немногочисленный. Цель гражданской администрации — защита местного населения и забота о его благосостоянии.

Соответственно гражданская администрация должна предпринимать все усилия для поддержания общественного спокойствия и порядка, развития предприятий, ремонта дорог и предотвращения эпидемий на островах, однако главной ее задачей должно быть увеличение производства продовольствия посредством введения системы самообеспечения.

Действительно, японцы улучшили состояние дорог и даже построили новые. Они также удлиннили взлетно-посадочную полосу. Однако все это делалось в интересах обороны, а отнюдь не ради благосостояния населения.

Едва ли предпринимались какие-либо шаги для «развития предприятий». По поводу свободы вероисповедания однажды был отдан приказ, чтобы все сикхи сбрили бороды и остригли волосы, а это религия сикхов считает страшным надругательством. Однако их заставляли это сделать насильно.

Что касается продуктов питания и одежды, то на-

---

⁶² Субхас Чандра Бос (1897—1945) — лидер левых в партии Индийский национальный конгресс, во время второй мировой войны выехал в Германию, а затем возглавил «Индийскую национальную армию», воевавшую против Англии (как колониального угнетателя Индии) на стороне Японии. Погиб в авиационной катастрофе. Носил почетный титул Нетаджи («Вождь»).

ступило время, когда гхи⁶³ продавалось по 200 рупий за сер⁶⁴, а одно яйцо стоило 3 рупии. Рис практически нельзя было достать. Диван Сингх призывал жителей выращивать самим любые овощи и фрукты и ввел нечто вроде карточной системы. Такое положение создалось из-за того, что блокада союзников стала жесткой и японцы практически не могли доставлять на острова никаких потребительских товаров. Нехватка тканей и даже лекарств стала невероятно острой, поскольку изгавливать их на месте не было возможности.

Диван Сингх и члены «Пенджабского литературного общества», основанного им незадолго до японской оккупации, вместе с членами Комитета спасения делали все, что могли, для улучшения условий жизни населения. Сам Диван Сингх проявлял большую активность — он ездил с визитами практически в любой уголок острова Южный Андаман. Тем временем и те, кто клеветал на Сингха, и те, кто стремился сесть на его место, проявляли не меньшую активность, изыскивая способы очернить его в глазах японского командования. Положение усугублялось тем, что союзники все чаще бомбили острова с воздуха и обстреливали с моря, при этом довольно точно поражая военные объекты.

Японцы подозревали, что на острове ведется шпионаж. Они не ошибались, но ни Диван Сингх, ни кто-либо из его друзей в Порт-Блэре к этому отношения не имели. Как собиралась и передавалась союзникам информация, приводившая к успешной бомбардировке японских оборонительных сооружений, — это уже другая история, и речь о ней пойдет ниже.

Обстановка вокруг Диван Сингха все более накалялась. Цели его поездок в пригороды истолковывались превратно. Японцы считали, что он участвует в подрывной деятельности против них. Поэтому был отдан приказ об ограничении его передвижений. Диван Сингх возражал против этих действий властей, мотивируя тем, что он является председателем Комитета спасения. Однажды дело дошло до того, что японский офицер ударил его по лицу. Начались массовые аресты. Арестованных обвиняли в шпионаже, в подаче сигналов электрическими фонариками или в запуске по ночам осветительных ракет, чтобы тем самым помочь английской

⁶³ Гхи — топленое масло из коровьего или буйволиного молока.

⁶⁴ Сер — мера веса, неодинаковая в различных районах Индии; государственный сер равен 2,057 фунта, или 0,933 кг.

разведке. Снова Диван Сингх протестовал, стараясь доказать японцам, что никто из подозреваемых не был агентом английской разведки.

Была устроена очередная провокация — Диван Сингху приказали освободить здание гурдвары⁶⁵, чтобы разместить там группу корейских женщин, привезенных на остров в качестве «девочек для утешения». Снова Диван Сингх выразил протест. Энергичнее всего он действовал, ходатайствуя за тех, кого арестовывали, заключали в тюрьму с покамерным содержанием, обвиняли в шпионаже и подвергали самым страшным пыткам, чтобы вырвать «признание».

От Диван Сингха потребовали также сдать все запасы медикаментов, чтобы ими могли пользоваться исключительно японцы. Он отказался это сделать. Его примеру последовали все врачи. (Кстати, Диван Сингх был также председателем местной ассоциации врачей.)

Несколько японских приспешников попытались вовлечь его в заговор, который, как они надеялись, «докажет», что Диван Сингх — шпион. Хотя эта провокация потерпела провал, ее участники заверили японцев, что для ареста Диван Сингха они представят доказательства его вины. К тому времени японцы уже начали чувствовать себя неуверенно — они видели, что ход войны принимает неблагоприятный для них оборот. 3 сентября 1943 года, за несколько недель до ареста Диван Сингха, 8-я английская армия высадилась в Италии, а через пять дней было объявлено о подписании перемирия. С того времени для измученного пытками населения Андаманских островов начался период беспрецедентных репрессий и одновременно закончился период так называемой азиатской «сферы процветания», создание которой якобы являлось главной целью японцев.

**УЖЕСТОЧЕНИЕ ОККУПАЦИОННОГО
РЕЖИМА ОСТРОВА
ПОД СУВЕРЕНИТЕТОМ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИНДИИ**

---

23 октября 1943 года был арестован Диван Сингх и с ним все активные члены Лиги независимости Индии, Комитета спасения и «Пенджабского литературного об-

⁶⁵ Гурдвара — сикхский храм.

щества». Их заключили в тюрьму с покамерным содержанием. Диван Сингха подвергли бесчеловечным пыткам, до сих пор непревзойденным по своей жестокости. Подвесив за волосы под потолком камеры, Диван Сингха безжалостно избивали. Связав руки и ноги, они подвесили его вниз головой и стали пытаться каленым железом. Они загоняли ему иголки под ногти на руках и ногах. Через его тело пропускали ток, выдавили глаза, распяли, вновь и вновь избивали, затем тисками раздробили кости. После пыток у Дивана Сингха не осталось ни одной не сломанной кости. Однако дух его сломить не смогли. Диван Сингх не признал сфабрикованного японцами обвинения в шпионаже.

После того как им не удалось заставить «сознаться» Диван Сингха, мучители применили другую тактику: попытались заставить одну молодую женщину по имени Кесар Каур сказать, будто Диван Сингх часто посещал ее и рассказывал, что он английский шпион. Женщина отказалась это сделать. Тогда они стали пытаться Кесар Каур и ее мужа. Они испробовали все приемы и методы, чтобы заставить ее сказать то, что хотели, но успеха не добились.

По иронии судьбы 29 октября 1943 года, через неделю после ареста Дивана Сингха, в Сингапуре было торжественно объявлено о создании Временного правительства Индии во главе с Субхасом Чандра Босом. Как раз в то время, когда Диван Сингх и его товарищи подвергались пыткам, генерал Тодзио официально объявил в японском парламенте, что Андаманские и Никобарские острова будут переданы Временному правительству Индии. Субхас Чандра Бос торжествовал, что видно из его заявления, которое он сделал в доме барона Сибусава, где в то время жил.

В книге японского автора Тацуо Хаясида, посвященной Субхасу Чандра Босу, приводится заявление премьер-министра Тодзио о том, что передача Андаманских и Никобарских островов Временному правительству свободной Индии была созвучна часто повторяемым в Японии высказываниям о том, что она поддержит движение за независимость Индии. Искренность Японии при соблюдении своих обязательств, безусловно, должна была произвести соответствующее впечатление на мировую общественность. Передача Временному правительству свободной Индии Андаманских и Никобарских островов, являющихся первым участком территории Ин-

дии, освобожденным от британского владычества японской армией, несомненно, вселяла новую надежду и уверенность в борцов за свободу.

Освобождение этих островов должно было иметь символическое значение, поскольку англичане использовали их в качестве тюрьмы для политических заключенных, приговоренных к каторжным работам за участие в заговорах с целью свержения английского правления. В заточении на этих островах находились сотни политических заключенных. Как Бастилия в Париже, которую первой взяли штурмом во время французской революции и освободили политических заключенных, так и Андаманы, где страдали патриоты, были освобождены в первую очередь, а первый участок освобожденной территории всегда имеет огромное значение.

С ретроспективной точки зрения вера Боса в искренность японского правительства кажется довольно наивной, тем более что к тому времени он скорее всего узнал о судьбе генерала Мохан Сингха и его первой «Индийской национальной армии».

Исчезновение Субхас Чандра Боса из Калькутты, его путешествие в Европу и появление затем в Японии читается как роман о Джеймсе Бонде. Субхас Чандра Бос находился в английской тюрьме в Калькутте, но был освобожден и помещен под домашний арест, так как объявил в тюрьме голодовку. Несмотря на постоянное наблюдение 62 сотрудников департамента уголовной полиции, окружавших его дом плотным кольцом, ему удалось бежать в Кабул, переодевшись патаном, а оттуда перебраться в фашистскую Германию.

Там он пытался сплотить вокруг себя всех, стремящихся к независимости Индии. Затем, после начала военных действий на Дальнем Востоке, его доставили на немецкой подводной лодке на Мадагаскар, а оттуда 30 июля 1943 года на японской подводной лодке — в Японию. Временное правительство Индии было немедленно признано правительствами стран — сателлитов Японии, такими, как Таиланд, Маньчжоуго⁶⁶, правительством Китая в Нанкине⁶⁷ и, разумеется, союзником Японии — Германией и двумя ее сателлитами в Европе.

---

⁶⁶ Маньчжоуго — марионеточное государство, созданное японцами на территории Северо-Западного Китая, оккупированного в 1931 г.

⁶⁷ Правительство Китая в Нанкине — правительство гоминьдановского Китая.

В Сингапуре на торжественной церемонии объявления о создании Временного правительства Индии и «Индийской национальной армии» (второй) Субхас Чандра Бос заявил, что у него нет ни малейшего сомнения в том, что вступление «Индийской национальной армии» на территорию Индии вызовет революцию и английское правление рассыплется в прах. Однако этой надежде не суждено было сбыться.

Сформировав правительство, Субхас Чандра Бос разослал послов во все города, где проживало много индийцев, — в Гонконг, Шанхай, Кантон, но Андаманы он решил посетить лично.

Перед его визитом ходили слухи, что в качестве символического жеста на Андаманы будет послан батальон «Индийской национальной армии». Эти слухи вселяли надежды угнетенному населению островов, но японское правительство наложило на этот план вето. Первый визит Нетаджи оказался последним посещением территории, которая теоретически должна была стать резиденцией его правительства. Он прибыл на аэродром в Порт-Блэре 29 декабря 1943 года, и адмирал Исикава, хозяин этих островов и командующий японской армией, оказал ему торжественный прием. Бос обошел строй почетного караула, но, как и следовало ожидать, население не проявило никакого энтузиазма. Никто из жителей не мог предугадать, что будет с ними самими завтра, как же могли они интересоваться чем-то столь отдаленным, как обещание японцев помочь Босу в борьбе за свободу Индии?

Затем в сопровождении адмирала Бос отбыл на остров Росс и остановился в доме, который ранее был резиденцией Главного комиссара.

Одной из целей визита Нетаджи Субхас Чандра Боса на Андаманы было урегулирование с адмиралом, возглавлявшим там администрацию, вопроса о том, чтобы на Андаманские и Никобарские острова был назначен Главный комиссар, представляющий Временное правительство Индии, возглавляемое Босом. Хью Той в книге о Субхас Чандра Босе «Тигр в прыжке» писал, что адмирал, согласившись на назначение индийского Главного комиссара, сказал Босу, будто бы по важным стратегическим причинам передача полной власти, пока идет война, невозможна, но если Комиссар готов с ним сотрудничать, то в его ведение можно передать лишь некоторые отделы гражданской администрации. Данных

о том, что Бос выдвинул какие-либо возражения в отношении такой договоренности с адмиралом или поднял когда-либо этот вопрос в беседе с премьер-министром Тодзио, нет.

Постоянная свита Нетаджи на Андаманах состояла из нескольких специально подобранных японских офицеров и пяти местных юношей, знающих английский и японский языки. В числе последних был Муштак Али, который долгое время работал в секретариате Главного комиссара в Порт-Блэре. Муштак Али рассказывал, что, когда Бос прибыл на остров, никто не сумел поговорить с ним в течение всего дня, так как все очень боялись японских офицеров, не отходивших от Боса ни на шаг. Однако вечером, когда офицеры основательно напились, Муштаку Али показалось, что настала благоприятная минута поведать Босу о творящихся на Андаманах безобразиях. Он сказал, что во время запланированного на следующий день посещения тюрьмы Босу следует попросить, чтобы ему показали шестое крыло тюрьмы, и побывать в каждой камере этого крыла. Он особо выделил дело Диван Сингха и рассказал о пытках, которым тот подвергался. Однако во время посещения тюрьмы Бос уклонился от визита в шестое крыло.

После визита Нетаджи на Андаманы прибыла группа из пяти его представителей, целью которой было взять на себя управление Андаманскими и Никобарскими островами от имени Временного правительства Индии. Один из членов этой группы, младший офицер «Индийской национальной армии» Суба Сингх, впоследствии написал книгу о Диван Сингхе, в которой сообщал, что он никак не мог понять, почему во время своего посещения тюрьмы Бос ни разу не попросил показать ему ту камеру, где содержался Диван Сингх, или шестое крыло. Тем не менее Суба Сингх явно выступал на стороне Боса, поэтому он пытался высказать сомнения, что Муштак Али вообще что-либо говорил Субхас Чандра Босу. Вместе с тем Суба Сингх очень удивился, что Бос, обладавший таким проницательным умом, не увидел или не почувствовал, почему местные жители выглядели столь угрюмо, и не поинтересовался причиной их подавленного состояния.

На второй, последний день визита Нетаджи в его честь был организован митинг, на котором он выступил с речью. Субхас Чандра Бос говорил об образовании Временного правительства Индии, о том, что необ-

ходимо добиваться помощи японского руководства в борьбе за свободу Индии. Он заявил, что двум народам следует сотрудничать, что он и его правительство только завоюют уважение в глазах японского правительства, если индийцы приложат все усилия и докажут, что заслуживают свободы. Он даже упрекнул собравшихся в лени и бездеятельности. При этом Бос не упомянул о пытках, которым подвергались на Андаманах многие невинные люди, о бедственном положении населения, о председателе местного отделения Лиги независимости Индии Диван Сингхе.

Однако, без сомнения, он знал о происходящем в многострадальном Порт-Блэре. Это утверждение основывается на том, что он послал на Андаманы комиссию из пяти человек под руководством подполковника Е. Г. Логанатхана, который должен был занять пост Главного комиссара. Инструктируя членов этой комиссии, он, по словам Суба Сингха, просил их рассмотреть дело о шпионаже, на основании которого подверглись преследованиям Диван Сингх и многие другие. Он потребовал представить ему доклад по этому вопросу.

Тем временем в тюрьме на острове продолжали пытать ни в чем не повинных людей. Пытки становились все более жестокими, потому что японцы поняли, что им не удастся заставить «признаться» Диван Сингха. Как и он, не были ни в чем виновны и другие люди, которых также обвинили в шпионаже. Японские палачи не успокоились даже после того, как переломали Диван Сингху все кости. Они подвергли его самому большому бесчестью, какому только можно подвергнуть верующего сикха, — обрили ему голову и отрезали бороду. Однако и после этого им не удалось сломить его дух. Но есть пределы того, что может вынести человек: 14 января 1944 года он скончался.

К тому времени, когда подполковник Логанатхан в сопровождении еще четырех офицеров «Индийской национальной армии» — майора Мансур Али Алви и лейтенантов Мохаммед Икбала, Шринивасана и Суба Сингха — прибыл в Порт-Блэр 22 февраля 1944 года, Диван Сингх и многие другие, кого пытали в каторжной тюрьме, были уже мертвы.

И хотя Логанатхану оказывали все полагающиеся по должности почести, стало очевидно, что японцы и не думают предоставлять ему какую-либо реальную власть. Логанатхана и сопровождавших его лиц разме-

стили в бунгало неподалеку от гурдвары. Данных о том, что в Порт-Блэре имела место церемония принятия им присяги и он официально приступил к своим обязанностям Главного комиссара, нет. Между прочим, ему сказали, что его люди могут оказывать помощь в управлении такими отделами гражданской администрации, как образование, сельское хозяйство и снабжение населения продовольствием, но они не имеют права вмешиваться в управление тюрьмой и действия полиции.

После долгих препирательств, когда дело дошло до адмирала и тот прочитал им лекцию о деятельности на островах «шпионов», таких, как Диван Сингх и другие, был достигнут некоторый компромисс. Индийцам сказали, что теперь они будут также участвовать и в руководстве работой тюрьмы и полиции. Однако никакой реальной власти японцы не собирались им предоставлять. Суба Сингх признавал, что местное население относилось к подполковнику и его людям как к японским марионеткам.

Условия жизни в Порт-Блэре все ухудшались. Не было ни тканей, ни риса, ни рыбы, ни сахара. Японские деньги совершенно обесценились, и стоимость одной домотканой рубашки из грубого полотна достигла 150 рупий.

Какое положение занимали Логанатхан и его люди, видно из книги Суба Сингха. Он писал, что прямо напротив их резиденции в окнах казарм были установлены подзорные трубы. Таким образом фиксировались имена всех, кто к ним приходил.

Логанатхану удалось совершить поездку в Сингапур и доложить Нетаджи об истинном положении дел на Андаманских островах, о судьбе Диван Сингха и других людей (около 90 арестованных были расстреляны в ноябре недалеко от Хомфрейганджа), а также о поведении представителей японских властей. Кроме личного доклада Логанатхана его коллеги регулярно направляли Нетаджи свои подробные отчеты. Поэтому нет оснований считать, что Бос не знал о том, как японское правительство обращается с представителями Временного правительства Индии на территориях, оккупированных Японией. Политически наиболее важной из всех была территория Андаманских и Никобарских островов, поскольку предполагалось, что она была официально передана Босу и его правительству.

Однако 6 июля 1944 года Субхас Чандра Бос, обра-

щаясь к Махатме Ганди, в передаче «Радио Рангуна» заявил, что одно время люди говорили, будто у Японии корыстные намерения в отношении Индии. Если это так, то зачем тогда Япония передала Андаманские и Никобарские острова Временному правительству свободной Индии и почему там находится индийский Главный комиссар Андаманских и Никобарских островов с резиденцией в Порт-Блэре?

О каком Главном комиссаре шла речь? Какой самообман! Единственное упоминание о Временном правительстве свободной Индии, возглавляемом Субхас Чандра Босом, в документах об истории японской оккупации Андаманских островов звучало так: «Подполковник Логанатхан с четырьмя офицерами Временного правительства свободной Индии прибыли на остров в феврале 1944 года и открыли свое представительство. Однако в июле 1945 года был получен приказ об эвакуации, и соответственно все его сотрудники в начале августа 1945 года покинули этот остров».

Ни слова о назначении Логанатхана Главным комиссаром островов или о его работе в этой должности, ни о его функциях, ни об их осуществлении! Остается только гадать, насколько сам Субхас Чандра Бос верил во все это.

Возможно, в этом контексте представляет некоторый интерес оценка Субхас Чандра Боса, которую дал ему чиновник индийской государственной службы Филипп Мэсон, много лет проживший в Индии (во время раздела субконтинента Ф. Мэсон был заместителем министра обороны правительства Индии). В книге «Дело чести» он рассказал об «Индийской национальной армии», ее офицерах и солдатах. Ф. Мэсон писал, что Субхас Чандра Бос отличался необычайным энтузиазмом. Он верил в то, во что хотел верить, и в этом отношении был весьма наивен, если не сказать доверчив. Однако он был искренен. Конечно, он был заносчивым, самонадеянным, самоуверенным, совершенно лишенным чувства юмора. Он все видел в черно-белом цвете, признавал только две оценки: «хорошо» или «плохо», «добро» или «зло».

Однако он был прекрасным оратором.

Вернемся к вопросу о «шпионаже», ставшем причиной ужасных пыток, которым подвергли жителей Порт-Блэра, и в первую очередь Диван Сингха. Руководителем операции по проникновению на Андаманские ост-

рова для сбора разведывательных данных был Дэнис Маккарти, офицер индийской полиции, который служил на Андаманах до японского вторжения и перед самой эвакуацией с островов достиг определенной договоренности со старостой деревушки Ферраргандж, являющейся пригородом Порт-Блэра. В октябре 1942 года он служил в Соединенных провинциях (ныне штат Уттар-Прадеш). Однажды он получил телеграмму от Боба Скотта, бывшего в то время помощником комиссара на острове Кар-Никобар. Скотт хотел встретиться с Маккарти, чтобы спросить его, не согласится ли он отправиться на Андаманские острова, чтобы оценить условия, создавшиеся там при японской оккупации. Маккарти с готовностью согласился. Он был назначен офицером сикхского полка и отобрал пять человек, которым предстояло его сопровождать: сержанта-англичанина Диккенса, радиста-телеграфиста; двух бывших военных полицейских, ранее служивших на Андаманах, а затем в армии,— Хабиб Шаха и Гьян Сингха, а также двух кули из Ранчи, ранее работавших на Андаманах,— Джозефа Бакла и его двоюродного брата Питера.

После нескольких недель усиленных тренировок Маккарти и его группа отправились в крайне рискованную экспедицию.

18 января 1943 года разведывательная группа высадилась с голландской подводной лодки на западном побережье острова Средний Андаман, в 4 милях от Флэт-Айленда и в 70 милях от Порт-Блэра. После недельной подготовки Маккарти в сопровождении Хабиб Шаха и Джозефа отправились на байдарках в Порт-Блэр. Они пробыли в пути больше недели — сначала плыли по протокам, затем пробирались через джунгли, труднопроходимые горы и колючие заросли. Их мучили насекомые и пиявки. Наконец они вышли на дорогу, которую Маккарти узнал на плане. Это была дорога, проходящая в полумиле от Феррарганджа.

Они разбили в джунглях лагерь и, оставив Джозефа готовить еду, отправились к дому старосты. Тот был очень удивлен появлением этих людей. Он сказал, что давно уже забыл, о чем с ним договаривались до японской оккупации, но все же группу принял. Староста рассказал Маккарти об условиях, создавшихся на Андаманах, о жестокости японцев и о том, как они терроризируют жителей острова. Он добавил, что японцы публично казнили бедного Бэрда, помощника Главно-

го комиссара, чтобы запугать население. Потом начались казни без суда и следствия, жестокие нападения на жителей и насилия над женщинами.

Во время беседы Маккарти и Хабиб Шаха со старостой к последнему пришли японец и кто-то из местных жителей и потребовали список всех жителей деревни. Пока тот его составлял, Маккарти и Хабиб Шах находились в безопасности — они спрятались в соломе, хранившейся во дворе дома.

Наконец японец и его спутник ушли, староста вернулся, и они договорились о том, что он устроит им встречу в джунглях с двоюродным братом Хабиб Шаха, Виляят Шахом, работавшим в Ферраргандже. Когда разведчики, выйдя из дома старосты, оказались на дороге, то в лунном свете увидели двух японских солдат, стоявших ярдах в десяти от дома старосты. Разведчики резко повернулись и пошли по дороге в другую сторону. Видимо, японцы приняли их за тех, кто проводил перепись населения, или просто не обратили на них внимания. Разведчики скрылись в джунглях.

После этой встречи с японцами Маккарти и его товарищи стали проявлять осторожность. Они опасались, не вызвали ли каких-либо подозрений. Однако староста пришел в назначенное время и передал им подробную информацию, а также привет от Виляят Шаха. Они договорились о «почтовом ящике» и снова ушли в джунгли. Разведчики собирались через неделю вернуться, но старосте о своем решении ничего не сказали. С Виляят Шахом они так и не встретились, так как тот работал в одной комнате с японцем. Связь осуществлялась через старосту, а «почтовым ящиком» служило углубление под приметным деревом.

И тут произошла настоящая трагедия. Когда разведчики возвращались после встречи со старостой, они шли другим путем. Поэтому им пришлось преодолевать реки. К несчастью, Хабиб Шах не умел плавать, и специально для него соорудили плот. Взбираясь на крутой берег, Хабиб Шах случайно поскользнулся и ударил прикладом автомата о землю. Раздался выстрел, и пуля прошла его насквозь. Он умер почти мгновенно. С помощью котелка вырыли могилу, а поверх нее положили большие камни, чтобы ничто не могло нарушить его покой.

По прибытии в лагерь они передали в центр о случившемся. Однажды они увидели три самолета типа

«Летающая крепость». Разведчикам даже показалось, что бомбили цели, которые они указали в своих донесениях. Отбомбив, самолеты улетели целыми и невредимыми.

Выполнив свое задание, Маккарти и его товарищи отправились к месту, где их должна была ждать подводная лодка. Как было условлено, в конце операции они вывесили на берегу два полотняных квадрата. Заметив их, подводная лодка должна была в качестве ответного сигнала показать над водой перископ. И вот над водой показался перископ, а за ним и часть боевой рубки. Однако произошло это не потому, что экипаж подводной лодки увидел сигнал, а потому, что та наскочила на коралловый риф, сорвала гидролокатор и была вынуждена всплыть. Группу Маккарти подняли на борт подводной лодки. Что было бы с этой группой, если бы подводная лодка не наскочила на риф?

Сначала решили даже оставить Маккарти на острове еще на некоторое время, но потом командование пришло к выводу, что, поскольку он слишком ослаб физически из-за скитаний по острову, его и всю группу следует отправить в Коломбо, что и было сделано. Большинство людей на Андаманах считают, что Дэнис Маккарти и Бахшиш Сингх, бывший полицейский, участвовали в одной и той же операции под названием «Болдхед-1».

Во время операции «Болдхед-1» Маккарти устроил недалеко от Феррарганджа «почтовый ящик», в который должна была поступать информация. Маккарти считал, что, может быть, и Бахшиш Сингх пользовался этим же «ящиком». Маккарти говорил, что он слышал о происшествии с Бахшиш Сингхом, когда тот натолкнулся на группу изменников, как он называл военнослужащих из «Индийской освободительной армии», неподалеку от Вимберлиганджа (другого пригорода Порт-Блэра), и спасся, притворившись, будто бы он тоже из их числа, но отстал от своих, потому что заблудился. О том, что еще удалось сделать Бахшиш Сингху и как он это делал, известно мало. Все попытки автора связаться с ним оказались безуспешными.

Согласно документам, хранящимся в библиотеке бывшего министерства по делам Индии в правительстве Великобритании, и документам, хранящимся в архивах министерства иностранных дел и по делам Содружества, Бахшиш Сингх был одним из 12 человек на борту

английской подводной лодки «Таурус», которая под командованием капитан-лейтенанта М. Р. Уингфилда вышла из Коломбо 14 декабря 1943 года и 19 декабря прибыла к западному побережью острова Южный Андаман в районе Порт-Кэмпбелла. Перед ней была поставлена задача высадить группу из двух офицеров (майора Грига и капитана Фолконера) и 12 рядовых (одним из которых и был Бахшиш Сингх) и переправить на берег 8 тысяч фунтов груза — продовольствие и снаряжение. Это была операция «Болдхед-III». (Об операции «Болдхед-II» никаких сведений получить не удалось.)

Подводная лодка «Таурус» 19 января 1944 года снова отплыла, имея на борту двух офицеров-англичан, двух сержантов-англичан, восемь рядовых-индийцев, 9 тысяч фунтов снаряжения и припасы. Был установлен контакт с группой, оставленной на берегу во время предыдущей операции, и 24 января все снаряжение благополучно переправили на берег. Все члены группы были здоровы. Эта операция называлась «Болдхед-IV».

Имела место также и операция «Болдхед-V». Ее целью было снять до наступления сезона муссонных дождей с острова обе группы, проводившие операции «Болдхед-III» и «Болдхед-IV». Операция прошла успешно, и вся группа вместе с оставшимися припасами и снаряжением 27 марта 1944 года прибыла на борту «Тауруса» в Тринкомали (Шри Ланка).

Проведение этих операций свидетельствует о слабости японской разведки и о неповоротливости администрации на Андаманах, поскольку им не удалось захватить ни одного из участников операций. А может быть, японцы даже о них не догадывались.

Что касается Бахшиш Сингха, то нет никаких данных о том, находился ли он на островах во время операций «Болдхед-III» и «Болдхед-V». Зато совершенно очевидно, что разведывательная работа во время этих четырех операций проводилась столь успешно, что союзники могли получать подробные данные о местоположении японских военных объектов в Порт-Блэре, благодаря чему они их успешно бомбили. В свою очередь японцы преследовали жителей Порт-Блэра.

Суба Сингх полагал, что японцы догадывались, каким образом информация доходила до союзников. Автор данной книги считает, что у них не было даже отдаленного представления о разведывательных операци-

ях англичан. Незаинтересованному наблюдателю должно быть ясно, что японцы прибегали к столь крайним мерам в отношении жителей островов именно потому, что они совершенно не знали реального положения дел.

Пока шла борьба за признание японцами статуса представителей Временного правительства Индии, участились воздушные налеты на Порт-Блэр. Однажды ночью англо-американские самолеты подвергли Порт-Блэр очень сильной бомбардировке. В результате загорелись склады горючего, и весь город был окутан черным дымом. Вслед за бомбардировщиками появились истребители, обстрелявшие японские оборонительные сооружения. Другой ночью, при свете полной луны, вблизи острова Росс всплыла английская подводная лодка и обстреляла ряд военных объектов в Порт-Блэре.

Наутро многие жители Порт-Блэра, в том числе некоторые наиболее известные люди и даже общепризнанные японские прислужники (всего 60—70 человек), были схвачены и помещены в одиночные камеры каторжной тюрьмы. Японцы не пощадили и их жен. Снова людей безжалостно избивали и пытали.

Суба Сингх признавал полное бессилие своей группы, когда впоследствии восклицал:

— Что мы могли сделать?

Однако сообщал, что на основании их докладов Босу тот поднял этот вопрос на самом высоком уровне в Токио, и адмирал, командовавший островом, получил отставку, а его место занял другой. Однако после прибытия нового адмирала началась новая волна репрессий. Вместе с новым адмиралом японцы прислали еще и двух судей. Вероятно, после прибытия новых судей и было совершено самое жестокое преступление японцев. Суба Сингх об этом умолчал, зато Мухаммад Саудагар рассказал подробно.

Мухаммад Саудагару не было еще двадцати лет, когда его приговорили к пожизненной каторге. 15 августа 1935 года он прибыл в Порт-Блэр. В беседе с автором книги он поклялся, что не совершал никакого убийства, а лишь взял на себя вину, чтобы спасти старшего брата, у которого была семья. К тому времени, когда на Андаманы пришли японцы, он уже отбыл срок тюремного заключения — его досрочно освободили — и жил под надзором полиции. Когда японцы объявили общую амнистию, Саудагар получил право поступления на работу.

Он знал Багчи еще до войны, и тот взял его к себе ординарцем на тот короткий период, когда стал Главным комиссаром Андаманских островов. Саудагар продолжал служить в администрации, занимая разные должности даже после того, как Багчи потерял расположение японцев. Однажды Багчи сказал ему, что дни японцев на островах сочтены и сюда скоро придут англичане. При этом он сослался на какое-то письмо, в котором ему сообщали, что союзники должны вернуться в середине августа. От кого было это письмо и откуда оно пришло, Багчи не сказал. Саудагар рассказал об этом некоему Шер Сингху, с которым жил в одной хижине и которому полностью доверял. Саудагар не догадывался, что Шер Сингх — доносчик и работал на японскую сыскную полицию. Шер Сингх доложил своим японским хозяевам все, о чем ему рассказал Саудагар. Через два дня Саудагар был арестован. Его пытали, били, мучили голодом. Он вынес все и до сих пор живет в Порт-Блэре. Я поинтересовался, почему он не рассказал правду при аресте. Он ответил, что тогда пришлось бы привлечь к этой истории слишком много людей. Чтобы спасти других, так же как и в молодости, он взял всю вину на себя.

Саудагар рассказал мне, как однажды июльским вечером, в период муссона, когда дул сильный ветер и отвесной стеной лил дождь, часов в 6 вечера в кромешной тьме более шестисот заключенных посадили в грузовики и отправили якобы на работы по благоустройству сада где-то в пригороде. Недолгой была радость заключенных. Человек 300 из них загнали на пароход «Акбар», а остальных — на два небольших судна, более двухсот человек на каждое. Вечером, часов в семь, суда вышли в море. Узникам не дали с собой ни воды, ни пищи. Стоя, тесно прижавшись друг к другу, плыли они в неизвестность. Некоторые, обессилев, свалились на пол и заснули. Вскоре их грубо растолкали и приказали выходить. Было около часа ночи. Не обнаружив ни пристани, ни даже какой-нибудь лестницы, Саудагар хотел перейти в задние ряды, но его ударили и толкнули вперед — он оказался в открытом море. Саудагар поплыл. Он плыл долго и утром оказался у болотистого берега. Саудагар понял, что перед ним остров Хавелок. Вокруг плавало много трупов. По мнению Саудагара, той ночью погибло не менее трехсот человек. Оставшимся в живых нечего было есть, не хватало и воды.

Неожиданно откуда-то появилось человек десять бирманцев. Они были вооружены. Некоторые заключенные имели кое-какие драгоценности, которые им удалось тайно пронести в тюрьму. Бирманцы силой их отняли, а тех, кто сопротивлялся, убили. По словам Саудагара, они застрелили человек сто, а потом исчезли так же неожиданно, как и появились. Оставшиеся в живых заключенные умирали от голода один за другим. Питаться приходилось только травой и кореньями. В живых осталось лишь восемь человек, затем двое: он и некий Говерухан. Они прожили на острове почти два месяца. За это время японцы капитулировали, но эти двое ничего об этом не знали. Над их головами часто пролетали самолеты. Чтобы привлечь к себе внимание, Саудагар и Говерухан привязывали к бамбуковому шесту кусок белой материи и махали им. Однажды они заметили на горизонте судно. Через какое-то время белый человек приплыл на лодке и увез их на судно. Их доставили в Рангун, затем в Пенанг и, наконец, в Сингапур, где он давал показания на суде над японскими военными преступниками.

Я сверил то, о чем рассказал Саудагар, с тем, что поведали мне многие, жившие в Порт-Блэре во время оккупации. Большинство фактов оказались правильными, хотя вполне возможно, что он кое-что недосказал, а кое-что приукрасил.

За два дня до капитуляции японцами было совершенно еще одно преступление. Из окрестных деревень в маленькую деревушку Гурачарана они согнали человек триста. Операция называлась «Облава». Все жители — мужчины, женщины, дети — содержались в одной из хижин под строжайшей охраной. Им не разрешали покидать хижину и совсем не кормили. На третий день, 13 августа, на грузовике их отвезли на побережье в Тайтлер Гхат (в 13 милях от деревни), погрузили на небольшие суда и отправили на маленький островок, известный под названием Тармугли. Там их расстреляли из пулеметов. Никого не оставили в живых.

После того как союзники заняли Андаманские острова, они послали поисковые группы, обнаружившие на островке груды костей. Рама Кришна, издатель местной газеты «Андаман симбун», издававшейся в период оккупации (сначала он был в милости у японцев, а потом потерял их расположение), подтвердил подлинность этого факта.

Пока жители Андаманских островов переживали страшные дни, в Европе война подходила к концу.

Для Индии 1944 год был годом неудачным. 31 марта японцы окружили Импхал⁶⁸ и 8 апреля достигли окрестностей Кохимы⁶⁹. Затем их продвижение было приостановлено.

Союзники прекрасно понимали стратегическое значение Андаманских и Никобарских островов. Еще в августе 1943 года объединенная группа по планированию при англо-индийском командовании обсуждала вопрос об освобождении и удержании Порт-Блэра. В документе, датированном 20 октября того же года, объединенная группа по планированию указывала, что захват Порт-Блэра обеспечит союзникам многие преимущества: расширит сферу разведывательной деятельности по сбору данных о японской армии; предоставит передовую базу для операций против вражеского флота; даст ряд укрытых якорных стоянок; лишит противника передовой базы военно-морских и военно-воздушных сил.

Группа считала, что на настроении японской армии и вообще японцев тяжело отразится потеря Андаманских островов, поскольку возникнет угроза их стратегическим позициям в Юго-Восточной Азии.

Вопрос об освобождении Андаманских островов серьезно обсуждался всего один раз — на совещании начальников штабов английских вооруженных сил накануне Каирской конференции⁷⁰. Операция по захвату островов получила кодовое название «Буканир».

Назначенный на Квебекской конференции⁷¹ верхов-

---

⁶⁸ Импхал — город на востоке Индии, ныне административный центр штата Манипур. Осада японцами Импхала продолжалась до 30 июня 1944 года.

⁶⁹ Кохима — город в Ассаме, был захвачен японцами во время манипурской кампании в марте — июне 1944 года, освобожден англо-индийскими войсками 30 июня 1944 года.

⁷⁰ Каирская конференция — англо-американо-китайская конференция, проходившая в Каире 22—26 ноября 1943 года при участии президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля и главы китайского гоминьдановского правительства Чан Кайши. Обсуждались вопросы, связанные с военными операциями против Японии. Было принято решение о возвращении Китаю всех отторгнутых у него Японией территорий.

⁷¹ Квебекская конференция — встреча в августе 1943 г. президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля по военным и экономическим вопросам. В сентябре 1944 г. была проведена II Квебекская конференция.

ным главнокомандующим союзными войсками в Юго-Восточной Азии контр-адмирал лорд Маунтбэттен представил на Каирской конференции план операции «Букапир». Однако С. У. Роскилл в книге «Война на море» писал, что английские и американские начальники штабов, хотя и не пришли к полной договоренности, операцию все же назначили на март 1944 года.

В то же время Роскилл подчеркивал: и английские, и американские начальники штабов согласились, что это ни при каких обстоятельствах не должно повлиять на ход операции в Европе. Поэтому возникло серьезное расхождение во взглядах: американцы настойчиво требовали, чтобы операции в Бирме и операция «Буканир» проводились в соответствии с планом, а англичане не менее настойчиво утверждали, что любая высадка морского десанта в районе Индийского океана, несомненно, приведет к отвлечению сил с европейского театра военных действий.

Одна из сторон должна была уступить. В данном случае уступил президент Ф. Рузвельт. Премьер-министр У. Черчилль получил лаконичную телеграмму от американского президента, что операция «Буканир» отменяется. Так закончилась единственная серьезная попытка освободить Андаманские и Никобарские острова.

Не имеет смысла строить предположения о возможном исходе операции «Буканир». Это навсегда останется одним из «если» в истории. Но нельзя отрицать и того, что если бы союзники провели операцию «Буканир», то им было бы нетрудно захватить острова, потому что к тому времени силы японцев значительно истощились, а большая часть их путей снабжения была перерезана в результате воздушных и морских операций союзников.

Для тех, кто вел переговоры в Каире и Квебеке или в штабе союзного главнокомандующего в Юго-Восточной Азии, лорда Маунтбэттена, Андаманские и Никобарские острова оставались цепью островов в Бенгальском заливе, которые представляли собой лишь стратегический интерес. Никто в то время и не задумывался о судьбе несчастных жителей этих островов.

Операция «Буканир» была отменена, но это не означало бездействия союзников во время ее планирования или после отмены. Систематические бомбардировки и уничтожение японских объектов на островах продолжались.

После того как союзники сбросили 6 августа 1945 года атомную бомбу на Хиросиму, события на Дальнем Востоке стали быстро развиваться. Через 2 дня, 8 августа, СССР объявил войну Японии. На следующий день, 9 августа, союзники сбросили еще одну атомную бомбу — на Нагасаки. В тот же день русские вступили в Маньчжурию, к 12 августа они вступили также и в Северную Корею. И хотя 14 августа Япония безоговорочно капитулировала, сопротивление японских вооруженных сил в различных районах театра военных действий продолжалось.

Так, например, произошло и с операцией по захвату Андаманских и Никобарских островов, носившей кодовое название «Попкорн».

В соответствии с планом операции «Попкорн» суда, отправляющиеся на Андаманские и Никобарские острова, отбыли из Калькутты только 3 октября и произвели высадку в Порт-Блэре 7 октября. Из-за того что бухта была заминирована, разгрузка судов производилась с большой задержкой, так как невозможно было использовать причалы и судоверфь на острове Чатам. Поэтому 116-я индийская пехотная бригада, прибывшая на десантных судах, под командованием бригадного генерала А. Дж. Саломона, в задачу которой входило занятие островов, произвела высадку лишь 7 октября 1945 года. В тот же день генерал А. Дж. Саломон принял окончательную капитуляцию японцев.

Так закончилась еще одна из печальных глав в истории Андаманских островов.

За исключением острова Кар-Никобар, Никобарские острова практически не подверглись японской оккупации. Японцы закрепились только там, где их присутствие было необходимо с военной точки зрения.

Впервые в июле 1942 года оккупанты высадили небольшой отряд. Японцы собрали старост большинства деревень и стали выяснять их национальность. Старосты ответили, что они индийцы. Тогда японцы спросили, нет ли на острове солдат — сикхов, гурхов или шотландцев. Узнав, что никаких войск на острове нет, они установили там столб, на котором написали, что остров оккупирован Японией. Когда стемнело, они отправились на свое судно.

Японцы снова вернулись на остров 2 августа 1942 го-

да, и с этого дня началась настоящая оккупация Кар-Никобара. Сначала они обходились с никобарцами не очень сурово. Но уже через несколько дней японцы начали угонять с острова людей, используя их в других местах в качестве рабочей силы. Кар-Никобар постепенно лишился почти всех работоспособных мужчин. Как впоследствии стало известно, с никобарцами плохо обращались, их жестоко избивали и в день давали горсточку риса и немного воды. Многие из этих никобарцев умерли.

Однако самое страшное ждало жителей Кар-Никобара еще впереди. Однажды три самолета союзников пролетели над японским судном, стоящим на якоре у берега Кар-Никобара, сбросили на него бомбы и потопили. Это послужило сигналом для установления долгого периода террора на Кар-Никобаре. Старосты и другие известные люди Кар-Никобара были арестованы по обвинению в передаче сведений противнику. И хотя они все отрицали свою вину, им не поверили и поместили в концентрационный лагерь в джунглях, который находился в глубине острова. До конца войны они содержались в этом лагере. Почти каждый день японцы приходили и забирали несколько никобарцев якобы на работу. Но никто из этих людей в лагерь не вернулся. Всех их убили. В основном уничтожали образованных людей. Оставшиеся в живых обязаны сохранением своей жизни окончанию войны.

Так прекратился настоящий ад на земле, который устроила японская военщина на Кар-Никобаре. Единственное «благо», которое принесла японская оккупация жителям острова, — это бегство с острова торговцев, много десятилетий эксплуатировавших местное население. После войны земля, которую никобарцы заложили торговцам, снова стала их собственностью.

ОСВОБОЖДЕНИЕ...

Арфат Ахмед Хан впервые прибыл на Андаманские острова в 1926 году и был эвакуирован в 1942 году. В течение всей войны он работал в министерстве продовольствия правительства Индии. Он оказался в числе тех, кто прибыл в Порт-Блэр на борту транспортно-десантного корабля «Дилвара», доставившего первую

группу солдат и гражданских лиц. Он отплыл из Калькутты на «Дилваре», который был плавучей базой для других трех судов, также отправившихся на Андамань. Хан являлся одним из тех лиц, которые должны были осуществлять гражданское управление островами.

Когда суда подошли к Андаманским островам, якорь бросили у острова Росс, на берег отправили шлюпку для установления контакта с командующим японскими войсками. На островах все еще находилось около 20 тысяч японцев. После установления контакта передовая группа вернулась. Тогда бригадный генерал А. Дж. Саломон и его подразделения начали высадку по типу десантной операции. (В тот день ни одному гражданскому лицу не разрешили сойти на берег.) После того как войска заняли позиции на побережье в районе тюрьмы, абердинского причала и в других стратегических пунктах, разрешили выйти на берег и гражданским лицам.

Хан рассказал, что перед отплытием из Калькутты им были даны строгие инструкции не пить воду и не есть в Порт-Блэре, потому что все продукты питания и вода могли быть заражены или отравлены. Разумеется, им запретили общаться с японцами. Когда Хан высадился на абердинском причале, он увидел человек 50—60 своих старых знакомых, которые пришли встретить его и вновь прибывших.

Внешний вид встречающих вызывал жалость. Среди них оказался один из друзей Хана — Акбар Али. Прежде это был весьма состоятельный человек, теперь же он появился одетый в рубашку и шорты, сшитые из старого мешка. Он все время плакал. Как выяснилось, его сына убили японцы. Остальные были в отчаянии от того положения, в которое они попали при японцах. Все они жили в антисанитарных условиях. Повсюду — тучи мух. Отбросы, даже человеческие экскременты, не убиралась. Люди выглядели истощенными и измученными.

9 октября 1945 года произошла церемония официальной капитуляции японцев. Капитуляцию принимал бригадный генерал А. Дж. Саломон. По свидетельству очевидцев, капитуляция происходила следующим образом: напротив андаманского клуба был поставлен стол. За ним собрались все офицеры, высадившиеся с десантом. К столу подъехал автомобиль. Из него вышел командующий японскими военно-морскими силами. Он был в полной парадной форме. Его сопровождали два

адъютанта. Саломон сидел за столом. Японский адмирал отдал ему честь. Бригадный генерал встал и пожал ему руку. Затем японский адмирал вынул меч из ножен и подал его бригадному генералу Саломону, потом он снял с себя пояс и сорвал все другие награды и знаки отличия. Был зачитан заранее подготовленный документ.

Саломон подписал документ от имени правительства Великобритании, а японский адмирал — от имени правительства Японии. Несмотря на строгий запрет, собравшаяся толпа стала кричать «ура». Вся церемония продолжалась две или три минуты, и, когда она закончилась, японский адмирал, понутив голову, медленно пошел к своей машине. Его адъютанты последовали за ним. Они сели в машину и уехали.

Через несколько дней Хан посетил деревню, где в казармах были размещены японские солдаты. Он нашел их в плачевном состоянии — у них не было ни приличной одежды, ни продуктов питания.

А. Хану приходилось много читать об ужасах войны, но здесь он узнал о жестокостях японских захватчиков, которые мало чем уступали преступлениям немецких фашистов, а кое в чем, может, и превосходили их: например, пытки Диван Сингха и расправа с многими другими жертвами японского террора.

В частности, А. Хан рассказал о случае, происшедшем с его близким другом, доктором Наваб Али. По его словам, Наваб Али был уважаемым гражданином города, человеком, который в свое время свободно общался с англичанами. Во время японской оккупации он подвергся аресту. В конце концов он скончался в тюрьме. Перед смертью его заставили подписать документ, в котором говорилось, что он — английский шпион. Для того чтобы он подписал этот документ, в полицию привезли его двух молодых, очень красивых дочерей, Саиру и Софию. Они предстали перед взором отца совершенно голыми. Японцы силой раздвинули им ноги и стали подносить к ним горящие газеты. Отец в ужасе закрыл глаза. Девушки неистово кричали и молили отца сказать «да». Чтобы прекратить их страдания, он согласился подписать этот документ.

И такой случай оказался не единичным.

Индия и весь мир впервые узнали о том, что происходило на Андаманах, когда корреспондент делийской газеты «Хиндустан таймс» приехал в Порт-Блэр через

неделю после высадки англичан. В сообщении, датированном 16 октября 1945 года, он писал, что попытки скрыть правду рушатся под тяжестью груды подлинных доказательств японских зверств в течение трех с половиной лет оккупации. Население Андаманских островов все еще вспоминает с глубокой любовью Диван Сингха. На одном из ежемесячных митингов по случаю так называемого дня независимости, которые стали проводиться 21 числа каждого месяца в честь «освобождения» островов японцами, он в своей речи с горечью заявил: «То, что они приветствовали сначала как освобождение, оказалось хуже рабства». После этого японцы при первой же возможности попытались убрать его.

О полковнике Логанатхане он сообщил, что японские власти приказали ему «учиться работать», целый год изучать местные условия, прежде чем они дадут полномочия, соответствующие его должности. За год «ученичества» он не мог спокойно наблюдать за действиями японских оккупантов на островах, поэтому, под предлогом болезни, отправился в Сингапур, чтобы доложить об истинном положении дел на Андаманах. Его протест был принят не кем иным, как самим Нетаджи Субхас Чандра Босом!

Корреспондент писал также о том, что наиболее ненавидимыми людьми на Андаманах были полицейские, которые остались там после эвакуации англичан. Они (примерно 300 человек) снабжали новых правителей подробными данными о каждой семье и о каждом человеке на Андаманах, чем и объясняется то, почему досье японской полиции, попавшие в руки англичан, столь богаты подробностями. Полицейские, по словам местных жителей, принимали активное участие в пытках людей во время следствия по делам о «шпионаже». Говорят, что имущество людей, которых казнили или замучили во время следствия, делилось между японскими чиновниками и индийскими полицейскими. Это полицейское формирование после капитуляции японцев было распущено, а сами полицейские отправлены в тюрьму.

Корреспондент недоумевал, почему люди становились коллаборационистами. Видимо, моральный уровень людей во время японского правления упал столь низко, что даже дети, многие из которых учили японский язык, становились доносчиками. В качестве примера он приводил случай с одним человеком, зять которого был расстрелян по обвинению в «шпионаже», тесть умер под

пытками, а сестра была изнасилована. И все же этот человек (тоже корреспондент), чтобы спасти свою шкуру и избежать подозрений, написал статью в «Андаман симбун», в которой всячески восхвалялась «сфера процветания».

Между тем штормовая погода и трудности, связанные с расчисткой минных полей, задержали отправку войск на Кар-Никобар. В конце концов транспортно-десантное судно покинуло Порт-Блэр 17 октября. 18 октября 1945 года войска Великобритании снова высадились на Кар-Никобаре.

К концу октября закончилось разоружение японцев на всех островах. Общая численность японских войск, ожидавших эвакуации, составляла 18 846 человек. Под арестом как военные преступники содержались 186 японцев. Впоследствии их осталось 112 человек.

Численность населения островов ко времени возвращения англичан сократилась до 18 тысяч, тогда как перед японской оккупацией на островах проживало 34 тысячи человек. Цифры эти не нуждаются в комментариях.

Одним из первых решений правительства Индии после освобождения островов была ликвидация поселений каторжан. По словам Н. К. Паттерсона, назначенного Главным комиссаром, правительство Индии с одобрения государственного секретаря по делам Индии пришло к выводу о необходимости такой меры. Это решение, в свою очередь, затрагивает вопрос о будущем каторжников (около 6 тысяч человек), которым пришлось остаться на острове в 1942 году на все время японской оккупации. В конце концов правительство провинций согласилось, что всем каторжникам, еще не отбывшим полностью свой срок, его остаток следует простить и разрешить узникам, если они захотят, вернуться по домам.

Этим воспользовались в октябре 1945 года 4200 каторжников. Они были репатриированы. Таким образом население островов еще более сократилось.

На Кар-Никобаре дела обстояли несколько лучше. К счастью, никобарцы не так сильно пострадали от оккупации, как андаманцы, и процесс нормализации жизни прошел у них легче и гораздо быстрее, чем у андаманцев Порт-Блэра.

Власти сразу же объявили, что все бывшие государственные чиновники, которые все еще находились на

острове, считаются вновь принятыми на службу. Для восстановления нормальной жизни на острове в качестве рабочей силы использовали находившихся здесь после капитуляции 10 тысяч японских солдат.

28 ноября 1945 года острова посетил контр-адмирал Маунтбэттен. На Андаманах побывали и другие видные гости, например вице-король и генерал-губернатор Индии Уэйвелл с супругой.

Предполагалось, что военная администрация будет управлять островами в течение шести месяцев, однако передача управления гражданским властям произошла раньше, 7 февраля 1946 года. К тому времени были репатриированы практически все японцы, собраны и переданы соответствующим странам материалы, необходимые для суда над военными преступниками, а также приняты меры к репатриации перемещенных лиц.

В феврале 1947 года Н. К. Паттерсон, военный администратор, передал полномочия Главному комиссару Имам уль-Маджиду из индийской гражданской службы, первому индийцу на этом посту.

23 февраля 1947 года в Порт-Блэр прибыл известный писатель Комптон Макензи (в то время он писал книгу о роли индийских вооруженных сил во второй мировой войне). Комптон Макензи приехал сюда с целью узнать правду о зверствах оккупантов по отношению к жителям островов.

Писатель был просто очарован андаманскими джунглями. Он писал, что по разнообразию деревьев они кажутся еще богаче бирманских. Встречаются здесь и рощи кокосовых пальм, и широкие рисовые поля.

Потрясенный ужасами японской оккупации островов, Макензи заявил, что в таком состоянии он не мог даже вести дневник. Ему сообщили, что из 20 тысяч местных жителей за это время погибло 7 тысяч.

Макензи посетил также Кар-Никобар. Мечтал он съездить и на остров Большой Никобар, но помощник комиссара на Кар-Никобаре майор Дж. д'Исса-Бумгардт уговорил его поехать на остров Чаура, на котором тому самому хотелось побывать. Для этого он воспользовался рейсом «Нарбадды», на котором плыл Макензи (своих судов у него в распоряжении не было).

Макензи был разочарован этой поездкой. Деревни показались ему грязными, местное население проживало в антисанитарных условиях, и это производило гнетущее впечатление. Он писал, что земля вокруг деревень

усыпана скорлупой кокосовых орехов и отбросами, а вокруг тучи мух. Практически все жители острова заражены венерическими болезнями, туберкулезом и малярией. У них не было никаких лекарств.

ДОЛГОЖДАННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И НАШИ ДНИ

Когда Индия получила независимость, Главным комиссаром Андаманских и Никобарских островов все еще оставался Имам уль-Маджид. В ежегодном отчете за 1947/48 год он писал, что самым памятным событием года стало получение независимости. 15 августа 1947 года торжественно был поднят флаг Индийского доминиона. Несколько тысяч жителей островов приняли участие в этой церемонии.

Впервые за историю островов было официально обращено внимание на многонациональный характер их населения и его пестрый конфессиональный состав. Ни индусы, ни мусульмане в попытке обращения членов каждой из этих общин в свою веру особого успеха не имели. Несколько большего добились проповедники христианства. В результате большинство никобарцев — христиане. Дело в том, что миссионеры-христиане, как отмечал Макензи, не мешали местному населению соблюдать старые обычаи. Даже сегодня у никобарцев наблюдаются некоторые древние обычаи, такие, как пиршества при кремации умерших.

До сих пор все население островов все еще говорит на хинди. Произошло это в результате политики англичан, которые старались содержать каторжников из одного штата или принадлежащих к одной языковой группе раздельно, ибо они опасались, что людям, говорящим на одном языке и пребывающим в одной камере или в бараке, легче организовывать заговоры против властей. Чтобы как-то общаться друг с другом, осужденные прибегали к хинди, понятному большинству населения Индии.

Этим языком продолжают здесь пользоваться и сейчас. Неважно, откуда вы родом: с юга, севера, запада или востока Индии, вы должны знать хинди. Действительно, никто не может быть принятым на работу в любое местное учреждение, если не владеет этим языком.

Маджид, по-видимому, был довольно популярным человеком на островах. Обычно он разъезжал повсюду на бронетранспортере, так как другой автомашины у него не было. По пути он останавливался и подвозил тех, кто голосовал на дорогах, — простых людей, женщин и детей. (В те времена на островах общественный транспорт отсутствовал.) Маджид — зачинатель кооперативного движения на островах. На Андаманах он создал кооперативные лавки — *панай ханай*, управление которыми было поручено выходцам из племен. Сегодня эти лавки играют значительную роль в жизни населения островов, и андаманцы гордятся тем, что им доверяют заниматься столь важным делом. Он также советовал местным жителям приобретать земельные участки под сады и огороды и под строительство домов, поскольку предвидел стремительное развитие островов и те времена, когда не останется свободным «ни клочка земли». Он оказался прав — сейчас почти невозможно купить хотя бы крошечный участок земли в окрестностях Порт-Блэра.

Однако вскоре Маджид перестал пользоваться благосклонностью властей и его перевели на другое место по распоряжению, переданному по телеграфу. Во-первых, его обвинили в том, что он дал согласие на поселение на островах около пятисот или шестисот мусульман из Восточной Бенгалии. В результате возникло подозрение, будто он пытался создать численное преимущество мусульман над индуистским населением. (Приверженцев индуизма в то время было весьма немного, возможно человек пятьсот-шестьсот.) Во-вторых, его подозревали в косвенном подстрекательстве некоторых никобарцев обратиться к английскому парламенту с просьбой объявить Никобары самостоятельной колонией британской короны, поскольку у никобарцев нет ничего общего с индийцами — ни по географическому, ни по этническому принципу. Подтвердить достоверность подобных утверждений невозможно. Тем не менее здесь считают, что именно эти две причины явились поводом для перевода Маджида на другое место.

В июле 1949 года в качестве Главного комиссара на острова прибыл А. К. Гхош, также из индийской гражданской службы. Однако еще до его приезда сюда была доставлена первая партия переселенцев, состоявшая из 128 семей беженцев из Восточной Бенгалии. Это мероприятие проводилось в соответствии с планом, разра-

ботанным правительством Индии по увеличению численности населения островов. Многие переселенцы не отличались крепким здоровьем. Большинство из них поселили в Порт-Блэре и его окрестностях для занятия земледелием, а некоторые стали ремесленниками.

В беседе со мной А. К. Гхош сказал: как только он вступил в должность, его очень удивило то обстоятельство, что никто не мог ему со знанием дела рассказать о Никобарских островах. Оказалось, что японцы уничтожили все архивы. Не было и книг, из которых новый Главный комиссар мог бы почерпнуть какие-то сведения. Поэтому ему пришлось почти сразу же совершить поездку на южную группу островов. У администрации тогда не было еще своих судов, и, когда в Порт-Блэр прибыло судно «Махараджа», Гхош снял его с обычного рейса и отправился на Никобары, взяв с собой подчиненных — начальников отделов.

На А. К. Гхоша острова произвели большое впечатление. Жители Кондалла, увидев судно, вошедшее в их воды, подняли флаг Соединенного Королевства Великобритании. На вопрос Гхоша к старосте деревни, почему они подняли этот флаг, тот ответил, что они всегда поднимали британский флаг, если к ним заходило какое-либо судно. Состоялась довольно странная беседа.

Гхош. Разве вы не знаете, что англичан теперь уже больше нет в Индии?

Староста. Нет, не знаем. Никто не говорил нам об этом. Мы ничего не знаем.

Гхош. Разве не известно, что Индия вот уже два года, как получила независимость?

Староста. Нет.

Гхош. Вы знаете, что была война?

Староста. Да.

Гхош. А знаете, что она уже кончилась? Вам известно, кто выиграл войну?

Староста. Нет, мы не знаем.

Гхош. Когда последний раз к вам заходили суда?

Староста. Много лет назад, когда точно — не помним.

Выяснилось, что последний раз «Махараджа» посетил Кондалл в 1937 году, то есть за двенадцать лет до визита Гхоша на Никобары. Никого не интересовало, живы или нет обитатели Кондалла.

Главный комиссар и староста деревни обменялись

флагами. Гхошу был вручен флаг Соединенного Королевства Великобритании, а староста получил индийский трехцветный флаг с указаниями поднимать его, когда вблизи их вод появится какое-нибудь судно.

Десять дней продолжалась поездка Гхоша по Никобарам. Затем он совершил еще один вояж. Он посетил такие острова, на которые никто не заглядывал на протяжении последних двадцати лет! Порой местные жители при появлении судна прятались в джунгли и выходили из укрытий лишь после того, как убеждались, что вновь прибывшие не причинят им вреда.

Четыре года Гхош оставался в должности Главного комиссара островов. За это время джаравы совершили один и, возможно, последний организованный налет на поселение. Произошло это 22 июля 1952 года. Улучив момент, они напали на поселение и убили женщину. Джаравы исчезли, прежде чем полиция успела принять какие-либо меры. Правда, до этого случая, в октябре 1948 года, группа лесников схватила трех джаравов в тот момент, когда они ловили рыбу. Согласно официальному отчету, их привезли в Порт-Блэр и поместили в бунгало одного из старших лесников. С пленниками вежливо обращались в надежде, что в ответ получат их расположение. Сначала лесникам даже показалось, что джаравы настроены по отношению к ним дружелюбно. Однако спустя десять дней джаравы ночью убежали в джунгли.

За годы пребывания А. К. Гхоша на посту Главного комиссара на острова переселили более 2 тысяч бенгальских беженцев. Острова экспортировали лесоматериалы, небольшое количество кокосовых орехов. С материка сюда поступали рис, растительное масло и овощи. Андаманы целиком зависели от импорта — все продукты питания прибывали с материка.

Гхош очень гордился тем, что медицинское обслуживание на островах, особенно в Порт-Блэре, было хорошим, а с малярией покончено. Правда, положение с обучением продолжало оставаться ужасным. Во всем регионе имелась лишь одна школа, а уровень преподавания в ней был весьма низким.

Жители Чауры все еще руководствуются своим «обычным правом». Однажды здесь двум людям отрубили головы, потому что посчитали их плохими. Их сначала много раз предупреждали изменить образ жизни, но они не слушали советов. Тогда собрались ста-

рейшины деревни и решили, что их следует обезглавить, что и было приведено в исполнение. Гхош, хотя и был Главным комиссаром, решил в это дело не вмешиваться, так как «у них свой закон и метод поддержания правопорядка».

В период деятельности Гхоша на островах существовала значительная диспропорция в численности мужчин и женщин. Не считая детей и стариков, соотношение между мужчинами и женщинами составляло 4 : 1. Были годы, когда оно равнялось 6 : 1. Следует отметить, что в результате подобной «нехватки» женского населения женщины вели себя гораздо свободнее, чем на материке. В случае, если муж плохо относился к жене, она быстро его бросала и находила другого. Процедура развода была весьма простой. Для этого следовало лишь обратиться к помощнику комиссара, заявить о своем желании развестись — и дело было сделано.

Такой дефицит женщин принес свои плоды. Женщин было так мало, что мужчинам не приходилось выбирать. Поэтому индуисты женились на буддистках, буддистки выходили замуж за мусульман, а мусульмане предлагали руку и сердце сикхским женщинам. Религия стала чисто личным делом. Процесс создания однородного в религиозном отношении общества все ускорился.

В 1951 году была организована первая индийская экспедиция для установления контакта с шомпенами на Большом Никобаре. Эту экспедицию возглавил Б. С. Ченгапа, архивариус из Порт-Блэра.

Впервые мир услышал о существовании шомпенов в 1831 году от датского миссионера пастора Розена. Однако это совсем не означало, что он действительно встречался с ними лично. Как известно, в 1901 году Ч. Боуден Клосс совершил довольно продолжительную поездку на Большой Никобар и видел там много шомпенов. Он писал, что в целом эти люди похожи на никобарцев, но цвет кожи у них темнее и сероватого оттенка, да и физически они слабее. Они носят хлопчатобумажные набедренные повязки и большие деревянные украшения в ушах. Исследовательская группа впервые столкнулась с шомпенами у реки Джабили. Они были настроены дружелюбно. Затем они повстречались с теми шомпенами, которые жили приблизительно в пяти милях от устья реки Дагмар. Эти люди также были настроены миролюбиво. Еще одну большую группу шом-

пенов они обнаружили за много миль в долине реки Александер, в двенадцати или четырнадцать милях вверх по ее главному притоку, а затем приблизительно в двух милях выше, к югу по боковому притоку. Эти шомпены были настроены враждебно.

По одним сведениям, численность шомпенов составляла около ста человек. Те, что жили возле реки Дагмар, выглядели физически слабыми. Остальные шомпены, с которыми исследовательской группе приходилось встречаться, особенно мужчины, были крепкого и красивого телосложения. Несмотря на то что головы украшала пышная шевелюра, на лице и на теле у них никаких следов растительности не было. Шомпены, с которыми мне довелось общаться во время посещения Большого Никобара в 1975 году, мало чем отличаются от тех, с которыми виделись участники исследовательской группы.

Ч. Боуден Клосс описывал их поселения как «самые примитивные». Шомпены строят свои хижины на сваях высотой от 3 до 7—8 футов с грубой платформой. Крыши хижин покрыты пальмовыми листьями. Панданус был и остается их основным продуктом питания. Они готовят пищу в искусно сделанных деревянных сосудах, а огонь добывают трением при помощи сухих палочек. Шомпены охотятся на кабанов, ловят рыбу, собирают пресноводных двустворчатых моллюсков, лакомятся орехами. Они жуют листья бетеля — в результате зубы у них черного цвета.

Шомпены умеют строить небольшие каноэ с балансиrom, рассчитанные лишь на двух-трех человек. Они также плетут корзины из побегов ротанговой пальмы, а набедренные повязки делают из луба двух видов растений семейства фикусовых. Дротики у шомпенов с железными наконечниками, и они используют их во время войн или охоты на кабанов.

После А. К. Гхоша на острова в качестве Главного комиссара прибыл С. Н. Мойтра, также из индийской гражданской службы. При нем был подготовлен первый пятилетний план, в котором фигурировали эти острова, и он должен был претворять в жизнь задачи, поставленные в плане. Он — первый Главный комиссар, который после достижения Индией независимости уделял большое внимание благоустройству Порт-Блэра. Это по его указанию был заложен морской парк, который собирались продлить в одну сторону до бухты Корбин (здесь

самый хороший пляж и место для купания), а в другую сторону — к острову Чатам.

После приезда Мойтры на Андаманах впервые появились городские автобусы и приобретено также судно «Чолунга». Оно стало совершать рейсы между островами. По приказу Мойтры стали строить новые дороги. В соответствии с планом Коломбо⁷² Главный комиссар смог заполучить для островов санитарное судно «Индус». И именно в то время, когда Мойтра возглавлял администрацию островов, их впервые посетил президент Индии — доктор Раджендра Прасад. В следующий раз президент Индии вступил на эти острова в 1976 году, когда туда с официальным визитом прибыл Фахруддин Али Ахмед.

Затем на посту Главного комиссара Мойтру сменило несколько довольно заурядных личностей.

До тех пор, пока в Индии не была проведена реорганизация штатов, Андаманские и Никобарские острова имели статус штата категории «Д». Однако начиная с 1 ноября 1956 года они стали союзной территорией. Это повышение статуса сопровождалось созданием Консультативного совета, состоящего из местного члена парламента, который назначается президентом Индии, и еще четырех лиц.

Приблизительно в то же время президент Индии опубликовал декрет о муниципальном совете для Андаманских и Никобарских островов, который вступил в силу 1 июня 1957 года. 23 апреля 1958 года были проведены выборы, а 15 августа того же года муниципалитет Порт-Блэра приступил к исполнению своих обязанностей. В него входило девять выборных членов, а три назначались Главным комиссаром. Председателем муниципалитета по должности был заместитель комиссара Порт-Блэра.

В 1961—1962 годах был создан еще один Консультативный совет. Он был связан с министром внутренних дел. Его основной функцией было давать рекомендации по вопросам политики, касающейся управления островами. Консультативный совет состоял из Главного комиссара, члена парламента, избираемого от островов,

---

⁷² План Коломбо — план помощи развитию ряда стран Азии и бассейна Тихого океана со стороны развитых стран Европы и Америки в интересах сохранения в данном районе империалистического влияния; принят на конференции в Коломбо в 1955 г.

первого заместителя председателя муниципального совета Порт-Блэра и пяти других лиц, назначаемых центральным правительством. Как правило, они собирались в столице острова один раз в несколько месяцев. На вторую встречу этого Совета в Порт-Блэр прибыл Лал Бахадур Шастри, в то время министр внутренних дел, чтобы председательствовать на его заседаниях.

Важным событием в истории островов стало открытие в 1963 году государственной авиакомпанией «Индиэн эйрлайнс» воздушного сообщения между Калькуттой и Порт-Блэром. Сначала по этому маршруту рейсы совершали раз в неделю самолеты типа «Дакота», причем только с ноября по конец апреля. Позднее, в 1966 году, самолеты стали летать круглый год. Но для дозаправки горючим они должны были делать посадку в Рангуне. Со 2 августа 1977 года начались регулярные, раз в две недели, полеты на острова реактивных самолетов. Сейчас полет от Калькутты до Порт-Блэра занимает только два часа, а раньше для этого требовалось около пяти часов.

2 июня 1963 года в жизни островов произошло другое заметное событие — в Порт-Блэре заработала радиостанция Всеиндийского радио, до этих пор население островов было почти полностью лишено информации. Кроме одного кинотеатра, на островах никаких других зрелищных заведений не имелось. Да и сейчас положение мало в чем изменилось — построен еще лишь один кинотеатр. Радиостанцию на островах жители встретили с большой радостью, однако вскоре выяснилось, что установленный передатчик мощностью в один киловатт оказался явно негодным. Даже согласно наиболее оптимистической оценке Всеиндийского радио, эффективная дальность действия подобного передатчика составляла лишь около 30 миль в дневное время и приблизительно 80 миль в ночное. Это исключало любой прием передач в северной группе островов из-за холмистого характера их рельефа.

Южная группа островов находилась в несколько лучшем положении, поскольку над водой радиоволны распространяются хорошо, а между Порт-Блэром и большинством островов Никобарской группы пролегает значительное морское пространство. Однако я должен признать, что во время моих поездок как на северную, так и на южную группу островов, мне никогда не удалось поймать какие-либо сигналы из Порт-Блэра.

Правда, иногда мы ловили отрывочные передачи из Мадраса и Калькутты, а то и из Новой Зеландии.

В связи с тем что население здесь многоязычно, радиопередачи из Порт-Блэра на хинди не могли стать доступными всему населению островов. Поэтому ежедневно стали вестись передачи на региональных языках, включая бенгальский, тамильский, малаялам и телугу.

В 1976 году, через тринадцать лет, мощность радиопередатчика была увеличена до 20 киловатт для передач на средней волне, но, по оценке специалистов, это означает повышение устойчивого приема только до 80 миль в дневное время и до 150 миль в ночное. Поэтому сигнал еще недостаточно сильный, чтобы принимать его на северной группе островов. Нерешенной остается проблема введения общедоступных программ в радиопередачах на региональных языках. Вместо того чтобы использовать в этих целях передатчик мощностью в один киловатт, его просто законсервировали.

Благодаря прибытию беженцев население островов неуклонно растет. Согласно всеобщей переписи 1951 года, оно насчитывало 30 197 человек. В 1961 году была проведена еще одна перепись — к тому времени численность населения островов более чем удвоилась и составила 63 524 человека. Согласно переписи 1971 года, население островов насчитывает 115 133 человека.

Раньше переселение проводилось в какой-то степени стихийно. Но в 1964 году была создана межминистерская группа для подготовки так называемого «плана развития объединенных ресурсов» для островов. В свете рекомендаций, предложенных этой группой, 339 семей переселенцев из бывшей провинции Восточный Пакистан были определены на жительство в Бетапуре (Средний Андаман) после расчистки 2050 акров земли. Еще одна партия, состоящая из 100 семей, также беженцев из Восточного Пакистана, была поселена на острове Нейл после того, как было подготовлено 1190 акров земли под земледелие.

До введения «плана развития объединенных ресурсов» беженцы — или переселенцы — размещались на трех островах Большого Андамана: на Северном, Среднем и Южном. Их численность составляла 2887 семей из Восточного Пакистана, 157 — из Кералы, 43 — из Тамилнада, 184 — из Бихара, 4 — из Махараштры и 5 — из Бирмы.

К несчастью, остров Малый Андаман — родина он-

ге — также не смог избежать этой участи. До весны 1975 года туда уже было поселено 353 семьи, а 104 находились в пути; предполагалось разместить там переселенцев из Восточного Пакистана и Шри Ланки. Ожидалось всего 2200 человек.

Переселение шло также и на Катчалл (Никобарские острова) с целью создать плантацию каучуконосов на площади 6 тысяч акров и расселить там 1200 семей репатриантов из Шри Ланки. Однако к апрелю 1975 года каучуконосы были посажены лишь на площади 1250 акров, а расселено там было только 12 семей.

Несколько семей репатриантов из Бирмы (всего 37) переселили на Южный Андаман, на плантации каучуконосов площадью 500 акров, недалеко от Порт-Блэра.

Мне довелось познакомиться с наиболее интересным планом переселения, относящимся к Большому Никобару. В начале 1967 года, когда я посетил этот остров, все его население состояло из одного взвода Центральной резервной полиции и пяти чиновников из департамента морских технических специалистов. Следует также учитывать большое стратегическое значение острова, расположенного неподалеку от Суматры. Решение относительно размещения там около сотни семей бывших военнослужащих из Пенджаба было встречено с большим энтузиазмом. Пожалуй, это вполне разумный и целесообразный проект.

Его претворение в жизнь началось в 1969 году с прибытия туда 66 семей сикхов. С большим рвением принялись они за дело, заявляя всем, что создадут там новый Пенджаб. Через несколько месяцев после прибытия пенджабцы занялись выращиванием маиса, риса, овощей и фруктов. (Почва не позволяет возделывать пшеницу.) Они сами построили гурдвару. Вскоре стали прибывать и другие семьи. В 1975 году население острова насчитывало 4800 человек. Оно состояло из 238 семей: 100 — из Пенджаба, 40 — из Махараштры, 45 — из Тамилнада, 24 — из Уттар-Прадеша, 15 — из Кералы, 9 — из Карнатаки и 5 — из Андхра-Прадеша. Ими всего было освоено 1495 акров как для посевов, так и под жилища. Официально общая помощь при переселении для каждой семьи состояла из 5 акров расчищенной земли, пригодной для выращивания риса, 5 акров лесного участка для плантации, одного акра расчищенной земли для жилищных построек, а также денежной помощи на устройство в сумме 19 750 рупий.

Однако довольно скоро переселенцы сильно разочаровались, так как правительство не выполнило своих обещаний. Дело в том, что из всего того, что им было обещано, за многие годы они фактически ничего, кроме земли, не получили. Правительство не понимало, что для обработки земли нельзя использовать тракторы там, где в году почти 10 месяцев идут дожди: машины быстро ржавели и приходили в негодность. Культиваторов, которые они буквально вымаливали все эти годы у правительства, до сих пор на островах нет. Таково было положение дел на апрель 1975 года. Правда, недавно я узнал, что сейчас земледельцы наконец получили долгожданные культиваторы.

Кроме того, переселенцы не могут порвать все связи со своими родственниками и друзьями в Пенджабе. Часто возникает необходимость посетить Пенджаб, чтобы присутствовать на свадьбе или похоронах близких. Известно, что каждая поездка стоит целое состояние. Это усугубляется еще и тем, что доходы переселенцев весьма незначительны. Дело в том, что у них большие трудности с транспортировкой и сбытом готовой продукции.

Вернуться назад им не позволяет вошедшая в поговорку «пенджабская гордость». Вот почему они всеми силами стремятся добиться успеха здесь.

Очень жаль, что правительство обращает мало внимания на проблемы переселенцев. Хорошо бы им предоставлять по крайней мере раз в два года бесплатный проезд морем, как это делается в отношении каждого служащего Центрального правительства. Разве они мало трудятся на благо своей родины? Ведь, как известно, эти бывшие военнослужащие привезены сюда с определенной целью — заселить и освоить этот отдаленный аванпост страны. Их повседневная жизнь значительно труднее, чем у правительственных служащих в Порт-Блэре, ведь тем дается бесплатное жилище, специальная надбавка к жалованью в размере $33\frac{1}{3}\%$ и предоставляется бесплатный проезд раз в два года на материк и обратно. Правительственные служащие на Никобарах имеют привилегий еще больше. Эти же пенджабцы — все бывшие военнослужащие — ничего не получают.

Еще одна проблема заключается в поддержании связи между Большим Никобаром и Порт-Блэром, поскольку сообщение между этими пунктами далеко нерегулярное, следовательно, почту и газеты они также получают

лесистематически. Эта проблема будет оставаться не решенной до тех пор, пока правительство не начнет проводить более гибкой политики. Одним из решений может явиться организация еженедельного рейса вертолета из Порт-Блэра на Кар-Никобар, с Каморты к заливу Кэмпбелла и обратно. Без сомнения, предприятие это дорогое, но я полагаю, что благополучие храбрых добровольцев, покинувших родину, представляет бóльшую ценность, чем дополнительные расходы по поддержанию подобной службы.

Данные на 1976 год, подготовленные Статистическим бюро администрации по Андаманским и Никобарским островам, показывают, что общая численность семей, осевших на островах к концу 1975 года, равнялась 1129; было расчищено 3981 га и распределено 2450 га земли.

Самое большое богатство Андаманских и Никобарских островов — леса. Г. Г. Чэмпин, известный специалист в области лесоводства, писал, что лес в первозданном виде если и можно где-либо встретить в Юго-Восточной Азии, то только на Андаманских островах. И все же крайне мало сделано для того, чтобы использовать эти громадные возможности. Дж. Ч. Варма из индийского лесного хозяйства, бывший на протяжении многих лет членом Комитета по охране лесов на островах, отмечал, что, несмотря на разнообразие местной флоры и ее богатство, к несчастью, породы деревьев, произрастающие там, не представляют большого интереса с экономической точки зрения.

Лалтан Зама, еще один видный специалист в области лесного хозяйства, объясняет отсутствие интереса к этим лесам тем, что только около 21% лесных массивов можно осваивать здесь в соответствии с требованиями науки, поскольку остальная часть труднодоступна из-за условий местности и отсутствия коммуникаций. Правда, история лесоводства на этих островах берет свое начало в 1833 году, и тем не менее специалист в области кустарных промыслов Р. Нарайяна в 1971 году писал, что, несмотря на большое количество имеющихся лесоматериалов, здесь очень мало предприятий, использующих их должным образом.

На островах в течение многих лет работает, и довольно эффективно, фабрика по производству брусков для выделки спичек, основанная шведским предпринимателем Като. Во время второй мировой войны Като

был управляющим фирмы «Вестерн Индия мэтч компани», известной как ВИМКО. Макензи писал, что японцы сначала оставили Като на свободе, но, заметив его пренебрежительное к ним отношение, вывезли шведа на остров Росса и там убили.

ВИМКО действует на этих островах на протяжении многих лет. Кроме того, в пригороде Порт-Блэра работает фабрика по производству фанеры, принадлежащая «Андаман тимбер индастриз». И это почти все, что можно сказать о так много обсуждаемых проектах развития промышленности на островах.

Некоторые лесоматериалы используются для производства мебели. Большая часть ее делается в мастерских, принадлежащих правительству. Это довольно красивая и изящная мебель. Правда, она не по карману простому жителю островов. Зато каждый Главный комиссар и все руководящие чиновники, возвращаясь домой, везут целые вагоны мебели из редких и наиболее ценных пород дерева, таких, как андаманское мраморное дерево и *барр*, не говоря уже о мебели, сделанной из различных видов птерокарпуса.

В 1977 году пришла долгожданная весть о создании корпорации по лесоразработкам. Можно надеяться, что она предпримет какие-то меры по ликвидации пренебрежительного отношения к этим островам.

В Порт-Блэре есть чиновник по вопросам кустарных промыслов, но едва ли к здешней обстановке можно применить слово «промысел». В Порт-Блэре имеется магазин, где можно купить безделушки; правда, большинство из них довольно безвкусные. Почти все перламутровые изделия производятся в Калькутте и доставляются в Порт-Блэр. Поэтому нет ничего удивительного, что цены на них высокие. На островах встречаются определенные виды раковин, которые идут на производство сувениров.

На Никобарах из листьев кокосовых пальм изготавливают отличные циновки, а из скорлупы кокоса — модели небольших каноэ и разные безделушки, не имеющие здесь никакого сбыта.

И на Никобарах, и на Андаманах изделий из волокон кокосовой пальмы не встретишь. (Я не сумел даже найти волокна для матраса!)

Несколько слов о пренебрежительном отношении к морской фауне прибрежных вод островов. Еще в 1878 году Фрэнсис Дэй, посетив острова, насчитал здесь

до 136 видов рыб. С тех пор, возможно, открыто их еще больше. М. Г. Менон, в прошлом директор департамента по рыболовству, писал, что, хотя эта территория располагает громадным рыбным потенциалом, следует признать, что он все еще должным образом не используется. В этих водах можно часто видеть иностранные рыболовные суда даже с Тайваня. С 1960 года в водах островов было задержано 48 иностранных рыболовных судов в тот момент, когда они занимались промыслом.

Здесь водятся в изобилии тунец, акулы, скумбрия, креветки, крабы, устрицы и омары. Жаль только, что все эти дары моря редко встретишь на столе у жителей островов.

Мало что сделано также и в области разведения каучуконосов. Прошло не менее двух десятилетий, прежде чем были проведены здесь посадки первых каучуконосов. Так, только в 1965—1968 годах был засажен участок в 203,82 га. Сбор каучука начался лишь в 1972 году, а в 1974/75 году он составил всего 14,25 тонны.

В единственной области — судоходстве замечен определенный прогресс. Было время, когда одно-единственное судно «Махараджа», совершавшее рейсы по перевозке пассажиров между островами и материком, могло прервать свой регулярный рейс, если оно требовалось Главному комиссару или какому-нибудь важному государственному чиновнику. На 1976 год, согласно официальному докладу, морской флот островов насчитывает суда: «Андаманс» и «Стрейт оф Хариана» — пассажирские, совершающие рейсы по маршруту Мадрас — Порт-Блэр и Калькутта — Порт-Блэр, каждые три месяца последнее судно заходит в Вишакхапатнам; «Шомпен» — специализированный лесовоз, единственное судно подобного рода в индийском флоте; «Вишва Ананд» — многоцелевое грузовое судно по перевозкам лесоматериалов, продуктов питания, машин, капитального оборудования, цемента, даже слонов и домашних животных; «Онге» — пассажирское судно, курсирующее по маршруту Порт-Блэр — группа Никобарских островов; «Ямуна» и «Тармугли» — прогулочные суда Главного комиссара; «Кондалл», «Тересса», «Чолунга», «Джарава», «Ганга» и «Читал» — суда, предназначенные для местных рейсов.

Сначала этот список может показаться весьма внушительным. Однако в докладе ничего не сказано о том,

как одно, а то и несколько судов вынуждены вставать в сухие доки Калькутты на ежегодный профилактический ремонт. Тогда сообщение вообще прерывается на несколько недель. Люди вынуждены задерживаться по нескольку дней, а порой и недель в порту Калькутты из-за тех или иных неполадок. При этом правительственные чиновники не оказывают пассажирам в затруднительном положении никакой помощи. Им приходится рассчитывать лишь на собственные силы.

В подобной ситуации могут оказаться и те пассажиры, которые прибыли в Порт-Блэр, если выясняется, что судна, которое доставило бы их к острову назначения, нет. Здесь отсутствуют и гостиницы, и комнаты отдыха, и рестораны. Пассажиры буквально оказываются на улице, а сикхи находят приют в гурдварах.

Иногда багаж может месяцами быть не отправлен из-за того, что не согласовано расписание прибытия транзитного груза.

В этой связи хотелось бы рассказать о том, как один работник Всеиндийского радио вынужден был просидеть в Мадрасе почти шесть месяцев, так как в порт за это время не зашло ни одного судна, следующего на Андаманы, а власти не соглашались оплатить ему проезд в Калькутту, откуда он мог бы отправиться на другом судне!

Тем не менее здесь достигнут прогресс в области строительства причалов и дорог. Построено много пристаней, только на Кар-Никобаре до сих пор все еще нет причала. Высадка здесь означает пересадку с корабля, стоящего на якоре, в моторный катер или в каноэ. Вновь прибывший пытается удерживать равновесие в лодке, но ему это не всегда удается. Последние несколько футов до берега приходится идти по воде. В самом Порт-Блэре кроме допотопной деревянной пристани на Чатаме, построенной англичанами, есть еще два вполне приличных причала: один — в морском порту, а другой, глубоководный, — в Хаддо. Имеется также хорошая пристань на Каморте.

Лет десять назад на островах было очень мало дорог, за исключением самого Порт-Блэра, хотя уже строилось так называемое Андаманское магистральное кольцо. Сейчас эта дорога соединяет противоположные концы Большого Андамана, причем через проливы, разъединяющие три острова, построены паромные переправы. Согласно официальным статистическим данным

1977 года, дорог с асфальтовым покрытием — 323,5 мили, дорог других типов — 14 миль, строящихся — 69 миль, Андаманское магистральное кольцо — 142 мили. Следует отдать дань уважения строителям дорог — военнослужащим инженерных войск и службы пограничных дорог.

Еще недавно на Большом Никобаре совсем не было хороших дорог. Сегодня там два магистральных шоссе: одно, длиной 28,6 мили, тянется от залива Кэмпбелл до кромки западного побережья, а другое, длиной 27,3 мили, ведет к мысу Пигмалион, самой южной точке Индии. Кроме того, инженерные войска занимаются также строительством служебных помещений и жилых домов для военнослужащих на всех островах.

Действительно, военные саперы хорошо потрудились на этих островах. Они восстановили и укрепили взлетно-посадочную полосу на Кар-Никобаре. Теперь здесь могут совершать посадку даже огромные реактивные самолеты. С помощью местной администрации и моряков индийского флота тут построен причал для морских судов длиной 1200 футов. Сюда могут сейчас заходить суда с осадкой 30 футов. Половина причала зарезервирована для использования ее судами ВМС.

Большую выгоду получили жители Порт-Блэра и его окрестностей после того, как была построена плотина Дханакари. Несколько лет назад Порт-Блэр испытывал острую нехватку воды во время сухого сезона, хотя уровень годовых осадков составляет там почти 100 дюймов. Теперь проблема нехватки воды решена на многие годы. Плотина имеет в длину 3430 футов, а в высоту — 993 фута, вместимость созданного хранилища — 2,25 млн. куб. м. Официальное открытие плотины состоялось 30 октября 1973 года.

В настоящее время на Андаманских и Никобарских островах находятся представители двух видов вооруженных сил Индии — сухопутных войск и военно-морского флота. На Кар-Никобаре имеются также подразделения индийских ВВС. Интересно отметить, что английские ВВС спустя много лет после получения Индией независимости все еще продолжают использовать Кар-Никобар для дозаправки горючим своих самолетов и держат на нем определенный контингент обслуживающего персонала.

Индийские ВМС имеют в Порт-Блэре свою базу, известную под названием «Джарава», а на Каморте еще

одну — «Кардип». Военно-морская база на Каморте занимается материально-техническим обеспечением судов, приписанных к ней. До прибытия сюда ее подразделений их обязанности исполнял гарнизон моряков.

Индийские ВМС имеют также в Порт-Блэре морской госпиталь «Дханвантри». Он обслуживает не только военнослужащих, но и гражданское население.

Значительный прогресс достигнут здесь в области просвещения. В Порт-Блэре есть даже субсидируемый правительством колледж. Согласно переписи 1971 года, увеличился также процент грамотных: среди мужчин он достиг 51,64%, среди женщин — 31,11%. Однако «местным» разрешается работать в правительственных учреждениях лишь на должности клерка или школьного учителя. Поэтому получившие здесь образование вынуждены искать работу на материке, что они делают с большой неохотой, так как не желают покидать родные места. Трудно встретить какого-нибудь «местного», занимающего сравнительно высокий правительственный пост, например помощника секретаря или чиновника в секретариате. На Кар-Никобаре я познакомился с одним никобарцем, достигшим ранга техсилдара⁷³! Так что если проблема занятости не будет решена, то бессмысленно расширять сеть образования или поднимать его уровень.

Улучшилось на островах и медицинское обслуживание. Согласно статистическим данным за 1976 год, там имеется всего 555 больничных коек. Получается, что на 321 человека приходится одна койка, что не так уж плохо. Здесь больным оказывается и некоторая специализированная медицинская помощь, правда в недостаточном количестве и при отсутствии современного оборудования или квалифицированных специалистов. Поэтому часто больной вынужден отправляться на материк для прохождения соответствующего курса лечения. Конечно, после того как здесь открылся военно-морской госпиталь, положение значительно улучшилось.

Что касается туризма, то правительство до сих пор почти ничего не предпринимает для его развития на Андаманских островах. Согласно устаревшим правилам, введенным еще британским правительством, долгое время ни один иностранец не имел права посещать эти острова. Несомненно, англичане стремились к тому, что-

⁷³ Техсилдар — начальник техсила (*tahsil*), низшей административно-территориальной единицы.

бы иностранцы не смогли увидеть поселения ссыльных и узнать, как на самом деле с ними обращались.

С 1974 года иностранным туристам разрешили посещать эти острова. Но здесь нет ни гостиниц, ни ресторанов, ни баров. В Порт-Блэре есть лишь одна стоянка такси. Когда в Порт-Блэр прибывает группа туристов, то их размещают в домах для правительственных гостей. Вопрос о том, кого из иностранцев пускать и кого не пускать на острова, до сих пор не решен. В Дели нет ни одного агентства, которое занималось бы этой проблемой.

Довольно анекдотичным кажется существующий здесь сухой закон. Рассказывают, будто однажды вечером машину одного Главного комиссара, который обожал заглядывать на дно бутылки, на улице остановили какие-то хулиганы. Они были пьяны и, очевидно, не узнали Главного комиссара, сидящего на заднем сиденье. Вместо того чтобы принять меры в отношении этих хулиганов, на следующее утро Главный комиссар провозгласил введение всеобщего запрета на алкогольные напитки по всей территории островов, хотя делать это он не имел права.

Каждый Главный комиссар считает себя диктатором. Однако эта территория подчиняется Центральному правительству, и поэтому не Главный комиссар, а лишь парламент Индии может урегулировать в законодательном порядке подобные вопросы. Довольно смешно, что согласно действовавшим тогда распоряжениям (сейчас они отменены) человек не мог купить спиртные напитки, однако их потребление преступлением не считалось! В результате стал процветать черный рынок по продаже алкогольных напитков, на котором свободно можно было достать любые напитки, включая шотландское виски. Местные жители стали гнать самогон.

Политика правительства в отношении аборигенов носит двойкий характер. С одной стороны, утверждается, что основная цель правительства — помочь им выжить в настоящих условиях, а с другой стороны, оно предпринимает действия, явно не способствующие этому.

Ричард Темпл провел в 1901 году всеобщую перепись населения Андаманских островов. По его мнению, численность аборигенов к моменту оккупации англичанами составляла 3500 человек. (Некоторые другие официальные лица называли цифру свыше 5000 человек.)

К 1901 году численность аборигенов сократилась до 625 человек. В настоящее время их насчитывается только 24 человека — 15 мужчин и 9 женщин. Правительство держит их всех на острове Стрейт, площадь которого составляет 1,4 квадратных мили. Когда в апреле 1975 года я посетил эти места, то среди этих людей было лишь две подходящие для супружеской жизни пары. Вождя аборигенов называют теперь раджой.

Эти два десятка аборигенов Большого Андамана настроены дружелюбно. Но, к сожалению, на острове Стрейт нет причала, поэтому когда к месторасположению аборигенов прибывает судно, то оно подает два громких гудка. Если у аборигенов есть желание, они подплывают на каноэ к судну и доставляют на нем гостей на берег. Если этого не происходит, то гости вынуждены возвращаться назад. (Меня об этом предупредили еще до того, как я отплыл из Порт-Блэра.) Аборигены готовы петь и плясать ради гостей всю ночь. В остальном (кроме умения ловить рыбу и делать каноэ) они утратили характерные черты традиционной культуры. Вместо того чтобы дать им возможность строить собственные хижины, правительство снабдило их уродливыми стандартными жилищами. Администрация также обеспечивает их продуктами питания и одеждой.

Единственный неандаманец, который живет с ними на этом уединенном острове в 30 милях от Порт-Блэра, — Б. П. Сони, представитель службы социального обеспечения. Когда я беседовал с ним, Сони выразил большое беспокойство в связи с тем, что обнаружил у андаманцев пристрастие к курению опиума. Несмотря на отдаленность острова, они умудряются как-то его доставать. Сони предполагает, что поскольку они могут свободно выходить в море и доплывать на каноэ до любых близлежащих островов, нечестные торговцы с более крупных островов встречаются с ними и обменивают опиум на кокосовые орехи и морские раковины.

По данным переписи 1971 года, насчитывалось 112 онге. Когда я впервые встретился с ними в 1967 году на открытом морском берегу залива Хат на Малом Андамане, они были настроены весело, выглядели жизнерадостными и счастливыми. В то время они свободно передвигались по острову. В последнее десятилетие возросло количество переселенцев с материка, что вынудило аборигенное население сесть в долине реки Дю-

гонг. Теперь они очень редко посещают берег залива Хат, который когда-то так им нравился.

Сейчас там проживает много переселенцев и правительственных чиновников, построены коттеджи, учреждения, магазины и клубы. Мне удалось встретить нескольких онге во время моего последнего посещения островов в 1975 году. Они выглядели угрюмыми и мрачными. Картина представляла собой большой контраст с тем, что я видел ранее, когда они пели, плясали и смеялись. Это было началом конца.

Джаравы, которые на протяжении более двух столетий были настроены к пришельцам враждебно, в последние годы несколько изменили свое отношение к ним. Большая заслуга в этом принадлежит заместителю суперинтенданта полиции Бахтавару Сингху, возглавлявшему лесную полицию. Однажды три юноши-джаравы заблудились в джунглях и попали в деревню Кадамталла (Средний Андаман). Их поймали сотрудники лесной полиции и доставили в Порт-Блэр, где они прожили около месяца. Затем их отправили назад с подарками. После этого в район, где они предположительно находились, усиленно стали забрасывать подарки. Т. Н. Пандит, главный антрополог Антропологической службы Индии, принимавший в этом участие, полагал, что необходимы визиты в этот район, так как они помогают получить определенный, весьма полезный опыт и знания в отношении джаравов. Пандит рассказал, что 18 февраля 1974 года группа по заброске подарков, возглавляемая старшим констеблем, сообщила, что обнаружено большое скопление джаравов в районе залива Фоул. Казалось, аборигены приветливо махали руками, положив свои луки и стрелы на землю. Может быть, они хотели получить еще больше подарков. Один из них даже поплыл в сторону полицейской группы, которая оставалась в своей корабельной шлюпке. Доплыв до нее, он затем повернул назад.

Поэтому засылку подарков продолжили под личным наблюдением Бахтавара Сингха, который прибыл туда на борту «Кондала». Судно бросило якорь у Чоталиганга, западного побережья Среднего Андамана. Здесь находился лагерь, состоящий из 50 джаравов. Бахтавар Сингх рассказывал, как он оставался там и продолжал выполнять свою задачу. Два дня подряд он оставлял подарки возле их хижин. Затем он обнаружил, что эти подарки все еще лежали нетронутыми. Видно, обитате-

ли хижин куда-то ушли. Назавтра он снова отправился в поселение. Когда он вышел на берег, то увидел джарава. Этот человек принял Сингха и других участников группы весьма дружелюбно. С тех пор он приезжает туда часто.

Однако мне кажется, что установленный мир был весьма непрочен. Так, в мае 1977 года группа джаравов убила пятерых крепко спавших в лодке бенгальских поселенцев. Видимо, эту лодку случайно занесло течением на территорию джаравов.

Трудно предугадать, как будут вести себя джаравы в той или иной ситуации. Поэтому многое зависит от администрации.

Антропологическая служба Индии оценивает численность джаравов от 250 до 300 человек; некоторые полагают, что их более 500. Если даже их действительно столько, то все равно единственный способ помочь им выжить — это предоставить их самим себе и всячески оградить от контактов с так называемым цивилизованным миром.

Сентинелы ведут замкнутый образ жизни. Они решительно отказываются от установления дружественных связей с кем бы то ни было. Недавняя попытка посетившей их группы из Порт-Блэра установить с ними контакты закончилась весьма плачевно — один из членов экспедиции был ранен стрелой. Согласно данным Антропологической службы Индии, численность сентинелов колеблется от 100 до 150 человек; они обитают на острове Норт-Сентинел, который расположен к юго-западу от Порт-Блэра. Площадь острова — около 47 квадратных миль.

Шомпены, единственные аборигены Никобарской группы островов, обитают на Большом Никобаре. Их численность, опять-таки согласно оценке Антропологической службы Индии, составляет около 150 человек. (В 1866 году их было 300—400 человек, а по переписи 1971 года оставалось лишь 92.) Они также долго жили в полной изоляции. Я встречался с некоторыми из них. Гости с материка научили их курить табак и носить одежду. Они безропотно надевали то, что им давали, а потом уже не снимали эту одежду до тех пор, пока она на них не истлевала. Мне кажется, у шомпендов нет будущего.

Однако у никобарцев все совсем по-другому. Хотя они и воспринимали удобства, предоставляемые цивили-

лизацией, но делали это выборочно: они приспособили их под свой образ жизни и окружение. Никобарцам уже полюбились такие спортивные игры, как футбол, волейбол и т. п. Без сомнения, если им дать образование, время и возможность заботиться о себе, то они во многом преуспеют. Главный комиссар Хар Мандер Сингх рассказал о никобарцах, что они пытаются сохранить свои старые обычаи. У них до сих пор существует институт племенных вождей. Следует отметить, что многие элементы их традиционного образа жизни претерпели в последнее время значительные изменения в связи с возросшими средствами коммуникации.

В 1971 году было решено, что впредь депутат от Андаманских и Никобарских островов в парламенте будет выбираться, а не назначаться сверху, как практиковалось до этого. К. Р. Ганеш (он находился в списках кандидатов в депутаты) прошел в парламент подавляющим большинством голосов. Он был по-настоящему местным — один из его предков был ссыльным. Выяснилось, что его дед и бабушка родом из разных штатов: дед — из Андхры, а бабушка — из Тамилнада. Эта традиция продолжалась, и его братья и сестры вступали в брак с выходцами из различных штатов.

Он столкнулся с первыми трудностями, когда встал вопрос об изменении названия островов, поднятый двумя последователями С. Ч. Боса 22 августа 1969 года. Они предложили назвать острова Шахид и Свараджи (Острова мучеников и независимости). Выступая с резким возражением против этого предложения, К. Р. Ганеш заявил, что, хотя Андаманские и Никобарские острова провозглашены местом пребывания Временного правительства, возглавляемого Субхас Чандра Босом, следует напомнить, что именно тогда, во время японской оккупации, три четверти населения островов были уничтожены японскими милитаристами.

На Андаманских и Никобарских островах нет ни одного дома, в котором не осталось бы следов ран, нанесенных второй мировой войной. Сотни местных жителей были брошены в тюрьмы, тысячи казнены и утоплены в море. Население островов жестоко пострадало от фашистов в период, когда там функционировало Временное правительство и даже после. Местные жители любят свои острова и не хотят изменять их названия, ведь их история началась не в 1943 году, а значительно раньше — в 1857 году. Они — потомки осужденных участни-

ков восстания 1857 года. Название «Андаманы» навсегда останется в их сердцах. Андаманские племена известны под этим названием всему миру. Разве можно предавать своих предков? Местные жители не допустят, чтобы названия их островов изменили. Как показывают имеющиеся в нашем распоряжении материалы, этот вопрос никогда больше не поднимался.

Имелась ли какая-нибудь польза от поселения каторжан в Порт-Блэре? Без сомнения, оно должно было служить местом для наказания тех, кто не желал подчиняться политике, навязываемой колониальной властью. Оказывается, польза была, ведь, как известно, нет худа без добра. Именно здесь, на этих крошечных островах, родилось смешанное сообщество людей различных национальностей. Огромное количество заключенных прибыло сюда с севера и юга Индии (среди них были пенджабцы, синдхи, белуджи, тамилы, телугу, бенгальцы и выходцы из Махараштры и Мадхья-Прадеша). Они говорили на разных языках. Им также приходилось приспосабливаться к новым условиям жизни, враждебному окружению и тяжелому климату. К тому же острова были покрыты непроходимыми джунглями, заболоченными местами, полными москитов. Все это весьма пагубно влияло на здоровье осужденных. Бежать с островов было бессмысленно. Поэтому осужденные старались приспособиться к новым условиям жизни и существовать. Заключались браки между осужденными, а также между осужденными и свободными поселенцами. В результате постепенно возникла какая-то новая этническая общность, языком общения которой стал хиндустани. У этой этнической общности сформировались особые отличительные черты духовной культуры и быта. Здесь почти нет кастовых различий, а религия не играет столь заметной роли, как в материковой Индии.

Будущее Андаманских и Никобарских островов связано с судьбой всего индийского народа.

Сейчас эксперты по конституционным вопросам должны принять решение о новой административной структуре островов, поскольку существующая совершенно неудовлетворительна. К сожалению, не всегда присылаемые с материка чиновники проявляют заинтересованность в улучшении благосостояния местного населения.

Как остроумно заметил один островитянин, каждый Главный комиссар свой первый год пребывания прово-

дит в большой поездке по своим «владениям» — теперь в его распоряжении имеется персональное судно; весь следующий год приобретает для себя модную мебель, а третий, последний, тратит на упаковку багажа. Обстановка напоминает положение в индийской провинции до получения страной независимости.

Острова не только очаровывают красотой природы, но и поражают богатством полезных ископаемых. Повидимому, здесь есть и нефть. Насколько известно, сейчас проводятся определенные работы по ее поискам.

Большое будущее за разработкой минеральных ресурсов, которыми, по мнению ученых, богато дно Бенгальского залива.

Существуют прекрасные перспективы для развития туризма. По специально разработанному плану следует осуществить строительство комфортабельных современных отелей и строений, стилизованных под старинные хижины островитян. В печати уже сообщалось, что началось строительство гостиницы в Порт-Блэре. К сожалению, в Порт-Блэре нет ни одной лодки или катера со стеклянным дном, а ведь флора и фауна Андаманского моря удивительно богаты. Хотелось бы увидеть то, что скрывается в этих изумрудно-зеленых водах.

Ходят слухи, будто на Большом Никобаре откроется порт, где товары не будут облагаться таможенной пошлиной. Что касается Кар-Никобара, то этот остров слишком перенаселен и о строительстве здесь беспешлиного порта и говорить нечего. Тем не менее есть много людей, которые заинтересованы в проекте такого рода. Например, индийцы, проживающие за границей, предлагают покрыть все расходы, связанные с его строительством, в иностранной валюте. Однако, прежде чем приступить к осуществлению подобного проекта, следует разработать программу развития островов, учитывающую географические условия, природные богатства и особенности этнического состава. Сегодня настало время это сделать. Завтра, может быть, будет уже слишком поздно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга — не справочник и не энциклопедия, но по богатству и разнообразию материала может поспорить и с тем, и с другим. История открытия островов, их освоение, мрачная роль в национально-освободительном движении Индии, трагедия оккупации в годы второй мировой войны, наконец, развитие островов в период независимости — все это дано с фактами, цифрами, жанровыми зарисовками, так что получаешь вполне определенное впечатление о всех этих периодах. Автор не проводил этнографического обследования, не поднимал архивы британской колониальной администрации, его знания о периоде оккупации базируются только на воспоминаниях очевидцев, сведения о планах развития островов он почерпнул из самых распространенных справочников. Так что и этнограф, и историк, и экономист могли бы предъявить к автору свои профессиональные претензии. Но он тщательно собрал все, что было написано об Андаманских и Никобарских островах с давних времен до современности, скомпоновал интересный, увлекательный рассказ, удовлетворил любопытство читающей публики по отношению к этому заброшенному в море островному миру, одно время действительно отрезанному от остального мира, да и сейчас еще сохраняющему определенную изоляцию.

Содержание и композиция книги определяются в первую очередь впечатлениями самого Икбал Сингха, посетившего острова и очарованного их красотой, его интересом к тем или иным сторонам жизни островитян.

Название книги — «Повесть об Андаманах» — не совсем точно отражает ее содержание. В ней речь идет не только об Андаманских, но и о Никобарских островах. Хотя административно они в настоящее время объединены в рамках одной союзной территории, между ними существует огромное различие. Никобарцы сильно отличаются от андаманцев по своему антропологическому облику, происхождению, языку, культуре, хозяйству, историческому прошлому и современным этническим процессам. По сути дела, это два разных островных мира.

Многие главы книги повествуют о появлении европейских колонизаторов на Андаманах и Никобарах. Причем Икбал Сингх часто (вслед за английскими авторами) неверно оценивает причины, побудившие англичан создавать форты и поселения на островах. Конечно, главная причина состояла не в том, чтобы строить укрепленные поселения как место спасения от «свирепых» островитян для моряков, потерпевших кораблекрушение в Андаманском море. Острова имели важное стратегическое значение, и, кроме того, как и все захваченные колонии, они должны были при их дальнейшем освоении нести новые богатства Великобритании.

Неоправданно благодушный тон встречается в некоторых разделах, посвященных взаимоотношениям островитян и прибывших их «цивилизовать» англичан. Трогательно, чрезвычайно дружески сложились, по мнению И. Сингха, отношения между онге и англичанами. Однако многочисленные факты, свидетельствующие о методах англичан при установлении такой «дружбы», приводимые самим же автором книги, трагические последствия контактов островитян с пришельцами заставляют нас совсем по-иному оценивать характер этих отношений. Европейская колонизация Андаманских островов привела к полному истреблению многих групп аборигенов и обрела на вымирание практически все население, которое было лишено привычных условий жизни и средств существования и было беззащитно перед лицом страшных болезней, ранее здесь неизвестных. Многие страницы книги посвящены «домам для андаманцев», которые фактически были домами, где англичане содержали заложников, захваченных в разных андаманских племенах. Сингх приводит факты, свидетельствующие о том, что андаманцы содержались в этих домах насильно, часто болели, умирали, бежали из них при первой же возможности. Автор сам себе противоречит, когда положительно оценивает деятельность Хомфрея, одного из управляющих «домами для андаманцев», тем более что несколькими строчками выше приведены свидетельства полковника Г. Мэпа о жизни островитян в «домах» именно в тот период, когда за один год никто из новорожденных детей не выжил, хотя ежемесячно там рождалось не менее двух детей.

Столь же противоречиво изложен материал о положении племен и в наши дни. С одной стороны, автор с неизменной симпатией относится к островитянам, сочувствует коренным жителям островов, вытесненным с их земель. С другой стороны, рассказывая о своем посещении о-ва Большой Никобар, он отмечает, что все население острова состоит из взвода полиции и пяти чиновников, поэтому он приветствует переселение на остров множества семей из Пенджаба (в основном все сикхи, как и сам автор). Вскользь И. Сингх замечает: «Правда, на этом острове есть немного аборигенов, шомпенов, но их численность невелика».

Икбал Сингх с грустью отмечает, что жизнь островитян с каждым годом меняется, причем часто на островах воспринимаются не самые лучшие достижения цивилизации. Сингх хотел бы, чтобы на Андаманах оставались уголки «первобытного рая», где не обремененные заботами современного человека островитяне вели бы бесхитростную жизнь, полную веселья, радости, музыки, танцев, песен. Такой «первобытный рай» рисовало воображение авторов XVIII в. Однако его никогда не было на Андаманах и, конечно, не будет в будущем.

Для историка наиболее любопытны страницы, посвященные функционированию каторжной тюрьмы на Андаманских островах, и рассказ об оккупации островов японцами.

Ссылный мир, созданный на Андаманах, был жесток, бесчеловечен, но по-английски упорядочен и по-тюремному «благополучен». Колонизаторы не дошли до «душегубок», потому что включили в систему подавления революционного движения в Индии нездоровый климат Андаман и непосильную работу. Вероятно, Сингх слишком доверял мемуарам и отчетам, которыми он пользовался при написании книги, поэтому иногда представители тюремной администрации рисуются людьми благородными, по-отечески заботящимися о заключенных.

Удивительное впечатление производит эпическое описание автором «демографической ситуации» на островах — увеличение населения после подавления на материке очередного восстания против английской власти и опять резкое его падение, когда болезни и переутомление заключенных делали свое дело.

Англичанам в целом удавалось справляться с национально-освободительным движением в Индии. Так получилось (по причинам, которые здесь было бы неуместно разбирать), что руководство национально-освободительным движением в Индии чаще всего находилось в руках лидеров умеренного толка — сначала либералов, боявшихся масс, а потом гандистов, привлечших массы к борьбе, но борьбе ненасильственной, не представлявшей непосредственной, сиюминутной угрозы жизни и имуществу англичан. Подавление такого движения состоялось в разгоне демонстраций, время от времени в расстрелах вроде амритсарской бойни 1919 г., массовых заключениях в тюрьму на срок от нескольких дней до нескольких месяцев, и, конечно, в излюбленных английских методах — «даровании» микроскопических уступок. Более жестоких приемов обычно не требовалось.

Эта кажущаяся легкость обеспечивалась, помимо прочего, систематическим «выпалыванием» англичанами того, что они считали сорняками в политической жизни Индии, — всех тех, кто был готов бороться с ними с оружием в руках. Террористы, национальные революционеры, как они называются в нашей литературе, не могли добиться преобладания в национально-освободительном движении, конечно, по объективным причинам. Терроризм вообще обоюдоострое оружие — он поражает как тех, против кого направлен, так и тех, кто его организует. Они окружают себя вакуумом и гибнут в нем политически или буквально.

Но национальный революционер опасен тем, что он революционер. Он способен отказаться от террористических методов, пересмотреть отношение к массам, узнать и усвоить новую идеологию и иную революционную тактику — и тогда он будет представлять огромную опасность для режима. Индийские мелкобуржуазные революционеры, оставшиеся на свободе в 20—30-е годы, нередко проделывали подобную эволюцию, находя выход своей антиимпериалистической энергии в рамках коммунистического движения. Дальновидность англичан как правителей проявилась в том, что они как бы предвидели это развитие событий еще тогда, когда не было самого коммунистического движения. Кто знает, как повернулось бы дело, если бы англичане не проводили жестокую и продуманную политику депортации революционных элементов на отдаленные острова, побег с которых был практически невозможен. Англичане купили «спокойное» правление Индией, заплатив жизнями ее самых верных, передовых, энергичных сынов.

Изучая историю Индии, время от времени встречаешься с упоминаниями о ссылке революционеров на Андаманы. И после этого человек пропадает или же возникает вновь через много лет, как бы возвратившись на Землю из другого мира. Книга И. Сингха позволяет проследить судьбу ряда этих лиц, узнать, как прошли годы их жизни, нередко последние, как колонизаторам удалось с ними справиться. Но не со всеми. Наиболее яркая и наиболее противоречивая фигура среди каторжан — Винайк Дамодар Саваркар. Приговоренный за свою смелую, даже отчаянную борьбу с колонизаторами, которых он люто ненавидел, к двум пожизненным заключениям, он все же был по требованию общественности через несколько лет освобожден. Не удалось англичанам убить каторгой и многих гад-

ровцев — лидеров партии, ставшей впоследствии ближе других национально-революционных организаций к марксизму.

В конечном счете все меры англичан — жестокие и мягкие, законные и незаконные — лишь отсрочили их уход из Индии, но не могли увековечить их власть.

Страницы, посвященные второй мировой войне, рассказывают о кошмаре японской оккупации. Нечеловеческие жестокости, геноцид, разгул низменных страстей — все это кажется даже невероятным. Но вспоминаются рассказы о японской оккупации Дальнего Востока в 1918—1922 гг., о бесчинствах японцев в Китае — и понимаешь, что рассказы очевидцев, должно быть, достаточно точны.

Особенно ценны данные Сингха тем, что они освещают довольно темную, противоречивую и в то же время славную страницу борьбы Индии за свободу.

Идея освобождения страны при помощи другой великой державы, которая разбила бы Англию, культивировалась в Индии довольно давно. Во времена первой мировой войны Индийский революционный комитет, организация индийских эмигрантов в Берлине, заключил «договор» с кайзеровской Германией. Индийские революционеры обязались помогать в войне против Антанты, а Германия обязалась поддерживать создание «социалистической» республики в Индии после ее освобождения. Интересно, что за «республика» установилась бы в Индии, если бы она попала во власть кайзеровских генералов?

Во время второй мировой войны ту же идею привлечения на сторону освободительного движения Индии врагов Англии вынашивал Субхас Чандра Бос, один из «левых» лидеров Индийского национального конгресса. Он пытался организовать отряды своих сторонников, ходил в полувоенной форме и получил титул Нетаджи («Вождь», точное соответствие немецкому «фюрер»). Запомнился Бос жителям Калькутты как руководитель митинга, поднявший руку в приветствии, напоминавшем фашистское. Именно в этой позе он стоит сегодня, отлитый в бронзе, на одной из площадей крупнейшего города Индии.

В 1939 г. он был помещен под домашний арест, однако сумел ускользнуть, пробраться в Германию, а оттуда, как это описывается в книге, попал в оккупированную японцами Малайю. Казалось, он был накануне осуществления своей мечты — мог вступить в Индию во главе армии и изгнать английских поработителей силой оружия, так, как он любил — решительно и смело. Из военнопленных англо-индийской армии и из индийского населения стран Юго-Восточной Азии была сформирована «Индийская национальная армия». Она стояла в Бирме и ждала только приказа, чтобы обрушиться на англичан. Уже было сформировано правительство будущей независимой Индии. Под юрисдикцию этого правительства были официально переданы Андаманские и Никобарские острова — первый (оказавшийся и последним) клочок матери-Индии, вырванный из рук ненавистных англичан.

Но Бос, наверное, и сам понимал, насколько в действительности он далек от своего идеала. Японцы не имели сил начать индийскую кампанию. Они не доверяли индийской армии, не снабжали ее достаточным количеством оружия. Наконец, на Андаманских и Никобарских островах они распоряжались бесконтрольно, совершенно не признавая «правительства» Боса. И Субхас Чандра Босу, знаменитому Нетаджи, приходилось делать вид, что все идет хорошо, японцы с ним считаются и его «правительству» действительно принадлежат острова, приходилось делать вид, что не замечаешь, каким пыткам

и издевательствам подвергается население островов и планировать свою «инспекционную» поездку по островам так, чтобы не натолкнуться на бесспорные доказательства японских беззаконий. Жалкая судьба человека, ждущего помощи от чуждых ему людей, когда он понимает тщетность своих просьб, но не имеет мужества признаться в этом!

Нетаджи остался героем, особенно в Бенгалии. В одном ему повезло — ему не довелось прибыть в любимую Калькутту в обозе японцев. Если бы это случилось, вряд ли он стоял бы сейчас на площади в бронзовом френче и с рукой, вытянутой ладонью вперед. Офицеры «Индийской национальной армии» тоже стали героями, особенно после осуждения их британским военным трибуналом. Но в истории этой армии, в истории функционирования «правительства» С. Ч. Боса были такие теневые стороны, которые нужно знать и которые отчасти раскрывает данная книга.

К сожалению, в книге отсутствуют ссылки на источники и литературу, что снижает ее ценность для специалистов. В предисловии автор подчеркивает, что сделал это намеренно, для того чтобы повествование было более легким для чтения. Однако Икбал Сингх не всегда последователен в своем стремлении сделать книгу максимально доступной и интересной для широкого читателя. Временами он перегружает текст цитатами из многочисленных колониальных изданий об Андаманах и Никобарах (хотя и без точных ссылок на источники), множеством имен английских чиновников и офицеров, описанием малоинтересных, часто весьма схожих эпизодов и событий, дилетантскими рассуждениями, касающимися происхождения коренных жителей островов, их антропологического облика, истории и т. д. Такие разделы в русском издании даны с сокращениями.

Думается, что книга будет прочитана с удовольствием многими людьми, интересующимися географией и историей заброшенных уголков Земли, а также специалистами по истории Южной и Юго-Восточной Азии.

Л. Б. Алаев, А. Н. Седловская

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Далекое прошлое	6
Географическое положение островов и рельеф местности	14
Дары природы	17
Начало колонизации англичанами Андаманских островов	23
Удивительные кораблекрушения	34
Еще о кораблекрушениях	44
Возвращение англичан на Андаманские острова	51
Коренное население Андаманских островов	58
Онге	67
Каторжане на Андаманах	72
Первые трудности	81
Жители Никобарских островов	83
Поселение каторжан на Никобарских островах	98
Никобарская легенда	99
Поселения каторжан растут	102
История «домов для андаманцев»	128
Еще об онге	143
Непокорные джаравы	150
Снова о поселениях каторжан	159
Мапилла	165
Первые политические ссыльные	170
Первая мировая война	185
Тень микадо	208
Японская «сфера сопроцветания»	211
Ужесточение оккупационного режима острова под суверенитетом Временного правительства Индии	219
Освобождение	237
Долгожданная независимость и наши дни	243
<i>Л. Б. Алаев, А. Н. Седловская.</i> Послесловие	267

Икбал Сингх

ПОВЕСТЬ ОБ АНДАМАНАХ

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор Э. О. Секар. Младший редактор М. В. Малькова. Художник Л. С. Эрман. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Слюковнина. Корректоры К. Н. Драгунова и Л. Ф. Орлова

ИБ № 14982

Сдано в набор 20.07.84. Подписано к печати 21.11.84. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,6. Уч.-изд. л. 15 65. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5521. Зак. № 502. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143. Открытое шоссе, 28

1 p. 40 к.